

Владимир Дмитриевич Михайлов

Тело угрозы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151201

Тело угрозы: АСТ, Ермак; Москва; 2003
ISBN 5-17-020815-4, 5-9577-0692-2

Аннотация

Человечество – на грани гибели!

Кто знает об этом?

Политики, которые ведут каждый свою игру и пытаются «нажить капитал» на грядущем Апокалипсисе, которые, не задумываясь, готовы принести в жертву своим амбициям наши жизни.

И... еще один человек, случайно ставший обладателем секретной информации – и готовый на все, чтобы предупредить людей о надвигающейся катастрофе.

Времени остается все меньше!

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	9
3	15
4	17
5	24
6	30
7	33
8	37
9	44
10	54
11	63
12	71
13	87
Глава вторая	90
1	90
2	96
3	108
4	114
5	128
6	137
7	140
8	145

9	153
10	159
11	166
12	170
13	175
Глава третья	177
1	177
2	190
3	201
4	204
5	208
6	218
Конец ознакомительного фрагмента.	224

Владимир Михайлов

Тело угрозы

Глава первая

1

Документ напоминал все подобные: любительское сообщение о наблюдении космического тела, до сих пор ни в какой каталог не занесенного. Иными словами – об открытии.

Все было указано так, как и следовало: кто, где и когда наблюдал (астроном-любитель Ржев Люциан Иванович, Московская область, Подрайский район, отдельно стоящий дом близ деревни Летягино, 8 августа 2015 года, или 57235 MJD, начало экспозиции неподвижной камерой – 4 часа 34 минуты 30 секунд всемирного времени, окончание – 5 часов 00 минут 27 секунд, экспозиция с гидрированием – 57236 MJD с 1 часа 02 минут 15 секунд до 1 часа 42 минут 07 секунд), визуальное наблюдение – тогда же, с 1 часа 50 минут до 2-х часов 20 минут; какой инструмент использовался (Альтер 450 мм, фотокамера «Никон», модернизированная, экспозиция постоянная, и так далее). Наблюдавшееся как объект 14-й величины тело имеет координаты (приблизленно): склоне-

ние – (указано), прямое восхождение – (также указано). Астроклимат: ночной хороший, воздух прозрачен, яркость фона минимальная, сухо, безветренно, роса не выпала. Наблюдения продолжаются.

До сих пор все было нормально. Однако, закончив перечисление действий и условий, автор сообщения счел возможным сделать и вот еще какое заявление:

«Внимательное наблюдение в продолжение вот уже семнадцати дней и компьютерная обработка полученных цифр дают возможность заявить, что движение замеченного тела не может быть объяснено известными причинами. А экстраполяция с учетом этих данных его траектории заставляет предположить, что оно может представлять опасность для Земли, в частности именно потому, что дальнейший его путь кажется мне непредсказуемым.

Не имею возможности в столь малом объеме изложить имеющиеся у меня доказательства, но повторяю и прошу отнестись к этому серьезно: совершенно уверен, что обнаруженное мною космическое тело представляет серьезнейшую угрозу самому существованию нашей планеты. Нас ожидает небывалая катастрофа, и об этом должен обязательно знать наш президент. К сожалению, некоторые источники моей убежденности по существующей плохой традиции не будут признаны строго научными, что в моих глазах ничуть не делает их менее достоверными. Не считаю возможным излагать их здесь, но готов сделать это при личной встрече. По-

этому умоляю немедленно и серьезно перепроверить мои данные и выводы относительно всех параметров тела и его движения, чтобы можно было своевременно принять все необходимые меры. Прошу найти время для личной беседы со мною – полагаю, что смогу убедить вас в серьезности положения. Тогда же передам вам все записи наблюдений, расчеты и сделанные фотографии».

Разослано сообщение было по факсу, кроме ВАГО – еще и в Колокольскую обсерваторию. А также в Президиум Академии наук – просто так, от полноты чувств, наверное. Интернетом автор сообщения не воспользовался – потом уже стало известно, что он так и не счел нужным подключиться к сети, поскольку (видимо, сказывался его весьма достойный возраст) был уверен, что главным, что можно от сети получить, являлись вирусы и грабительские налеты на его базу данных, которой он дорожил, на что имел все основания.

Видимо, эта странная приписка и не позволила адресатам отнестись к изложенному в нем факту достаточно серьезно.

Однако, кроме всех указанных адресов, послание, переданное, как уже упоминалось, по факсу, получили и еще в одном месте – там, куда оно вовсе не предназначалось.

Этого не случилось бы, не будь в тексте слова «президент». Слово это относилось к ключевым, и телефонный разговор или факс, в котором оно встречалось, становились предметом внимательного анализа.

Так что названный в самом начале Люциан Иванович Ржев не мог бы – знай он об этом – пожаловаться на отсутствие интереса к его открытию. Как если бы он сам послал его по адресу: «Москва, Кремль».

Впрочем, узнать об этом ему не было суждено.

Директор службы безопасности страны тоже думал о президенте; его навел на эти размышления частный и не очень важный, но все же своевременный вопрос, а точнее – доклад, только что сделанный одним из его подчиненных.

Директор уже давно приказал: всю информацию, в том числе и перехваты, в которых в любом контексте упоминается президент страны, докладывать лично ему. Для такого распоряжения было множество причин и поводов. В конце концов, безопасность главы государства, пусть даже при существовании службы безопасности президента, оставалась и обязанностью СБ – и кто мог бы возразить на это хоть полслова? Знать о других причинах никому не полагалось.

И вот сейчас майор Волин, тот самый подчиненный, только что закончил доклад.

Директор еще раз пропутешествовал глазами по тексту перехвата – сообщения по факсу.

– Ну и как вы это квалифицируете? – задал он вопрос.

Майор Волин ответил, не раздумывая:

– Тут усматриваю состав попытки дезинформации президента, это первое, а второе – стремление вызвать массовую панику путем распространения слухов о грозящих катастрофах. О конце света, в общем.

– М-да... – выговорил директор задумчиво. – М-да. – Он

помолчал еще. – Вряд ли, конечно... А хотя...

Он помолчал. Пошевелил пальцами.

– Да. Ладно. Свободен пока. Далеко не уходи.

Оставшись один, он подумал еще немного. Вызвал секретаря:

– У нас когда запланированы эти... инопланетяне?

Инопланетянами он называл экстрасенсов, парапсихологов и астрологов, с которыми время от времени происходили встречи и совещания.

– В пятницу в шестнадцать тридцать.

– Вот что сделайте: вызовите их прямо на сейчас. По тревоге.

Вызванные «инопланетяне» собрались исправно; они выглядели несколько испуганными, что нетрудно понять: по тревоге их никогда еще не вызывали, а если учесть – куда вызывали, то причин их волнения долго искать не придется.

В свою очередь и сам директор СБ, если взглянуть, выглядел не очень уверенно. Положение его и в самом деле было затруднительным: с одной стороны, ему нужно было узнать мнение специалистов по конкретному документу, с другой же – генералу очень не хотелось ни предъявлять им этот документ, ни даже пересказывать его содержание своими словами; кем-кем, но распространителем информации он никогда не был и всю жизнь считал, что язык находится в безопасности, лишь когда он за зубами. И потом, вдруг все

это окажется бредом, дикой лажей, чьей-то шуточкой («За такие шутки оторвать ему и язык, и все прочее!») – как он тогда станет выглядеть в глазах своих негласных советников?

Поэтому, ответив на приветствия и пригласив садиться, он обратился к ним с таким заявлением:

– Тут, товарищи... господа, такая, я бы сказал, пикантная ситуация. Необходимо ваше высокопрофессиональное мнение по одному-единственному, но очень важному вопросу. Вот по какому: грозит ли нашей с вами России, более того, грозит ли всей планете серьезная, вплоть до самой серьезной, угроза в более или менее обозримом будущем?

Генерал умел и говорить интеллигентно, когда нужно.

– О каком именно будущем идет речь? – спросил ясновидец.

– Н-ну... скажем, в течение года.

О сроках в документе ничего не было, но директор полагал, что сама его тревожная интонация указывала на то, что вряд ли речь шла о десятках или сотнях лет.

– Года... Или даже месяцев.

– А какого рода угроза? – спросил хиромант.

Генерал улыбнулся, как бы извиняясь:

– Поверьте – я не имею права сказать этого даже моему заместителю. Такой уровень. Но ведь я спрашиваю лишь о том – есть ли вообще угроза или ее нет? Не спешите с ответами. Подумайте, загляните, вы же это умеете, и скажите только – да или нет?

После этого наступило молчание, слышно было лишь сопение сосредоточившихся в поисках ответа людей. Первым тишину прервал хиромант:

– С точки зрения моей науки – угрозы нет. Во всяком случае, серьезной, тем более – фатальной. Если бы она была, это отразилось бы на линии жизни любого из нас. Но я знаю руки всех присутствующих – и ничего такого там нет, никакой угрозы, никакой беды, которая совпадала бы у всех по времени. Итак, мой ответ – нет.

– Благодарю вас, профессор. А по-вашему, мэтр, как?

Ясновидящий ответил:

– Вижу много осложнений в государственных делах; но все они не выходят за рамки обычного политического процесса. Однако не усматриваю ничего глобального, чем могла бы быть мировая война, или, скажем, всеобщая эпидемия какой-то новой болезни, или потоп. Так что я склонен присоединиться к моему коллеге.

– А вот я не могу с вами согласиться, – прозвучало третье заявление.

Сделала его молодая женщина, присутствовавшая здесь в качестве астролога.

Повернувшись к ней, генерал улыбнулся – но улыбка его никак не выглядела доброжелательной.

– Ну-с, что же говорят об этом звезды? Хотя сию минуту вы вряд ли могли наблюдать их...

– Для иронии здесь нет поводов, – сказала она как отре-

зала.

– По-вашему, ваши коллеги так грубо ошибаются?

Женщина покосилась на насупившихся соседей.

– Нимало. Дело в том, что они искали ответ в пределах нашей планеты. В то время как угроза исходит извне. Из космоса. И...

– Благодарю вас!

Это прозвучало в точности как команда «Ат-ставить!».

Женщина умолкла, едва не захлебнувшись невысказанными словами.

– Благодарю всех! Вы нам очень помогли! Совещание объявляю закрытым. И напоминаю: ваши обязательства о неразглашении действуют двадцать четыре часа в сутки, триста шестьдесят пять дней в году. Все сказанное и услышанное здесь является совершенно секретным, составляет государственную тайну и не может обсуждаться даже между вами. Еще раз – спасибо. До свидания!

И он привстал со стула, словно собираясь толкать их взащей из кабинета.

Но они и сами покинули его чуть ли не бегом.

Глядя им вслед, генерал перевел дыхание.

Черт бы ее взял! Еще секунда – и она бы болтанула...

Но похоже на полное совпадение с текстом перехвата.

Ну что же...

Он поднял трубку.

– Волин? Зайди.

Откинувшись на спинку стула, как бы расслабившийся, сказал майору с некоторой даже ленцой:

– Значит, так... сделаем вот что – съездите, на месте по-толкуйте с этим – как его? Да, Ржевом – или Ржевым, как его там правильно; посмотрите, что он за человек – тогда подумаем дальше. У вас ведь отдел сейчас не перегружен? Вот и займитесь этим. Только не напугайте его, народ сейчас такой...

– Слушаюсь.

– Хорошо, это все. Свободны.

Хотя на самом деле (думал он) это скорее было далеко не все. Новая информация могла пригодиться в... Стоп, стоп, даже в мыслях. Конечно, это вернее всего – пустышка, бред собачий, однако же... как-никак там было слово «президент» – слово, которое всегда казалось генералу чем-то вроде мины с таймером, поставленной на неизвлекаемость.

О президенте постоянно думают множество людей – по самым разным поводам. Самому же ему жизнь поминутно дает большую кучу поводов для размышлений, из которых – самому или с подсказки советников и приближенных – приходится выбирать наиболее срочные и серьезные. И в число этих поводов проблемы космоса никак не входили – их черед придет, предполагалось, когда возникнут очередные сложности на Международной космической станции. А сейчас главной была совсем другая тема.

А именно – его, президента, предложения о заключении эпохального (предположительно) соглашения между странами Ядерного Клуба об окончательной и бесповоротной ликвидации ядерных вооружений на всей планете. Они уже лежали на столе перед тем человеком, от которого успех – или провал – соглашения зависел в первую очередь: перед президентом Соединенных Штатов. И пока от него не поступит ясный и недвусмысленный ответ, президент России не сможет отвлекаться ни на какие другие проблемы. Кроме разве что всемирного потопа.

Президент знал, впрочем, что такое бедствие Земле пока не грозит. Хотя потепление климата, конечно, имело место; но эту проблему решать придется уже другому главе государства: до нее еще годы и годы.

А вот разоружение может произойти буквально в ближайшие если не дни, то недели, во всяком случае. И ни о чем другом сейчас думать не следует.

Дело это было настолько грандиозным, в полном смысле слова историческим и судьбоносным, что все прочее теперь казалось президенту слишком мелким, чтобы тратить время и силы; и все, что теперь происходило, он расценивал лишь под одним углом зрения: может это сыграть какую-то роль в подготовке Конференции и подписании Соглашения или нет. То, что в эту программу не укладывалось, он откладывал на потом. Вот сделаем главное – тогда будет время и на рутинные дела.

Это, однако, не должно было смущать никого ни в стране, ни во всем мире. И поэтому внешне он жил и работал в обычном ритме и по заранее составленным планам. Сейчас планы предусматривали его визит на Камчатку, давно обещанный, – и потому в эти дни президент действительно находился в Петропавловске, а не в Москве, scrupulously выполняя программу визита.

Умирая, Ржев молотил всякую чепуху. Он понимал, что уходит, и ему было страшно – хотя болезнь и была ужасна. И он старался не показать своего страха и говорил, пытаясь улыбаться, чтобы уйти так, как полагается мужчине. Говорил несерьезно.

– Тонгарев, – настойчиво спрашивал он, к примеру. – Был такой мореплаватель русский? И еще – Мангарев. Был?

Говорить ему было трудно и больно. Почти невозможно. Рак горла в последней стадии. Тут не поболтаешь. Но он упорно выталкивал слово за словом – со скрежетом, с неимоверным напряжением воли. Словно самым главным на излете земной жизни стало для него добиться истины об этих двух именах.

– Не было таких моряков, – отвечал Минич, внутренне вскипая: так ли следовало старику расходовать последние капельки жизни, которых почти уже не оставалось в представлявшейся воображению Минича клепсидре, где-то там отмерявшей положенное? Наверное, сказывалось действие наркотика; без него старик сейчас только и мог бы, что выть диким воем от боли. – Да Господь с ними. Ты лучше скажи: может, какие-то поручения есть, пожелания? Я сделаю...

– А об этом все в завещании сказано, потом прочитаешь, – прохрипел Ржев едва различимо; наверное, не хотелось ему

говорить о неизбежном, что стояло совсем уже рядом. – Как же так – не было? В тех морях и Кутузова остров есть, и Волконского, Спиридова, Румянцева даже два острова есть – в Туамоту и в Маршалловых... Лазарева есть, Суворова, даже «Восток» есть – в честь корабля... Что, по-твоему выходит, Суворова тоже не было?

– Суворов был, и не один даже... – отвечал Минич уже через силу. – А Тонгарева никакого не было. Остров Тонгарева, понял? Тонга-рева. На их каком-то языке.

С трудом удерживался он от желания сказать: «Брось баболожить, тебе самое время о Боге думать, а не об островах...» Но нельзя было обижать старика в последние часы его жизни, а может, и минуты; при жизни Ржев хорошим был мужиком, достойным. Поэтому и сидел тут с ним Минич – ведь, по сути, совсем чужими людьми были они друг другу, ни в родстве, ни в свойстве не состояли. Просто не было у Ржева никаких близких, и никто другой не пришел бы, а должен же кто-то проводить человека в последний путь...

Знакомство их было, по сути дела, случайным – впрочем, в жизни журналиста многое зависит от нечаянных, никогда не планированных движений и пересечений, потому что работа такова: сегодня не знаешь, куда пошлют завтра – в пустыню, в тайгу, на освещение предвыборной кампании в губернском городе или (бывает ведь и такое везение!) за рубеж, куда поехало начальство с визитом, а штатный спецкор

редакции заболел... Со Ржевым Минич встретился, правда, не в заграничном вояже, а тут, в Подмоскowie, в его халупе. В газете завелась такая рубрика «Человек пристрастия» — о людях с какими-то интересными увлечениями, ставшими в их жизни главным; и одним из кандидатов в рубрику оказался каким-то образом и Ржев — астроном-любитель; снять и написать послали Минича — потому лишь, что на тот день для него другого задания не нашлось: вообще-то науки не были его профилем, он был репортером, «отовсюду обо всем», горячие новости, а не анализ и не обобщение. Ржев принял журналиста доброжелательно, хотя вначале и настороженно; однако Минич обладал искусством разговаривать человека, а начав, старик уже не мог остановиться: астрономия и в самом деле была для него, похоже, смыслом жизни — особенно теперь, в глубоко пенсионном возрасте. Эта увлеченность заражала, и Минич вскоре поймал себя на том, что слушает не по обязанности, а потому что и на самом деле интересно. Ржев предложил посмотреть самому. Для этого следовало остаться на ночь — и Минич согласился, хотя бы потому, что никто нигде его не ждал — такая сейчас была полоса в его жизни. А посмотрев, заболел и сам, хотя и не в такой сильной форме, конечно, что была у Ржева, но такое пристрастие может развиваться и постепенно, хотя способно ударить и сразу; как и всякая любовь, одним словом. С той поры Минич стал наезжать довольно часто, хотя бывали и крупные пробелы — по причине командировок, а также по-

тому, что в определенные дни Ржев заранее просил его не показываться – по каким-то своим мотивам, до которых Минич не старался докопаться: приезжал-то он теперь не по заданию. Материал, из-за которого он оказался здесь в первый раз, так и не пошел – показался Гречину, редактору, недостаточно захватывающим и каким-то очень уж нейтральным, не работающим на политическое лицо газеты.

Миничу такое времяпрепровождение нравилось все больше и больше, Ржев это чувствовал и, кажется, решил воспитать Минича хорошим наблюдателем – себе на смену, видимо, хотя намекал как-то неопределенно и на то, что вскоре введет его в курс какого-то дела, которое – если подтвердятся предположения – потрясет весь научный мир, а то и не только научный. Минич хотя и знал, что любители всегда склонны к преувеличениям, тем не менее ожидал не без интереса. Затем его загнали на целый месяц далеко-далеко, где кочуют туманы, а вернувшись, он нашел Ржева уже большим вразнос – и в положении, когда и стакан воды подать было некому. Минич мысленно только пожимал плечами: ну, можно ли было так жить – без подстраховки, должен же был понимать, что такая вот ситуация не исключена... А хотя – каждый верит в свою неуязвимость – до времени, до жареного петуха... Не будь Минича – так и продолжал бы старик умирать в одиночку, когда и слово сказать некому? А сюда, в больницу, кто отвез бы? «Скорая»? Но вот не стал же Ржев вызывать врачей, хотя телефон у него был. Что он – до такой

степени бесстрашен? От этого хохмит – или наоборот?

Может быть, мысли эти передались умирающему; через минуту-другую, собравшись, видно, с силами, он выговорил уже совсем иным тоном – серьезно, без фиглярства:

– Страшно мне, Марик. Очень...

И снова предугадал, похоже, то, чем хотел ответить Минич: все обычное, что и полагается говорить в такие мгновения.

– Да не за себя, не думай, со мною решено, а там что будет, то и будет, – так продолжил старик. – За вас за всех я боюсь. За девушку – ты только ее не обижай, она хорошая. А главное – за землю...

– Ничего, Россия выкарабкается, – механически ответил Минич, стараясь, чтобы голос прозвучал как можно увереннее. – Какая еще девушка? Ты о чем это?

– Дурак... Не о России я. О Земле. О планете, понял?

– Понял. – А как еще можно было откликнуться? Трудно ожидать от человека в таком состоянии, чтобы до последнего сохранилась у него ясность мышления. Бредит уже, наверное.

Следующие слова старика только подтвердили это опасение:

– Небира, запомни. Все записано. В подполье. Это она. И с нею...

Небира – женское имя, похоже. Никогда он не говорил о женщинах – наверное, воспоминания пришли из молодости.

В каком это подполье он был? Когда? Бред...

— От лисички, понял? — С трудом различимое хриплое бормотание продолжалось. — Да ты увидишь, у меня в дневнике наблюдений все записано. И отдельно — вешалка, все на дискетах там, в заглавнике... Она покажет... Фотографии найдешь. На них отмечено. Туда мало кто смотрит... Пока никто не сделал сообщения, ни из любителей, ни... Я хотел еще понаблюдать, да вот... Правда, уже позвонил этим — чтобы застолбить, в Колокольск. Как раз перед тем, как ты меня сюда... Но они не поверили, думаю. А дело... А дело... Ты уж...

Кажется, сил, чтобы говорить, у него вовсе не осталось — он замолчал, дыхание было частым, слабым. Задремал?

— Я выйду, покурю, — сказал ему Минич. Курить давно уже хотелось до изнеможения. А говорить в ближайшие минуты старик вряд ли соберется с силами.

Ржев услышал его, едва заметно кивнул приоткрывшимися на мгновение веками. Пошевелил губами, но без звука.

Минич встал. Осторожно затворил за собою дверь, отсекая непрерывные тире, что вылетали из аппарата — черт его знает, как он у них называется, — следившего за сердцем готового отойти человека, и на осциллографе, синхронно со звуками рисовавшем не очень ритмично ломавшуюся линию. Прошел коридором, вышел на лестничную клетку, где несколько хмурых мужиков в домашних халатах усердно красили атмосферу в серо-голубой цвет.

Одной «Мальборо» оказалось мало, он тут же, залпом, высосал и вторую – в запас, чтобы уж подольше не отлучаться.

Факсы умирающего старика между тем не пропали даром. Напрасно он опасался.

Из Колокольска ему позвонили; но никто к телефону не подошел. Это заставило думать, что речь идет о банальном розыгрыше и вряд ли стоит тратить время на его проверку. Тем более что автор мог бы выслать фотографии, а не ждать, пока за ними приедут. Вероятнее всего, снимков этих просто не существовало. Впрочем, такой любитель действительно состоял в списках; но ведь его фамилией и адресом мог воспользоваться какой-то шутник, вот и все.

Однако в конце концов удосужились проверить любительское наблюдение, хотя и без того дел хватало. Скептики, понятно, нашлись, но любопытство пересилило. Нацелили астрограф, сфотографировали и среди обычного множества параллельных черточек нашли ту, коротенькую, что шла резко наискось. Проверив – убедились, что это никакой не спутник, а вероятнее всего – заблудившийся, отбившийся далеко от Пояса астероид. Однако вращением он обладает обратным, судя по снимкам, – правда, в этом ничего сверхъестественного нет. А может быть, все же комета? Долгопериодическая? Ну, об этом можно будет судить через неделю или десять дней по его движению: если комета, то приблизится к Солнцу настолько, что появится хвост; пока же на сним-

ках виднелась лишь светящаяся точка. Однако что там такого необъяснимого нашел наблюдатель?

Ржеву снова позвонили – и дозвониться опять не смогли. Что удивительного? Люциан к тому времени уже неделю лежал на Каширке. Наблюдения решили не продолжать – если не прикажет дирекция.

Директор же обсерватории, профессор доктор Нахимовский, человек в серьезных уже годах, один из последних, видимо, представителей романтического поколения восьмидесятых – девяностых годов прошлого века, решил, что, когда придет его время на телескопе, он, может быть, и попробует краем глаза, совершенно нечаянно, увидеть... А сейчас ему было не до таких материй.

Совсем недавно он, преодолев интеллигентскую робость, написал самому президенту с просьбой принять его для важного разговора. Убедившись в том, что Академия наук на подобное долго еще не решится, Нахимовский решил лично просить главу России о выделении денег для строительства нового орбитального телескопа: отставание от Америки было уже не то чтобы постыдным, но просто катастрофическим, да и от Европы с ее VLT тоже. И в таком разговоре, пожалуй, можно было использовать и эту историю с любительским наблюдением: вот, мол, до чего дошла наша наблюдательная астрономия – только и остается, что полагаться на любителей... Подать это, разумеется, не как серьезный аргумент, а вроде бы анекдот, это может оказаться полезным.

Нахимовский, как и многие интеллигенты, считал себя прирожденным дипломатом. И суждение по вопросу – продолжать ли отслеживать тело – решил отложить до возвращения из Кремля.

Однако романтические гены заставили-таки его уже в ближайшую ночь подняться под купол и посмотреть. А потом – сравнить с ранее сделанными снимками.

Он медленно переводил взгляд – уже в своем кабинете – со снимков на текст сообщения и обратно. И интуиция, выработанная долгими годами наблюдений, заставила его испытать серьезное волнение.

А может быть, и не анекдот тут?..

Но тут к нему – нахрапом, без стука – ввалились сразу с полдюжины коллег: чей-то был день рождения, но то был лишь повод, на самом же деле завязывался скандалчик – кто-то залез в чье-то время, и все прочие волнения отошли на неизвестно какой задний план.

Что же касается Большого дома на Лубянке, то там перехват был, как мы уже знаем, зарегистрирован и доложен наверх, но низы в общем-то отнеслись к нему скептически: далекие звезды у них политических подозрений не вызывали, и наблюдение за ними в обязанности Службы не входило.

Но в любой группе кто-нибудь да обязательно думает иначе. Нашелся такой и там; то ли он был впечатлительнее других, и картина гибели мира, какую можно было представить,

внимательно анализируя запись, показалась ему достаточно убедительной, то ли почудилось ему, что в деле, какое старший лейтенант Комар увидел вдруг в своем воображении, угадывалась ослепительная перспектива, обещающая в случае удачи разразиться звездным дождем, причем какое-то количество звездочек осело бы и на его погонах. Так или иначе, он почел себя обязанным доложить возникшие сообщения своему непосредственному начальнику, успевшему вернуться с доклада на самом верху.

Майор Волин к идеям подчиненного отнесся весьма хладнокровно. Он получил уже указания от начальства и, следовательно, успел понять, что дело может иметь перспективу. Но многоопытный служака одновременно сообразил и то, что перспектива эта – благотворный дождик повышений, наград, поощрений и прочего – из тех осадков, что выпадают лишь на вершинах. Оперативникам же тут ничто не светит, так что из кожи лезть не было никакого смысла.

Однако гасить инициативу подчиненного он не собирался, а поскольку известно, что всякая инициатива наказуема, то самому умнику и следовало поручить выполнение генеральских указаний. И майор сказал:

– Что же, есть такое мнение – пригласить этого парня, тут и выясним, что его, собственно, пугает. Пока все это не очень-то убедительно. Может, у него с крышей проблемы? Побеседуем, тогда посмотрим.

Старший лейтенант решил предварительно поговорить с

источником информации по телефону – но безуспешно, хотя звонил он четырежды в разное время суток.

По номеру телефона он без труда установил местонахождение источника и навел справки у районного уполномоченного. Тот уже к вечеру доложил, что искомое лицо по указанному адресу действительно проживает, но в данное время его на месте нет, а поскольку живет оно одиноко, то и никого другого в доме нет, все заперто. Установлено также, что вот уже больше недели, как лицо это нигде не было замечено: ни в Летягине, куда он временами наведывался в магазин, ни в Курино, в Подрайске на станции его тоже не видели. Характеризовался же он, по собранным материалам, положительно: пьяным не замечался, женщины к нему приезжали редко, вернее – приезжала одна и та же, молодая; в Летягине всегда замечали и когда она проходила, направляясь к нему, и когда – уходя, как правило – на другой день. Из чего сделан был вывод, что старик еще хоть куда. Однако где он сейчас обретался – никто сообщить не смог. Уехал, и все.

В конце доклада следовал вопрос: нужно ли проникнуть в дом и осмотреть, или такой необходимости нет?

Старший лейтенант сразу же ответил: нет, без него ничего такого не предпринимать, если обстановка изменится – например, искомое лицо появится или кто-то другой предпримет попытку проникнуть в дом, – немедленно сообщать; сам же он постарается выехать в ближайшие же дни, как только немного разгрузится, чтобы самому посмотреть все на месте.

На чем эта линия дела пока и зашла в тупик, поскольку разгрузиться от более актуальных забот старшему лейтенанту на протяжении ближайшей недели так и не удалось.

Вот пока все об интересующих нас событиях, происходивших в те дни, когда Люциан Иванович Ржев в онкологическом центре на Каширском шоссе совершал свои последние шаги навстречу неизбежному переходу в иные измерения.

Минич мог бы свою вторую сигарету и сберечь. Когда он вернулся в палату, там были уже и сестра, и врач, тире больше не звучали, и экран погас. Отмучился старый Ржев. Ушел куда-то туда. Куда и наш путь лежит.

Еще ложась сюда, старик велел сперва зарулить к нотариусу и там составил завещание: в случае чего – то, что останется, отказал Миничу. (При этом почудилось журналисту, что сверкнула в глазах больного искорка ехидства.) В том числе и ключи от дома. Тогда же посоветовал с нехитрым имуществом, что останется, поступить по своему усмотрению. Но предупредил, что ему хотелось бы, чтобы Минич дом сохранил – пригодится как дача; дачи у Минича не было, как и еще много чего. Но отдельно распорядился насчет телескопа, хотя и несколько странным образом: в течение года не продавать, но допускать желающих им пользоваться – буде такие возникнут. Завещание было соответственно оформлено, и экземпляр его Минич получил – вот только не помнил совсем, куда его засунул. Но сейчас не до того было. Приходилось думать о похоронах и всем таком. Лишние заботы, но куда денешься. Надо.

Поговорив еще немного с медиками, он ушел, молча попрощавшись с останками. Знал, что старик – или теперь он уже не был стариком? – его слышит. Сел в свой микротаран-

тас (так именовал Минич средство передвижения итало-российского производства, возрастом, пожалуй, лишь немного уступавшее ему самому), завел мотор и еще минутку постоял на месте. Не только для того, чтобы прогрелся движок; он решал дилемму, возникшую между велением здравого смысла и настроением.

Рассудок советовал ему поехать в редакцию его родной «Вашей газеты». День был рабочий, а несделанных дел там всегда хватало. Настроение же активно выступало против: остаток дня – вся вторая половина – находился, по сути дела, в его распоряжении: на сегодня он взял отгул, чтобы провести этот день с умирающим; чувствовал, что другой такой возможности больше не будет, а к Ржеву относился со всей сердечностью. И был смысл в том, чтобы использовать это время в интересах покойного, иначе совесть непременно станет мешать работе.

Минич глянул на бензомер. Туда и обратно – в круглых цифрах этак триста двадцать – триста тридцать километров; но он только вчера залил полный бак, так что заправляться не придется. С бензином последние дни был очередной напруг – в том смысле, что цена опять подскочила. А там, близ природы, легче, пожалуй, будет прийти в себя. Если же не поехать... Минич прекрасно знал, чем закончится день, если он останется в городе: вечером непременно понадобится залить печаль, что означало очередной сход с рельсов. А это было бы, пожалуй, лишним – во всяком случае, до похорон.

Минич хорошо знал свои слабости и давно уже научился с ними договариваться; не только политика – искусство компромиссов, но и вся эта жизнь. А слово это сейчас, когда смерть только что прошла совсем рядом – не его смерть, но все же и не совсем посторонняя, – вдруг приобрело особое, какое-то выпуклое значение.

Приняв решение, он вырулил на Каширку и вместо того, чтобы свернуть направо, к центру, взял левый поворот – в направлении кольцевой.

Пятьдесят четвертый президент Соединенных Штатов находился сейчас в некоторой нерешительности, хотя такое состояние возникало у него весьма редко; напротив, он был известен стране и миру как человек решительный. Дело в том, что в решениях – и уже принятых, и в тех, что еще только предстояло принимать, готовя Соглашение о глобальном ракетно-ядерном разоружении, – процент риска, как порой казалось президенту, был неоправданно высоким.

Когда Россия выступила с этой инициативой (в личном разговоре, строго конфиденциально) и ее глава сразу же предложил ему полное соавторство, хозяин Белого дома, давно уже озабоченный практической утратой контроля над распространением ядерного оружия, раздумывал недолго. Все показалось ему не просто приемлемым, но и выгодным – для Америки, а значит, и для всего человечества – и лично для него, разумеется, тоже. Он вдруг убедился в том, что честолюбие в нем оказалось куда сильнее, чем он привык считать; хотя, конечно, всегда понимал, что люди, лишённые этого качества, не становятся президентами даже компаний, не говоря уже о государствах.

Сомнения пришли с другой стороны – и не сами по себе, но после серьезных разговоров с министром финансов и еще двумя советниками – с глазу на глаз с каждым, чтобы

собеседник высказывал именно свои взгляды, а не присоединялся к мнению другого, более авторитетного, может быть, участника беседы.

И сомнения, и предостережения, высказанные двумя из трех, совпали полностью, третьим же – процентов на шестьдесят. Это заставляло серьезно задуматься.

Нет, ни один из троих не удивился самой идее: люди умные и информированные, они отлично понимали, что время решительных действий по устранению ядерной угрозы с третьей стороны (как это принято было называть) – время это подошло и готово постучать в дверь. Вот оно и постучало.

Однако опасность предстоящих действий для экономики страны (а значит, и всей планеты – это вслух не говорилось, но подразумевалось) существовала, и пренебрегать ею было бы преступлением.

Для того чтобы свести ее к минимуму, следовало ни в коем случае не допускать спада, который по своим последствиям мог бы оказаться ничуть не лучше, скорее даже хуже, чем ядерный террор со стороны двух-трех еще не умиротворенных преступных государств или организаций. Как-никак ядерный зонтик у Штатов был, и от него откажутся в последнюю очередь – если вообще откажутся.

Заключать Соглашение было и выгодно, и необходимо; на этом сошлись все. Но – и непременно – на условиях, которые полностью устроят Соединенные Штаты. И не только по формулировкам. Следовало зорко наблюдать за тем, чтобы

ни одна запятая в тексте не дала кому-либо возможности поступать вопреки интересам Америки.

– Я хочу услышать ваше мнение в двух словах. К аргументам перейдем позже. Двух даже много. Да или нет? Только не говорите, что слова «Да» в лексиконе дипломатов не существует. Это пусть остается для конференций, а я – парень деревенский, и мне по душе прямота.

Собеседник – государственный секретарь – улыбнулся. Всему дипломатическому миру уже стало известно, что эта его улыбка никогда ничего доброго не предвещала. Эта информация пришла из Министерства финансов; министром финансов госсекретарь был в предыдущей администрации, и для всех стало неожиданностью, когда ему, демократу, президент предложил иностранный портфель: понимали, что это не просто дружеский жест в сторону оппозиционного Конгресса. Назначение говорило о том, что в области внешней политики предполагаются какие-то значительные акции, для реализации которых нужен именно такой человек.

– Я все же использую два слова, – ответил он главе государства. – И они будут: «Да», «Но».

Чего-то подобного президент и ожидал. И невольно усмехнулся.

– Ну ладно, – сказал он. – Расшифруйте это ваше «Но».

– Не рано ли – именно сейчас?

– Рано? В скором времени будет переизбираться половина

Конгресса...

Президент встал, отошел от низкого столика, за которым оба сидели. Подошел к окну, секунду-другую постоял, глядя поверх эллипса вдаль – на серый обелиск мемориала Вашингтона.

– Если бы мы могли завтра послать экспедицию на Марс, – проговорил он медленно, – с этим договором можно было бы и подождать, согласен. Но в НАСА непреклонны: нужно еще как минимум одно серьезное ходовое испытание «Амбассадора». Без людей, конечно. Мы ведь не хотим, чтобы экспедиция превратилась в приключение с непредсказуемым исходом? Так что в чем смысл вашего «Но»?

– Я имел в виду другое. Вы уверены, что русские нас не надуют?

– Хотелось бы верить, – вымолвил президент не сразу, словно бы не вдруг возник у него такой ответ, а только после серьезного раздумья.

Информация схожа с водой: всегда находит дырочку, в которую можно просочиться. Но есть и серьезная разница: вода всегда течет вниз, информация же порой избирает самые причудливые пути.

Председатель Объединенной российской оппозиционной партии имел разговор с директором СБ. Происходил этот разговор не в московском Капитолии, как можно было бы предположить, и уж подавно не на Лубянке, но в лимузине. Оппозиционер пригласил директора Службы из любезности: у генерала вдруг скис его служебный «мерс», что у машин этой марки случается, как все знают, достаточно редко. Во всяком случае, именно так это должно было выглядеть – и действительно выглядело – со стороны. Просто отъезжая от только что открытого памятника Рабле (ответное действие на открытие в Париже монумента Гоголя), на котором присутствовали больше половины видных политиков – все, кто в этот день находился в Москве, – глава оппозиции пригласил директора в свою машину.

Оба пассажира чувствовали себя достаточно непринужденно: в свое время работали в одной и той же конторе. Правда, потом пути их, казалось, разошлись. Не по их желанию, но в связи с политической необходимостью. Так что отношения их друг с другом, по сути, не изменились – толь-

ко перешли на новый уровень, стали масштабнее, а значит – и ставки в игре, которой, как известно, и является жизнь, возросли намного.

– Так что слышно? – спросил оппозиционер, прекрасно понимавший, что «мерседес» тут ни при чем и не ломалось в нем ничего.

– Как здоровье? – вопросом же ответил директор.

– Вроде бы нет причин жаловаться. А что?

– Да вот информация пошла – ожидается грипп. Чуть ли не эпидемия.

Наблюдательный человек заметил бы, что эта новость серьезно озадачила главного оппозиционера.

– Уверен?

– Из первых рук. Главного эпидемиолога.

Имелся в виду, однако, начальник кремлевской охраны.

– Та-ак... И быстро она движется? Эпидемия?

– Ну, идет с Камчатки – так что дня за три доберется.

Услышь это медик – он только ухмыльнулся бы. Но оба разговаривавших оставались совершенно серьезными.

– Три дня... – пробормотал оппозиционер. – Такой, значит, поворот...

– Так что, – продолжил генерал, – если есть болезненные ощущения... я бы лично взял отпуск по здоровью – и на юг куда-нибудь. А вообще-то плохо ты бережешь здоровье последнее время.

– Ну, кабы знал бы, где упал бы, то соломки подостлал бы.

Скажи: ты в приметы веришь? Веришь, конечно: к тебе вон и экстрасенсы ходят...

– Вреда от этого не вижу. А что?

Политик ответил не сразу, а перед тем, как заговорить, даже усмехнулся смущенно, что вовсе не было ему свойственно:

– Да лезут, понимаешь ли, в голову всякие нелепости, и чем больше о них думаешь – тем больше кажется, что это не такие уж несуразности. Помнишь, с месяц назад по ящику – по повторному каналу – показывали старую ленту, американскую, наверное, названия не помню – о том, как налетает на Землю какая-то глыба из космоса, и отворотить катастрофу можно только ядерной атакой на нее. Видел? Я не оценил. А ведь это было предупреждение. Я – глыба, а ядерная атака...

– Грипп, – подсказал директор СБ. Вздыхнул: – Я про ящик вспоминаю, только когда большой футбол идет, да и тогда не каждый раз находится время. А уж чтобы кино смотреть...

Каким-то странным тоном он это сказал. Нет, не со скрытой насмешкой, как можно было бы ожидать; напротив – прозвучала в нем какая-то озабоченность. И от оппозиционера это не ускользнуло.

– Вспомнил что-то?

Генерал усмехнулся – так же смущенно, как политик недавно:

– Просто к теме подошло. С неделю назад была у нас оче-

редная консультация с эзотериками, астрологами в том числе. Вот и пришло на память.

– Ну-ка, ну-ка. Что там у них?

– Да вот в этом роде. Какой-то гость издалека. Несущий большую опасность для всей планеты. Я тогда подумал, что это новая вариация по поводу тарелочек... – Он чуть не сказал было, что на эту же тему имеется и достаточно странный перехват сообщения какого-то любителя. Но помедлил: могло статься, что вокруг этого пойдет игра, а в игре только новички сразу же показывают свои козыри. К тому же существуют правила игры. И по ним – никак нельзя давать новую информацию главе оппозиции до того, как она доведена до президента – во всяком случае, до верхов его аппарата. То есть – прежде надо поставить в известность главу администрации. Рассказать сейчас новость политику означало поставить себя в еще большую зависимость от него, быть привязанным ко второму (неофициально) лицу в государстве, а следовательно – не иметь никаких, так сказать, доверительных контактов с первым. Но не хотелось всю жизнь простоять на подхвате. А именно от первого лица зависело возможное продвижение по верхним уровням карьерной лестницы. В конце концов, директор СБ – всего лишь главный опер контрразведки; а хотелось большего.

– Ага, – односложно откликнулся оппозиционер и минут пять ничего больше не говорил. Только когда уже подъезжали, сказал: – Все никак не соберусь спросить: как у Ната-

ши-то дела? Все цветет?

– Наташа? – Это автоматически получилось, само собой. –
Какая?

С полминуты они смотрели друг другу в глаза – в упор, не моргая.

– До него еще не дошло. Но наши обычаи тебе известны. Слух вброшен. Так что поостерегись. А лучше – завяжи. Квиты?

Генерал, проглотив ком, кивнул.

– А я считаю – нет, – усмехнулся политик. – Ты мне дал только уточнение, поскольку и так было ясно, какие мне оргвыводы грозят. А я тебе – новость. Ты в долгу. И потому давай колись – я же вижу, что у тебя на языке что-то вертится.

Директор СБ вздохнул. Он подумал, что если бы в Кремле хотели, то уже давно могли бы если и не сделать что-то для его дальнейшей карьеры, то хотя бы пообещать, намекнуть... Но ничего такого не было. И если слух о Наташе дойдет до первого – никогда уже ничего не будет, будет падение, и хорошо еще, если только до уровня депутата. А нынешний собеседник пусть и не следующий глава, но может наделать немало неприятностей уже сегодня. Силен мужик все-таки. Да, пожалуй, отношения с ним осложнять не надо, а быть заподозренным в неискренности – в таких делах самое плохое.

Тем не менее генерал уступил не сразу:

– Это вопрос спорный. Добавь еще: это широко уже?

– Пока нет. Точечный источник. Капитан – твой водила.

Он к ней...

– Теперь, – сказал директор, – я и правда в долгу.

Он заговорил. Политик слушал внимательно, лицо его оставалось спокойным – как и всегда, впрочем. Выслушав, сказал:

– В общем, пока очень зыбко. И что касается Кремля – лучше бы до уточнения их вообще не ставить в известность.

– Никак невозможно.

Оппозиционер кивнул:

– Да понимаю я... Ладно, доложи; но как бы между прочим, в предпоследнюю очередь, как о ерунде, и тональность подбери соответствующую. А последним поставь какой-нибудь и вовсе анекдот – чтобы внимание сразу же сместилось. А поскольку я там сегодня должен быть, постараюсь и со своей стороны помочь делу. А в остальном... – И он приложил палец к губам. Про себя он уже решил: необходима консультация специалистов. В данном случае – астрономов. С одним директором обсерватории он знаком с давних пор – оба играют в гольф, такие связи всегда достаточно прочны.

Директор СБ позвонил главе администрации сразу же, как только оказался в своем кабинете. Глава администрации выслушал его внимательно. Смеяться не стал. Сказал, вроде бы соглашаясь с оценкой:

– Спасибо за сообщение.

– Служу России. Вы думаете – это и впрямь важно?

– Сейчас этого никто не скажет. Обождём. Но разговоры на всякий случай по этой теме не вести. А сами попробуйте разобраться, что это – бред или есть под этим какое-то реальное основание. Маловероятно, конечно, но все же... Думаю, обсуждать это дело ни с кем не стоит: не до того, да и какое-то оно пока несерьезное. А обстановка наоборот, архисерьезная, сами понимаете.

Генерал понял отлично: то была команда «Засекретить», только изложенная на языке политиков, а не военных.

– Все понял, – ответил он по привычке кратко. – Разрешите выполнять?

В ответ, однако, не последовало ожидаемого «Да».

– М-м... Тут еще вопросы есть. Так что лучше приезжайте, не откладывая, – обсудим все спокойно.

– Слушаюсь.

Где-то почти уже в конце дороги, на проселке, когда ехать оставалось километров пять-шесть, на ровном (условно) месте вдруг ни с того ни с сего испустил дух задний правый баллон, уже дважды латанный (оба раза шину Миничу прокалывали во Внукове, хотя он не бомбить туда ездил – извозом не подрабатывал, – а просто один раз подвозил к рейсу знакомых, в порядке услуги, а во второй встречал прилетевшую с отдыха, из Испании, приятельницу; кстати, вернувшись, она из этого разряда выбыла по своему почину: похоже, завела там знакомство получше. Минич не очень переживал). Пришлось менять колесо. Заднее правое гнездо для домкрата едва держалось, в любую секунду ригель мог выскочить, так что и снимать аварийное, и ставить новое колесо приходилось с задержкой дыхания.

Это изрядно испортило езду на настроении, так что он даже стал жалеть, что поехал в такую даль – для чего, собственно? При жизни Ржева он раза два или три в месяц туда наезжал, общаться со стариком было интересно, но само это место никаких особых чувств не вызывало; ну, стоял там домик, одноэтажный, щитовой, с частичными удобствами, и рядом с ним – вышка, на которой старик, по его же словам, проводил не меньше времени, а может быть, и больше, чем в комнатах. Минича он, правда, туда допустил только одна-

жды — понял, видимо, что эта тема журналиста не интересует, у них был другой общий пункт: откуда взялись люди и каким образом — в разговорах и спорах об этом и проходило время. На вышке стояла единственная более или менее ценная вещь, принадлежавшая Ржеву: сорокапятисантиметровый рефлектор, стоивший что-то за две тысячи баксов, обладавший (по словам старика) хорошим часовым приводом и установленный на надежной базе.

Из-за этого астрономического инструмента Минич и попал в друзья и даже в ученики: впервые, приехав в скит (так называл свое поместье покойный Люциан) брать интервью, разговорился и вдруг — неожиданно для самого себя — расчувствовался настолько, что одолжил денег старику на эту покупку, а потом и помог втащить все причиндалы на вышку по не очень надежной, ходуном ходившей лестнице и утвердить там, как следовало. Сделав дело, они, естественно, отметили событие должным образом, что их еще более сдружило.

Долг старик отдавал медленно, понемножку, да Минич на отдачу и не очень рассчитывал: знал, что доход от овощей и шести яблонь, что росли на участке, был весьма скромным, а инженерский пенсион — и того плоше, так что мысленно он от этих денег давно отказался. Но вслух этого не говорил: Люциан Иванович был человеком гордым и не на шутку оскорбился бы. Отдать, понятно, не успел — зато вот отказал Миничу все имущество, так что уходил, надо думать,

со спокойной совестью.

Туго затягивая болты, крепившие колесо, Минич думал, что Люциан вряд ли подумал о нынешних налогах на наследство, которые заставляли крепко подумать о том, принимать ли завещанное, или отказаться, – и пусть радуется великая родина новому приобретению. Собственно, затем и была поездка – посмотреть и решить, стоит ли связываться.

Дом не очень привлекал, слишком далеко – на один вечер с дамой туда ездить не станешь, в оба конца – полбака даже в сухую погоду, а уж если развезет... Что нравилось, с другой стороны, – сам участок и та же самая его отдаленность: если родится желание или надобность надежно укрыться от всех, лучшего убежища не придумать: просто так, от нечего делать, туда никто не соберется.

И еще одно соображение было, не очень, правда, благородное: участок действительно привлекательный, тут и лес в двух шагах, и речка чуть ли не за забором, да и площадь – не традиционные шесть соток, а чуть ли не вчетверо больше; отдать это придется даже не государству, а местному самоуправлению, которое в два счета загонит участок кому-нибудь из скоробогачей под коттедж – продаст за немалые деньги, которые между своими и поделит. Мы и сами с усами, рассуждал Минич, разогнувшись, для порядка пнув установленный баллон и пряча домкрат и ключи в багажник. В случае чего торгануть недвижимостью мы и сами сможем, и деньги делить не придется – все нам останется.

«Мы» вовсе не означало, что Минич собирался привлечь компаньонов; просто он любил множественное число применительно к себе самому, ощущение одиночества при таком словоупотреблении как-то скрадывалось.

Усевшись за руль, Минич повернул ключ – без последствий. Стартер не икнул даже. Беды тоже не любят одиночество. Чтобы снять стресс, пришлось с полминуты подеklamировать – начиная с известного загиба: «Взять десять пудов мелкого маку...» – ну и так далее, желательно в рифму. Замок зажигания сдох – и не в первый уже раз. Вообще пора этой технике уже под пресс, жаль, что сейчас не та ситуация с финансами, за последнее время ничего не написал и в командировки не ездил из-за Люциановой болезни. Ладно, подумал он, сердито вытаскивая провода из замочного тыла на свет Божий, ладно, вот загоним латифундию и тогда уж непременно себя порадуем. Купим... знаю, что купим: «понтиак», конечно, осуществим мечту упорхнувшей юности...

Одна пара проводов – зажигание, вторая – стартер, остальные не трогаем; все давно известно и отработано. Прочая техника, по счастью, оказалась готовой к бою: движок завелся с полуоборота. Минич уже врубил первую и снял с ручника, когда в опущенное для ветерка окошко проговорили довольно приятным женским голоском:

– Извините, пожалуйста, скажите: вы далеко едете?

Он медленно повернул голову, чтобы решить, стоит ли отвечать. Гм... Нет, не модель. И слава Богу: чему положено

– приятно возвышается, талия не там, где портному вздумалось, а на положенном месте, как у осы. Джинсы в обтяжку позволяют полагать, что и ножки в полном порядке – не музыкальные, как у рояля... Лицо – не то чтобы красавица, но отводить глаза почему-то не хочется. Русые волосы, слегка волнистые – от природы, похоже. Но не до таких мыслей сейчас. Нет-нет. Но обижать женщину тоже вроде бы не следует?

Он перевел рычаг в нейтралку. Отпустил сцепление.

– А вам куда?

Эти слова он сдобрил соответствующей улыбкой средней приятности – чтобы не так сухо прозвучало.

– Да тут почти рядом – в Летягино. Да вы, наверное, туда и едете – тут больше некуда...

– Садитесь, – пригласил Минич, открывая правую дверцу.

Он ехал, правда, не в Летягино, а немного дальше, но единственный здесь проселок действительно кончался в этом селении, и дальше приходилось добираться по едва наезженной колее, по которой в последнее время, похоже, один только он и катался.

Огибая нередкие ухабы, он разок-другой покосился на пассажирку – она сидела, не пытаясь заговорить, не смотрела в окно, полузакрыла глаза, похоже – думала о своем. Ничего, приятная женщина неопределенного возраста – от двадцати до тридцати, примем среднее – двадцать пять. Похоже, городская; хотя – кто их сейчас разберет по одежке, в осо-

бенности тут, в Подмоскowie. По разговору, конечно, можно – и то не всегда, поскольку в столице москвичи сейчас в явном меньшинстве. Да какая, в конце концов, разница? Выйдет из машины – и сразу же из памяти долой...

За этими мыслями он прозевал рытвину; спохватился, когда тряхнуло, и разозлился на самого себя, а заодно и на даму: не подседа бы она – не пришлось бы отвлекаться. А так недолго и зацепить за что-нибудь картером или раздолбать глушитель. Шляются по дорогам неизвестно зачем!

– Что, к родным в Лetyагино, что ли? – спросил он – неожиданно для самого себя. Не собирался ведь заводить разговор. Но как-то так получилось. – Или по работе?

– Нет, – ответила она как-то рассеянно, по-прежнему не поднимая век. – Хотя – да, можно сказать, что по работе.

– Что же у вас за работа? Если не секрет, конечно.

Она чуть заметно улыбнулась.

– Ничего секретного. Занимаюсь разными вещами. В частности – людей излечиваю.

– Доктор, что ли? А так и не скажешь.

– Тогда уж скорее – целитель. А в основном занимаюсь астрологией.

Вот уж не подумал бы, честное слово. По представлениям Минича, целители должны выглядеть иначе. И тем более астрологи. Надлежит в их облике быть чему-то этакому... загадочному, что ли, не от мира сего. А эта – вполне монтируется с какой-нибудь тусовкой, дискотекой, еще чем-ни-

будь современно-молодежным.

– А что, – решил он пошутить, – в Летягине ожидается эпидемия какая-нибудь местного значения? Или тамошняя власть разочаровалась в медицине?

Собственно, и ему можно было бы задать такой же вопрос. «Ах, вы журналист? А что, в Летягине ожидается мировая сенсация? Родился трехголовый теленок?» На это он ответил бы...

– В Летягине меня ничего не интересует, – ответила пассажирка серьезно. – Оттуда мне придется еще добираться пешком.

Это было уже интересно. Он и сам ответил бы примерно так же.

– Что же вас так интересует в окрестностях? Река Белуга? Но белуги в ней не водятся, уверяю...

– Меня интересует астроклимат этих мест, – ответила она сухо, как бы приглашая прекратить болтовню. – К тому же у меня там пациент.

«Так, – подумал он. – Чем дальше в лес, тем замысловатее...»

– Не одну лишь вас этот климат занимает. – Женщина начинала интересоваться его всерьез.

Только сейчас она повернула к нему лицо.

– Вы тоже причастны к астрономии?

– Не я. Люциан. Вы ведь к нему едете? В таком случае для вас две новости: хорошая и плохая. С какой начать?

Вопреки общей традиции она сказала:

– С хорошей, конечно. Плохая помешает насладиться хорошей до конца. А хорошего в жизни не так уж много. Просто мало.

– Хорошая – вам не придется добираться пешком: я и сам еду туда. Так что довезу вас до самого порога. И ничего не потребую за услугу.

– Это действительно приятно слышать. Ну а плохая скорее всего заключается в том, что вы помешаете мне серьезно поработать и поговорить с ним? Или – мне придется ждать своей очереди? Но ведь принято уступать даме дорогу.

У Минича, однако, пропала всякая охота шутить. Он пожалел даже о том, что вообще затеял этот треп. И сделал вид, что вынужден все внимание отдать трассе: они уже въехали в Летягино, под знаком Минич послушно снизил скорость до сорока, навстречу же шла другая машина – «чероки», вовсе не соблюдавший ограничений, – и отвлекаться действительно не следовало. Похоже, попутчица тоже оценила ситуацию и помолчала до тех пор, пока внедорожник не пронесся мимо, забросав стекло пылью.

– Так какой же новостью вы собирались меня огорчить?

– Люциан умер.

– Как?

– Как люди умирают. Совсем.

– Но две недели тому назад я была у него... Он, правда, сильно кашлял, но...

Минич ответил не сразу: пришла пора съезжать с проселка на луговую тропу; по ней еще предстояло добираться до дубравы, по другую сторону которой и стоял дом Ржева. Для этого следовало преодолеть придорожную канаву.

Осторожно съезжая, Минич обратил внимание на следы. Разминувшийся с ними только что джип проезжал здесь, крупно нарубленный протектор хорошо отпечатался в кювете, чье дно еще хранило влагу.

– Если он умер, зачем же сюда приехали вы?

– Он просил. – Хватит с нее и такого ответа. – А вы?

Она ответила не сразу:

– Я уже давно предлагала ему полечить его – видела, что с ним происходит. Он наотрез отказывался каждый раз – говорил, что одно с другим не сочетается. Глупо, но разубедить его не удалось. Или не успела. Смеялся, говорил, что времени жалко – сделал, мол, какое-то интересное наблюдение и ни на что не хочет отвлекаться. Я обиделась. Он позвонил мне через день. Просил приехать. Но я была очень обижена, очень. Потому что... Ладно. Да и работы было много. И вот только сейчас смогла вырваться. Несколько раз звонила ему, но никто не брал трубки; я решила, что он пропадает в обсерватории – за ним такое водилось. Даже такой телескоп, как у него, время от времени приходится гидрировать.

«Похоже, не просто деловыми были их отношения», – подумал Минич прежде, чем сказать:

– А еще через день я отвез его в клинику. На этой самой

машине. В центр на Каширке.

– Я ведь его сто раз предупреждала! – сказала она с тихим отчаянием. – А он смеялся: «У меня? Да никогда этого не будет!» И вот...

Минич перешел на вторую передачу: здесь было полсотни саженной мелкого песка. От места, где съезжали с дороги, проехали уже метров триста. Минич глянул в зеркало.

И увидел джип. Похоже, тот самый. Тяжелая машина медленно скатывалась с насыпи на эту же тропу. Возвращаются? Повернули, поняв, что встречный направляется именно туда, где они, похоже, только что были?

– Явление третье: те же и незваные гости, – пробормотал он.

– Что?

– Да не знаю. Скоро выяснится, надо думать.

Джип полз, не приближаясь, хотя на этой тропе вряд ли чувствовал себя намного хуже, чем на асфальте. Ну что же – может быть, они вовсе и не преследуют. Вернулись – потому что забыли что-то там, откуда едут...

Минич обманывал себя, потому что отлично знал: тропа заканчивается у дома Ржева, и по ней больше некуда было ехать, а значит – и неоткуда.

Впереди уже виднелись ворота, и следы джипа вели именно к ним и никуда больше.

К чести главного оппозиционера следует сказать, что он, будучи человеком проницательным и широко мыслящим, сразу же зацепился именно за те несколько десятков слов, сказанных эсбистом, в которые уложилась возникшая ситуация. Зацепился, отогнав первую, инстинктивную мысль: «Эпидемия» – бежать, бежать как можно скорее...

Сначала он не принял сказанного о теле всерьез; отреагировал, чтобы скрыть охвативший его только что страх за себя. Главным в тот миг казалось сделанное генералом предупреждение об опасности лично для него. Но тут же что-то заставило вернуться к услышанному. Интуиция, наверное. Или, может быть, слово «угроза», имевшееся в тексте.

Тогда, в машине, он минуту-другую посидел, закрыв глаза, сплетя пальцы рук – пытаюсь понять, что же такое, зародыш какой комбинации таился в очень далеком, на первый взгляд, от политики сообщении. И вдруг понял. Не то чтобы он поверил в угрозу; ни один реально мыслящий человек (а именно таким политик и был) не стал бы всерьез бояться столкновения с небесным телом – не потому, чтобы он сразу же подсчитал, сколь ничтожной была вероятность такого события, но по очень простой причине: всякий здравомыслящий человек твердо знает – этого не может быть потому, что этого не может быть никогда. А кроме того, опытный поли-

тик знал, что все беды, катастрофы и прочие несчастья в мире происходят не от природы, а только и исключительно от людей и их деятельности. Замеченное же астрономами тело к людской деятельности никакого отношения не имело – и, следовательно, опасаться его было совершенно нечего.

Нет, выделенная им информация заинтересовала его совершенно под другим углом зрения. Он почти мгновенно увидел и оценил те политические ходы, которые можно было бы предпринять, используя космическую якобы угрозу должным образом, и те политические же выгоды, какие можно стало бы получить в результате таких ходов. Выгоды для достижения давно поставленной цели: привести оппозицию к власти и самого себя – на ее вершину.

Потом, уже в своем кабинете, он продумал все более обстоятельно.

Угроза Земле. Если говорить серьезно – бред, конечно. Но бредовость ее сейчас недоказуема – точно так же, как и ее истинность. А это означало, что угрозой можно будет оперировать с той же уверенностью, как если бы она была установленным фактом.

Угроза столкновения с небесным телом. Что может предотвратить ее? Спросите прохожих на улице – и шестеро из каждой десятки ответят, не сомневаясь: ядерные ракеты. Нынче все настолько образованны, чтобы понимать такие простые вещи.

(«А если это не метеорит или как его там, а дело рук чело-

веческих?» – промелькнула и погасла искорка мысли – чтобы разгореться потом, позже.)

А из этого следует простой вывод – вернул он мысли в прежнее русло: всякое сокращение ракетного парка в мире, и в частности – в России, ведет неизбежно к увеличению этой угрозы, к повышению вероятности полной гибели. И всякий, кто настаивает на таком сокращении, сам является прямой угрозой существованию планеты – не говоря уже о том, что убедительно доказывает свою политическую несостоятельность.

Будь он кем угодно. Даже президентом. Вернее, тем более – президентом. Тут речь может пойти даже об импичменте.

Сразу же понял он и другое. А именно: что подобные мысли сами собой придут в голову всякому политику, в чьем распоряжении новая информация окажется. Так что первым и необходимым условием желаемого успеха было пресечь дальнейшее распространение полученных сведений или по крайней мере как можно более ограничить их разлет. Он уже повидался с гольфистом – директором обсерватории, и с большим интересом выслушал все, что ученый смог поведать ему о возможном небесном госте. Хотя, надо сказать, неопределенность сведений его несколько смутила. Но ведь, как известно, в искусстве пропаганды главное – не факты, а их интерпретация.

Он уже писал на листочке – быстро, размашисто, – что надо будет сделать в этой связи уже в самое ближайшее время.

В часы. Даже в минуты.

Встретиться еще раз с астрономом и уточнить – сколько еще времени остается до того дня, когда станет ясно, что на самом деле никакой угрозы нет.

Выяснить немедленно, как широко распространилась информация на сегодня; есть ли данные о том, что об угрозе стало известно и за рубежом; если да – то где и кто там ею владеет, иными словами – с кем нужно будет вести тихие переговоры, чтобы оттуда не сломали ненароком всей игры. И не менее важно – изолировать всех, кто уже владеет информацией в России и может стать источником ее утечки.

Это политик понял сразу же. На первый взгляд казалось, что, наоборот, быстрое и широкое распространение информации будет ему на руку, создавая определенное общественное мнение: страх смерти всегда является одним из сильнейших мотивов. Но эту версию он сразу же отбросил. Мнение возникло бы, да, конечно. И заставило бы президента свернуть работу по Соглашению – до тех пор, пока космическая обстановка не прояснится. Однако в таком случае все сыграет в пользу действующего президента, и все меры, какие будут приняты, пойдут на его счет, оппозиция же, как и обычно, останется в тени.

А потому вариант с немедленным оглашением отменяется. Нет, работать надо иначе. Скрытно. Тайно. Никакой публичной информации – да и другой тоже. Пусть Соглашение готовится. Но вот тогда, когда останется только подписать

его, – в этот миг и произойдет выброс всех накопленных к тому времени данных. Информационный взрыв. И – на свет. Под лучи прожекторов.

Тогда сразу же – полное блокирование всего, связанного с запретом и уничтожением ядерных зарядов.

Разворот на сто восемьдесят градусов. В адрес президента – обвинения в оторванности от реальной действительности, об отсутствии в его политике элементарной логики, в крупном просчете – и тому подобное. В Думе – начало процесса импичмента. Дальше все было ясно.

Разговор в лимузине не заставил политика резко менять все прежние, тщательно разработанные планы. Потому что ему действительно и раньше было ясно: когда он возглавил ОДО, он тем самым как бы подписал некое постановление касательно своей дальнейшей судьбы. Тогда он понял, что придет день, когда понадобится менять ПМЖ; надолго ли – неизвестно; он надеялся, что нет.

Сейчас, похоже, день пришел. И, к счастью, в достаточно хорошей обстановке. Президент улетел далеко – на Камчатку. Скатертью дорога. И там, естественно, будет ждать появления главы оппозиции. Политик любил такие наезды: «Меня не звали – но я ни на что и не претендую, приехал за свои, за стол не лезу; зачем я тут? А чтобы ты помнил: оппозиция просматривает каждое твое движение, каждую мысль. И все-му даст оценку. В нужное время и в нужном месте».

Но на Камчатке политик не появится. Он окажется еще

восточнее. И будем, президент, «мы с тобой два берега у одной реки», называемой – Тихий океан.

Только не жди, что улетит навсегда!

Таковыми мыслями политик поддерживал себя. Потому что на деле все было достаточно сложным.

Сменить местожительство можно было, лишь пожертвовав частью интересов оппозиции в стране. Пусть и на время – все равно жаль их было; однако винить в том, что приходится кое-что перекраивать, можно было только самого себя. Собственный просчет: недооценил человека, ставшего его противником, стремление нынешнего президента России к подлинной независимости и самостоятельности. «Рано повзрослел», тяжело думал глава оппозиции, сидя в своем кабинете за столом, подпирая лоб ладонью. «И, наверное, почуял, что его главная идея – под боем, как плохо защищенная фигура на шахматной доске. А за нее, за свое историческое величие он теперь будет и горла перегрызать и вообще – сделает все. И первое горло в его списке – мое».

Он перенес ладонь со лба на это самое горло, как бы заранее защищая его. Хотя почему – заранее? Самое время было – обороняться любым способом.

Вывод напрашивался однозначный.

Противников разоружения предостаточно и там. И там надо создавать мнение и искать поддержки. Лучше – за морями. Лондон слишком близко. Париж не пойдет на осложнения. Америка – вот то, что нужно. Политик такой демарш

готовил давно. И вот день пришел – раньше, чем он рассчитывал. И надо было срочно, как говорят охотники, вставать на крыло. И сделать это так, чтобы там это не было воспринято как поиски убежища, но как визит совершенно деловой – по весьма серьезному поводу.

А повод был, и не один, а целых два. Предупредить Белый дом, если сам он еще не догадался: в разоружении торопливость – смерти подобна. Для Штатов прежде всего. И второй – подать как следует новость о возможной угрозе из космоса. В Америке политика делается по тем же правилам, что и в России: на всякого президента есть конкурент. И у них выборы в программе, и у них противоборствующие лагеря уже строятся в боевые порядки.

Так что если нынешний президент не примет близко к сердцу все имеющиеся аргументы и предупреждения – естественно, придется срочно разговаривать с демократами.

Эти переговоры поручать никому нельзя. Но и говорить о них вслух пока совершенно невозможно. То есть все нити сходятся в одной точке: надо срочно лететь в Штаты. Приглашение сварганят в два счета. Только намекнуть Столбовицу, давнему знакомцу.

А еще до отъезда – организовать должный уровень секретности. Это все же попроще будет, чем там у них. У нас нынче свобода печати поразумнее стала.

Он продолжал думать, но одновременно уже и взялся за дело – не передоверяя секретариату, сам созвонился со

Столбовицем в Штатах.

Сделал и еще один звонок. Чтобы предупредить о своем отъезде самого близкого и, безусловно, сильнейшего союзника, на которого надежда: он окажет помощь в задуманном деле, нажав на какие-то из своих рычагов на Западе. Что такие рычаги и кнопки у Гридн्या имелись – политик не сомневался, хотя на эту тему они никогда не разговаривали: вторгаться в деловые тайны магната было бы действием самоубийственным.

И все же – звонить надо было. Потому что другой серьезной опоры просто не существовало.

– Есть у тебя немного времени?

– Жаль, но считанные минуты. Самолет ждет.

– Понимаю. Камчатка?

– Она. Да, так я слушаю.

– Коротко. Первое: тоже улетаю. Но не туда. Напротив.

– А... м-м... Понял. О причинах знаю. Хотя там с вами ничего не случилось бы. Но потом...

– Да. Второе: информация, которая может оказаться серьезной.

Политик изложил главное менее чем за три минуты. После едва уловимой паузы Гридень ответил:

– Большое спасибо. Это и в самом деле может быть серьезно. Вам желаю счастливого пути. И надеюсь быть в курсе ваших дел там.

– И вам того же. Будете, конечно.

Дав отбой, Гридень минут пять посидел, приопустив веки, словно расслабившись перед дорогой. Потом вызвал секретаря.

– Позвоните на аэродром. Самолет можно вернуть в ангар. Камчатка отменяется. – Он усмехнулся. – Слишком близка она, не наш масштаб.

Только завершив необходимые действия и размышления, политик позволил себе передохнуть, выпил стакан холодного боржома и позвонил, чтобы несли обед. Проголодался после усиленной умственной работы.

Глава президентской администрации гостеприимно указал генералу СБ на кресло перед низким – в стороне от письменного – столиком, сам уселся в такое же – напротив. Улыбнулся не официально, а как единомышленнику.

Да они, собственно, такими и были. Потому что позицию президента в вопросе полного ядерного запрета оба в принципе поддерживали – во всяком случае, в служебное время, – хотя бы потому, что то была позиция начальства, и были готовы всеми возможными способами и силами за нее бороться. Так что главные усилия СБ сейчас были направлены на то, что и принято считать основной задачей, смыслом ее существования: борьбой с проникновением вражеских разведок, в данном случае – в государственные тайны, связанные со стратегическим арсеналом России. Разумеется – применительно к проблемам великого Соглашения (так в высших кругах было принято называть готовившийся документ). И вообще – со всяким противодействием попыткам противников как извне, так и внутри страны. С защитой. А лучшая защита, как известно, – нападение. Об этом и пошел разговор.

– Они же торгаши, – проговорил хозяин кабинета, как бы размышляя вслух о вещах более чем секретных. – И стоит хоть одному просечь, что на деле контракт будет вовсе не на равных, что мы им, не исключено, подсунем куклу, – все мо-

жет полететь вверх тормашками. Так что смотрите – чтобы ни намека, ни полунамека ни в печати, вообще нигде...

– Тут все схвачено, – уверенно откликнулся генерал. – Тут – порядок.

– А товар лицом предъявляете?

– Повседневно. Везде жизнь бьет ключом, так что они со своих спутников получают такие картинки, что пальчики оближешь.

– Военные не саботируют?

– Проявляют понимание. Но, конечно, не мешало бы им подбросить сколько-нибудь денег и всего такого – успокоить по поводу предстоящего сокращения. Это их всегда волнует.

– Об этом я уже подумал. И президент в принципе согласен. Не очень много, но дадим. И по квартирной проблеме сколько-то выделим. Но суть не в этом. Помните, о чем мы говорили в прошлый раз? Главное – выявлять мнения противников запрета. И пресекать.

– Пока ничего такого не слышно. Ни военные, ни производители...

– Это я знаю. Но ведь беда всегда приходит, откуда не ждешь.

– Неоткуда вроде бы. Демократы – за, парламент – за, откуда же еще можно ждать?

– Ждать надо оттуда, откуда вроде бы нельзя, – сказал хозяин кабинета. – Гром, как говорится, бывает и с ясного неба. Да, кстати о небе – эта ваша информация об этой... комете,

что ли, или что это там... Тут тоже ни звука не должно просочиться, ни бита. Не то кому-нибудь вдруг влезет в голову: ради таких вот случаев надо иметь на Земле какой-то ядерный резерв; а кому его иметь? Конечно, великим ядерным – нам да Америке. Вот тебе и повод затормозить Соглашение. Поблагодарит президент за такой подарок, по-вашему?

– Такого мыслителя оборжем – сгорит со стыда. Подскажем хотя бы Родченке – он его по стенке размажет.

– Ладно, но это будет полдела. А вторая половина: надо запастись авторитетным мнением какого-нибудь звездочета: что, мол, таких катаклизмов не предвидится – ну, хотя бы в ближайшие пять миллионов лет. Ну, пусть пять тысяч – нам хватит.

– Так точно, сделаем, – отозвался генерал.

– Это будущее время. А я люблю настоящее. Презенс. Сейчас-то вы хоть что-то делаете? Надо обязательно докопаться до корней. Вы просмотрите это на фоне созыва Конференции – тогда сможете оценить масштаб возможных последствий. А пока источник не перекрыт – купите побольше скотча. Ну, липкой ленты. Чтобы позаклеивать рты всем – и у вас в Службе, а еще важнее – тем, кто... ну, сам понимаешь где. Президент завтра не вернется, к сожалению: на Камчатке погода разбушевалась, подняться в воздух невозможно. А продлится она дня три – и придется ему прямо оттуда лететь в Улан-Батор – это важнее. Так что ему не до небесной механики, сам понимаешь. Ну ладно, спасибо за доклад.

– Люди уже работают, – заверил генерал. – Чтобы закрыть источник информации в самом истоке.

– Правильно делаете. Желаю удачи.

Проводив взглядом директора СБ, глава администрации уселся за рабочий стол. Просмотрел в своем кабинете составленный помощником, заведующим президентским протоколом, список, откинулся на спинку стула и задумчиво поглядел в потолок.

Протокольному помощнику приходилось решать повседневную, но всегда непростую задачу: из двух дюжин людей, претендовавших на встречу с президентом (на сей раз – сразу по его возвращении с Камчатки), выбрать троих, самое большее – четверых. Остальное время было наглухо забронировано двумя большими министрами – иностранных дел и военным. Но главе администрации сейчас казалось, что и этого слишком много. У президента время всегда в остром дефиците. В работе над проектом текста Соглашения об окончательном и полном ядерном разоружении наступила самая горячая пора, когда каждое слово испытывалось на сжатие, излом и растяжение, когда возникал десяток, а то и больше вариантов каждой фразы. Но сторонники другой точки зрения вовсе не собирались сдаваться, и среди тех людей, что претендовали на встречу с президентом, большинство принадлежало именно к таким. Однако заранее предвидевший такую ситуацию глава администрации дал недвусмысленную установку: инакомыслящие проникать к прези-

денту не должны ни под каким соусом. Противники имеют трибуны в Федеральном собрании – и хватит с них. Ни Дума, ни Совет президентскую администрацию не волновали: когда придет пора ратифицировать, большинство проголосует так, как нужно. Таким образом, сейчас задача была ясна. оставить в списке лишь таких кандидатов на прием, кто намерен говорить о частных вопросах, не относящихся к проблеме ядерного разоружения.

Например, председатель Пенсионного фонда – годится, его проблемы не имеют общих точек с вопросом ядерных боеголовок; а вот председатель Федерального Совета профсоюзов может заговорить о том, что ликвидация, по сути дела, всей ядерной составляющей оборонной промышленности приведет к неизбежному и достаточно болезненному сокращению рабочих мест, увеличению безработицы и прочим отрицательным эффектам; поэтому он в список никоим образом не войдет. И такой достойный и значительный человек, как генерал-полковник, командующий космическими стратегическими войсками, например, в ближайшие дни и недели увидеться с президентом не сможет: его войска – те самые, что должны вскоре пойти под нож.

Так. А это кто еще? Нахимовский? Незнакомая фамилия. Директор астрономической обсерватории? Тоже мне государственный деятель... Впрочем, он-то, может быть, как раз и кстати – такой визитер годится для передышки, для расслабления... Оставим его в списке? Ах черт! Астроном!

Он вскочил и быстро направился к двери. Но уже в секретарской перешел на нормальный – неспешный, солидный шаг.

В кабинет протокольного помощника глава администрации вошел неожиданно, без предупреждения, как делал часто – словно бы старался поймать кого-то из подчиненных за недозволенным занятием. Помощник – как всегда в таких случаях – внутренне усмехнулся: он что – думает, мы здесь в рабочее время выпиваем? Или взятки берем?.. Но вежливо встал навстречу начальству.

Вошедший ткнул пальцем в список:

– Это что?

– Это? Звездочет. Ученые вот жалуются, что им уделяют мало внимания...

– С ума сошел? – проговорил глава администрации тихо, угрожающе. – Ты кого это наслушался? У нас тут дела мало – займемся звездами, да? Ну даешь.

И своими руками вымарал фамилию.

– Кто у тебя там еще просится? Ага... ага... Поставь вот этого – армянина. Президент в августе туда едет – может быть, встреча окажется кстати. И никаких астрономов!

Сказав это, глава повернулся и пошел к двери. Помощник пожал плечами: астроном-то чем ему не угодил?

Но у самого выхода глава администрации повернулся:

– Впрочем, с астрономом я сам побеседую. Интересно: чем это он решил порадовать руководство? Что у него за гло-

бальные проблемы возникли? Пусть его пригласят... на семнадцать часов.

Чиновник с готовностью кивнул. А про себя соображал: значит, у астронома может оказаться и что-то серьезное – у шефа чутье феноменальное, и уж если он заинтересовался – что-то там есть такое...

А в общем – наше дело петушиное: пропел – а там хоть не рассветай.

Глава же администрации возвращался к себе медленнее обычного, размышляя на ходу.

Вообще-то страстями своими он был уже не здесь; доставшийся президенту в наследство от прошлой администрации, он отлично понимал, что будет заменен на кого-то, более «своего»; обижаться на это не приходилось, как не обижаются на смерть – поскольку она неизбежна. Но тут, слава Богу, не о смерти речь, которой нет альтернативы; поэтому он вот уже два года (после того, как окончательно понял, что в «свои» его так и не зачислят), служа верой и правдой, одновременно выжидал удобного случая, чтобы подать в отставку: для него держали кресло вице-президента крупной телефонной компании, и кресло это было куда мягче кремлевского и уютней. И обещали быстрый рост. А чтобы связь эта оставалась достаточно прочной, нужно было, чтобы она имела характер мезонной: как между атомами идет обмен мезонами и это удерживает их в связке, там и тут. И вот эта любопытная новостишка – чем не мезон?

Но, конечно, не телефонщикам. А повыше них. Самому.
И без промедления.

Доехали, можно считать, благополучно, несмотря на некоторые волнения; джип в роще благополучно потерялся – то ли отстал, то ли снова, развернувшись, покати́л прежним своим маршрутом. Давя чужие следы своими покрывками, Минич въехал во двор, подрулил к самому крыльцу и остановился. Вылез не сразу; когда мотор умолк, такая неожиданная тишина вдруг упала на приехавших, что не по себе стало и Миничу, и, наверное, попутчице – судя по тому, что она тоже не торопилась выйти, вдохнуть свежего воздуха, но продолжала сидеть на месте смертника, снова уронив веки; может быть, впрочем, просто печальные мысли заставили ее не смотреть вокруг и даже не шевелиться, словно впав в кому или (что было вернее) войдя в медитацию...

Минич покосился на нее, еще с минуту посидел, потом поднял брови, пожал плечами, как если бы удивлялся собственному поведению. Вылез наконец; дверцу захлопывать не стал – пусть салон проветрится. Вытащил из кармана полученные в клинике ключи. Зачем-то позвенел ими, словно колокольчиком, – как если бы хотел предупредить о своем появлении здесь кого-то, кого простым глазом и не увидеть было. Может быть, он полагал, что Люциановы тонкие тела уже переместились сюда и их нужно хоть как-то приветствовать перед тем, как вторгнуться в чужое – но теперь уже в

каком-то смысле и принадлежащее ему самому жилью.

Отпер один замок, затем второй; второй при этом тихонько то ли проскрипел, то ли провизжал, на что-то жалуясь, но всерьез сопротивляться не стал. Ни собак, ни кошек Ржев не держал, для него все последние годы телескоп был единственным сожителем, и не исключено, что Люциан Иванович про себя думал о нем и воспринимал его как существо одушевленное – как водитель машину, например. Так что никто больше не мог ни встретить нового (пока еще предположительно) хозяина, ни помешать ему войти внутрь.

Минич, однако, прежде чем сделать это, вернулся к машине и подошел на этот раз с правой стороны. Распахнул дверцу, видя, что пассажирка сама выходить вроде бы не собиралась. Легко, одним пальцем, прикоснулся к ее плечу – но не там, где оно было оголено сарафаном, чтобы она ничего такого не подумала, чего у Минича и в самом деле в мыслях не было.

– Девушка... Да, кстати: как вас зовут? Обращаться-то к вам как прикажете?

Она повернула голову; спокойно-отчужденное выражение лица не изменилось.

– Можете называть Джиной, если вы не против.

Эти последние слова – «расширение», как он определил их компьютерным термином, Минич оставил без внимания.

– Зайдете? – спросил он. – Вы же не для того ехали, чтобы с порога повернуть назад?

– Не для того. Но я ведь не знала... Хотя я, конечно, зайду. Там остались кое-какие мои мелочи... случайно. – Она проговорила это, словно убеждая в чем-то саму себя. И вылезла из машины, решительно захлопнула за собой дверцу, словно отрезая себе путь к отступлению. На мгновение задержалась.

– Может быть, я пойду прямо... туда? Посмотрю, как там, все ли цело. Не бойтесь: чужого не возьму.

«Что, бельишко свое осталось? В чем спала?»

– Да подождите...

– Поняла: ответ с отказом. Но хоть туда-то мне можно?

И кивнула на обсерваторную вышку, что находилась позади дома, но верхняя часть ее с кустарно изготовленным куполом была хорошо видна и отсюда.

«Разрешать работать тому, кто захочет», – вспомнил он. Вот, значит, кого Ржев имел в виду. Да, не вовремя они поссорились...

Но и в этой просьбе Минич отказал, сам не зная почему:

– И туда, и сюда пойдем вместе.

Джина едва заметно пожала плечами:

– Как скажете.

И направилась к крыльцу. У самой двери Минич обогнал ее.

– Простите – я войду первым. Мало ли что там может быть...

По его расчетам, он был тут последним – когда увозил Лю-

циана в больницу. И хотел убедиться в том, что в отсутствие хозяина дом не посещали гости.

Первым он вошел в небольшую прихожую с вешалкой на стене и галошницей на полу. На вешалке по-прежнему висели старый синий плащ Ржева и заношенная спортивная куртка, что он надевал для работы в огороде. Направо короткий коридорчик вел на кухню и к удобствам, прямо – другой, подлиннее, одна комната была слева, вторая – впереди. После яркого дня было темновато; Минич щелкнул выключателем – свет зажегся. Джина вошла вслед за ним. Остановилась. Минич достал сигареты, сунул одну в рот. Протянул пачку девушке.

– Спасибо, не курю. И вы... подождите же!

Удивленный, он опустил руку с зажигалкой.

– Что случилось?

Джина медленно втянула носом воздух:

– Пахнет дымом – вам не кажется?

Ему, курильщику, учуять запах было, конечно, труднее. Но после ее слов он принюхался. Да. Курили. И уж никак не две недели тому назад. И не «мальборо».

– Да, – сказал он. – Спасибо, что обратили внимание.

– Они – те, кто ехал нам навстречу?

– Очень может быть. Наверное. Постойте тут. Я посмотрю, что в комнатах.

Но в комнатах он ничего такого не заметил. Да и не мог скорее всего увидеть что-то такое, на что, может быть, обра-

тил бы внимание хозяин – если бы мог сейчас не только увидеть, но и сказать. Не мог. А Минич просто не помнил, что, где и как стояло и лежало – на столе, на буфете, на подоконнике. Может быть, кто-то и трогал все это – поди знай...

– Джина!

Она вошла, спокойно ступая.

– Как по-вашему, не могло ли тут что-нибудь... пропасть?

Женщина покачала головой:

– Что? Денег и ценностей у него не было, вы и сами должны знать, на каком уровне он жил – в смысле быта. Никаких коллекций, гардероб – под стать бомжу. Единственное, что у него было хорошего, кроме зеркала, – компьютер, программы к нему и записи. Но они не здесь. В смысле – не в комнатах, а в погребе. Там у него настоящий кабинет. С тайниками даже.

– Что-то не знаю я тут никакого погреба... – удивился Минич.

– И никто не знает. Кроме меня. «Маскировка номер раз» – так он это называл. Мы обычно разговаривали как раз там – за работой, и еще наверху, в обсерватории. Или на верандочке. Или во дворе.

«Или в спальне, – подумал он почему-то с неудовольствием. – Раздеваясь, аккуратно убирала небось свое на вешалку...»

– Вешалка, – вспомнил вдруг он. – Наверное, что-то должно было находиться на вешалке. Висеть? Лежать?

– Почему вдруг вешалка? – не поняла она.

– Он говорил... в последние минуты, там...

Чуть помедлив, она усмехнулась:

– Он не эту вешалку имел в виду.

– Какую же? – Минич нахмурился, соображая.

– Здесь вы ее не найдете. Это то, что он наблюдал. Астеризм «Вешалка» в созвездии Лисички. Наблюдая, он и увидел это. И сказал мне потом, что для нашей планеты это может представлять страшную опасность, губительную. Обещал подробности, когда сам разберется как следует.

Да, кажется, он говорил и такое – вперемишку с разными тонгаревыми. Но разве не бред это был?

– Опасность? Для планеты? – переспросил Минич и на всякий случай нахмурился. – Но хоть в общем, в двух словах?..

Джина поколебалась, прежде чем ответить, – и тем упустила время, потому что в следующую секунду ответить стало и вовсе невозможно: постучали в дверь – из вежливости явно, потому что она и так была распахнута, – и сразу же в прихожей послышались уверенные шаги нескольких человек. И Минич, и Джина непроизвольно прервали разговор и повернулись на звук. Минич шагнул, чтобы встретить пришедших в коридоре.

Их оказалось трое; все – мужики, как говорится, в расцвете лет, одетые в аккуратные костюмы. В узком коридоре им волей-неволей пришлось выстроиться в колонну по одному.

Однако сразу же тот, что был замыкающим, сделал шаг вправо и исчез в коротком коридоре. Слышно было, как он распахнул кухонную дверь. Минич поднял брови и поджал губы прежде, чем поинтересоваться (в голосе его чувствовалось недовольство):

– Итак, чему обязан?..

Стоявший в колонне первым спросил – не враждебно и не дружелюбно, сухо, по-деловому:

– Ржев Люциан Иванович, если не ошибаюсь?

Минич не стал сразу же уличать визитера в ошибке.

– Ну, – ответил он, – а если бы и так?

– Мы по поводу ваших наблюдений. Они нас заинтересовали. Нужна более подробная информация. Где мы можем поговорить?

Пока Минич раздумывал над возможным вариантом ответа, тот из прибывших, что заглядывал в кухню и прилегающие к ней удобства (такая тут была архитектура), возвратился на свое место в строю.

– А что, хозяина нет? – поинтересовался он оттуда.

Первый повернулся к нему:

– Разве это?.. – и кивнул в сторону Минича.

– Этого я иногда наблюдал, – ответил третий уверенно, – только это не хозяин.

– Интересно. – Это было сказано уже совсем другим тоном, и выражение глаз, снова обратившихся к Миничу, стало совсем иным – морозным. – В таком случае кто вы такой

и что здесь делаете?

– Считайте, что я спросил об этом же вас. – Ответ Минича прозвучал в той же тональности.

Хорошо отработанным движением каждый из гостей запустил руку за пазуху, чтобы вынуть – нет, никак не оружие, но красную книжечку с золотым тиснением на обложке.

– Служба безопасности. С кем имею удовольствие беседовать?

Минич постарался выразиться как можно короче:

– Я приехал сюда по просьбе хозяина дома – по делу.

– Где же он? Или вы его не застали?

– Его нет.

– И вы не знаете, где он? И почему отсутствует, если, по вашим словам, сам пригласил вас сюда?

– Нет, отчего же, – сказал Минич, – в общих чертах знаю.

– Ну?

Это междометие было произнесено едва ли не с угрозой.

– Полагаю, что сейчас он в морге на Каширке. Вернее – его тело.

Это заявление явно оживило всю троицу.

– В морге! – проговорил один таким тоном, каким принято произносить: «Вот видите, я же говорил!»

– На Каширке? – Первый недоуменно поднял брови. – Это где?

– В онкологическом центре, – не стал скрывать Минич. – Он скончался там сегодня (он бросил взгляд на часы) четыре

с половиной часа назад.

– Странно, – сказал первый. – Почему его отвезли туда?

Второй, к которому был обращен вопрос, только поджал губы:

– Наверняка милиция – чего же вы хотите?

Этот обмен мнениями уже начал надоедать Миничу.

– При чем тут милиция, хотел бы я знать? – спросил он иронически. – С каких это пор рак гортани считается нарушением закона?

Смысл заявления гости осмыслили быстро.

– Он что – был болен?

Спросили, как ни странно, не Минича, а третьего; видимо, то был местный кадр, коему ведать надлежало. Тот лишь пожал плечами:

– Когда я его последний раз видел – кашлял много, действительно, и с лица спал. Но держался бодро...

– Он пролежал там две недели, – сказал Минич. – Слишком поздно обратились – он все не хотел, не верил, что серьезное, говорил – обойдется, зачем время терять.

– Так, – сказал первый. – Значит, вы считаете, что он умер от болезни? В него не стреляли? Это не было покушением? Терактом?

– Это не я считаю, – начал уже злиться Минич. – Это врачи считают. Стреляли? Смешно – кто стал бы в него стрелять? Что он – коммерсант? Политик?

Эсбист усмехнулся; в улыбке легко читалось: «Как же,

много ты понимаешь!..» Вслух же он сказал другое:

– Итак, вы не врач, ясно. А кто же вы? И как мог Ржев вам что-то поручить, если он, с ваших слов, умер? Покойники, знаете ли, не имеют обыкновения давать поручения хотя бы и друзьям. А ну быстро: зачем вы приехали сюда? Найти и забрать – что? Материалы наблюдений, дневники, письма – что еще? Предупреждаю: вы не имеете никакого права ни находиться здесь, ни изымать что бы то ни было. Прошу предъявить все, что вы хотели забрать отсюда, а затем немедленно оставьте этот дом.

Минич вообще-то был человеком законопослушным – в той мере, в какой российский журналист вообще может быть законопослушным. Иначе говоря – он уважал закон как некую абстракцию; встречи же с людьми, этот закон представляющими, почему-то всегда не только не доставляли удовлетворения, но вызывали стойкое желание возмущаться и противоречить. Этот же аккуратный, подобранный человек почему-то вызывал у него особенно сильное раздражение. Поэтому Минич, вместо того чтобы вывернуть карманы и послушно выйти из дома, ответил довольно нагло:

– Как бы не так!

– Что-что? – переспросил эсбист, нехорошо нахмурившись и запрокинув голову, что должно было изображать надменное презрение к ничтожному собеседнику. – Вы отдаете себе отчет?..

Минич уже набрал побольше воздуха в грудь, задержал

его на секунду, подыскивая ответ пообиднее. Как и многие журналисты, он стал уже привыкать к тому, что правоохранительные органы старались поменьше связываться со СМИ: почему-то меры, примененные именно к этой категории людей, вызвали наибольшее волнение у общественности – быть может потому, что как раз такие меры освещались в печати с наибольшей широтой и негодованием. Так что Минич решил в выражениях не стесняться. Но в те мгновения, когда он подбирал слова, голос в его защиту прозвучал с той стороны, с какой журналист его никак не ожидал.

– Нет, – сказала Джина. – Вы ошибаетесь: он находится тут с полным правом, поскольку является единственным наследником покойного владельца, согласно завещанию. А вот вы? Есть ли у вас надлежащие постановления?

– А вы кто такая? Не лучше ли вам вообще помал...

Эсбист вдруг умолк, словно подавился собственными словами. Но тут же продолжил – уже совершенно иным тоном:

– Кажется, мы с вами уже встречались?

– Несомненно, – подтвердила женщина.

– Напомните – где?

– Совсем недавно. На совещании у Виктора Порфирьевича.

– Д-да, действительно. – И эсбист вдруг нормально, совершенно по-человечески улыбнулся. – Здравствуйте. Не ожидал увидеть вас здесь. Мне не доложили...

– Я никого не предупреждала. С покойным Ржевом Лю-

цианом Ивановичем я была лично знакома. Я в курсе его работ.

– Вот как? Что же, это меняет дело, Зинаида... Самсонова – если не ошибаюсь?

Она не сказала в ответ «У вас хорошая память», так что ему не пришлось с улыбкой признать, пожав плечами: «Профессия». Просто кивнула.

– Хорошо. Мы не станем больше мешать вам. Хочу только предупредить: обладая соответствующими полномочиями, мы еще до вашего приезда произвели осмотр помещений. Обнаруженный дневник наблюдений изъяли для более подробного ознакомления. По минованию надобности передадим в соответствующее научное учреждение, в какое – мы вам сообщим. К ним и будете обращаться в случае необходимости.

Он обернулся к своим, слушавшим этот разговор с непроницаемыми лицами:

– Здесь все в порядке. Поехали.

И через несколько секунд во дворе сдавленно рыкнул мотор, и джип пустился в обратный путь по собственным следам.

Но Минич при этом не испытал никакого облегчения. Вот, значит, какую дамочку он привез сюда на собственной машине!

Он повернулся, чтобы смерить Джину неприязненным взглядом. И увидел, что она безмятежно улыбается. Может

быть, даже посмеивается? Не над ним ли смеется? Да над кем же еще?

– Извините, – сказал он сухо. – Не знал, что вы тоже... из этого семени... Зина.

– Да вовсе нет, – ответила женщина непринужденно. – Не из них. Но встречаться приходилось – и наверняка еще придется. Хотя я не состою в их сотрудиках – ни в штатных, ни в секретных.

– В таком случае – откуда же столь невероятное уважение со стороны щите и меча?

– Они нередко просят у нас консультаций.

– У вас? У целителей?

– Ну, не только. Вообще – у экстрасенсов, у тарологов... Думаю, что еще немного – и кто-то из моих коллег окажется в их кадрах – как только СБ получит деньги на расширение. А я там представляю астрологию.

– Я вижу, вы относитесь к ним сочувственно?

– А они, в общем, хорошие ребята. Конечно, работа накладывает отпечаток – как и любая другая. Но знаете что? Обо всем этом мы могли бы поговорить и потом. Вы ведь приехали сюда с какой-то целью? Я тоже. Поэтому, может быть, займемся делом?

– Я, кстати, не спросил: зачем вы приехали сюда?

– Ехала – чтобы поговорить с ним. Помирился, если хотите, или уж... – Она помолчала. – Но раз это невозможно – хочу посмотреть, может быть, смогу составить более полное

представление о том, что он наблюдал.

– А что могла хотеть от него служба безопасности?

– То же самое, что и я.

– Им-то это к чему?

– Вы забыли уже? Я же вам сказала: всему миру может грозить страшная опасность. Да, вот как он назвал это: «Тело угрозы».

Но Минич уже решил отнестись к этому иронично: конец света – этого даже для журналиста многовато.

– Какой кошмар!

На эту явную насмешку Джина-Зинаида ответила с обидной ухмылкой:

– Понимаю: вы жираф. Но я подожду, пока и до вас дойдет. Сейчас мне некогда спорить. Я хочу найти все, что связано с наблюдениями.

– Вы же сами видели и слышали: они забрали с собой все, что имело отношение к этому.

– В том-то и дело, что не все. Я же сказала вам о погребке.

– Думаете? Разве не все у них?

– Они же не специалисты – не знали, что следует искать, и взяли то, что попало на глаза. А увидели они только дневник – он вел дневник, говорил, что такая потребность возникает с возрастом. А журнал наблюдений у Люциана велся на дискетах. Они не знали, где его искать. А я знаю. И фотографии тоже уцелели.

– Хотите сказать, что специалисты и их не нашли?

– Вам не показалось, что они чувствовали себя не очень уверенно? Видимо, они вторглись в дом, не имея на то права: постановления или хотя бы прямого приказа. И вряд ли они успели побывать даже и в обсерватории. Конечно, если бы не наш приезд...

– Да нет. Мы же встретили их, когда они уже возвращались. Мы им никак не могли помешать.

– Это вы так полагаете. А я думаю иначе. Спорю: они уже готовы были вскрыть обсерваторию, но сверху вовремя заметили вашу машину. Ехать по этой дороге больше некуда; вот они и поспешили удалиться – чтобы тут же вернуться уже как бы цивилизованным порядком. Они ведь считали, что это возвращается хозяин, и вовсе не хотели заранее портить отношения с ним: собирались получить у него информацию. А о погребке им, похоже, вообще не было известно ничего. Так что журнал мы скорее всего найдем нетронутым. А там должно быть все, что меня интересует. Потому что он не только наблюдал. Он еще и считал. Кажется, эти расчеты и заставили его думать о большом значении увиденного. У него вырвались такие слова: «Тело угрозы»... И я хочу во всем этом разобраться – раз уж он сам не может. Хотя теперь-то он знает, конечно...

– Я еще не дал вам разрешения.

«Не обижай девушку...», вспомнил он слова умирающего. Тоже как бы завещание. И пожалел о сказанном.

– Ладно. Давайте посмотрим.

– Идемте. Ключи у вас.

Если бы кто-нибудь еще из попытавшихся увидеть новооткрытый астероид все-таки обнаружил его и занялся, определив его скорость и направление, дальнейшими подсчетами, то решил бы скорее всего, что название «Тело угрозы», возникшее у покойного ныне Люциана, было чересчур уж мрачным.

Однако пока никакого подтверждения сделанного якобы открытия не возникло. И искать перестали – за исключением, может быть, одного-двух начинающих астрономов, очень молодых еще и потому весьма упрямых и этим похожих друг на друга, хотя знакомы они не были, никогда не встречались, да и обитали не только в разных странах, но и в разных полушариях планеты. Но об этом поговорить пора придет позже. В общем же было решено, что это то ли шутка, то ли ошибка любителя, столь внезапно исчезнувшего с горизонта.

На самом же деле искомый объект существовал. Только, поскольку время прошло, искать его следовало уже совсем в других координатах, учитывая скорость его в день наблюдения и то ускорение, с каким эта скорость возрастала. Но, не видя его, разумеется, и определить ничего такого нельзя было.

То ли астероид, то ли комета, то ли ни то и ни другое – небесное тело это проходило сейчас орбиту Нептуна (но со-

вершенно в иной плоскости, близкой к полярной, так что вернее будет сказать, что оно находилось на расстоянии от Солнца, равном среднему расстоянию названной планеты), и летело оно, как показалось бы вначале, с большой, не свойственной астероидам скоростью – приближаясь уже, пожалуй, к параболической; и скорость эта, и направление его могли свидетельствовать о том, что тело вовсе не собиралось остаться в Солнечной системе, но намеревалось пронзить ее по хорде и уйти в то «никуда», из которого и пришло. Хотя пока этот скоростной рубеж еще не был достигнут. Так что оно – тело – могло и остаться в Солнечной системе.

Если бы, конечно, ничто ему не помешало. Но во Вселенной случается всякое. И наблюдая далее, можно стало бы убедиться в том, что скорость эта на самом деле не является постоянной, но меняется, а именно – тело как бы затормаживается, одновременно меняя направление полета; то есть тело двигалось с ускорением, которое, однако, не было постоянным.

Конечно, всему должны быть причины. Например, в это время тело могло подвергнуться гравитационному – а может быть, и магнитному, – влиянию большой планеты. Не только Нептун мы имеем в виду. И вообще – пока – никого из группы Юпитера. При разделявшем их расстоянии влияние это вряд ли могло оказаться сколько-нибудь значительным. И не оказалось. Тем не менее оно было, это влияние, которое правильнее было бы назвать обоюдным. И траектория поле-

та тела несколько искривилась, направление стало иным. К сожалению, в эту пору этот объект, как уже сказано, никем еще не был замечен – кроме Люциана. Ничего удивительного: наблюдаются ведь, по сути, лишь небольшие участки, узкие секторы неба, так что немалая часть его вообще не закартирована. А если бы кто-то увидел и заинтересовался всерьез – то скорее всего пришел бы к выводу, что и еще какое-то влияние здесь сказалось, и куда более сильное. Возможно, Люциану именно это и пришло в голову?

Не сделав такого предположения, нельзя было бы подумать о том, что тело может представлять какую-то действительную угрозу. А ведь покойный Люциан, похоже, имел в виду нечто подобное?

Впрочем, пока его дневники еще не прочитаны, расчеты не проверены, а фотографии не изучены, судить о его мыслях и соображениях было бы преждевременным.

Глава вторая

1

Камчатка приняла президента, как и полагалось: был и губернатор, и главы всех соседних и не очень соседних регионов, ковровая дорожка от трапа, почетный караул, журналисты и охрана, охрана везде – хотя самому главе государства казалось, что это последнее было вызвано скорее устоявшейся традицией, чем необходимостью: терроризм все-таки удалось придушить – если не до смерти, то, во всяком случае, довести до бессознательного состояния. Но ничего не поделаешь: самая большая сила в мире – протокол.

Президент и не пытался ему противиться, хотя относился двойственно; с одной стороны, все полагающиеся ему по рангу знаки внимания свидетельствовали о стабильности положения и со временем даже стали президенту нравиться: выполнение протокола было своего рода игрой, чуть ли не спортивной, и, разобравшись в правилах этой игры, можно было оценивать уровень выполнения того или иного пункта и ставить (мысленно, конечно) оценки – как если бы это было, скажем, фигурное катание. Тут, на полуострове, он оценил бы сыгранность встречающей команды на 5,3, а почетный караул – куда ниже, на 4,5 – никак не более. Хотя во-

обще шестерку можно было бы ставить в стране разве что московской роте – да и то не за каждое выступление. Однако делать замечаний он не стал, не желая огорчать хозяев, безусловно, хотевших как лучше.

Отдыхать он не стал – успел выспаться в самолете, так что вся знать сразу же направилась в губернаторскую резиденцию – для работы. Совещание продолжалось около трех часов и было, по сути дела, столь же протокольным, как и вся встреча; серьезный разговор о возможных перспективах развития области должен был состояться позже, с глазу на глаз, потому что и ожидаемые требования губернии, и претензии центра были делом интимным, и руководителям соседних территорий быть в курсе возможных договоренностей никак не следовало, чтобы у них не разгорались аппетиты. Потому что – при наличии денег и желания – на этой земле можно было делать большие и выгодные дела.

По этой причине после общего совещания и последовавшего затем обязательного обеда с чеканными формулировками тостов президент посоветовал всем приезжим губернаторам беречь время и разъезжаться (точнее – разлетаться) по домам, предупредив, что, закончив дела в Петропавловске, на обратном пути неофициально навестит еще, самое малое, одну из губерний; какую – сказано не было, каждый мог принять обещание на свой счет, так что желаемый эффект был достигнут: все заторопились в свои края – латать дороги и красить траву.

Дальше тоже все было нормально. На вертолете слетали в те места, где шли работы по созданию первоклассного спортивно-туристического центра на уровне пяти звездочек. Центр был рассчитан не столько на своих, отечественных (хотя как только он будет признан модным и элитарным, сюда кинется и свой народ, любящий быть на виду), сколько на иноземных клиентов: глянь на запад – тут рядом вся Северная Америка, переведи глаза южнее – тоже богатая и тоже динамичная Япония, да еще плюс Корея... Что ни говори, думал президент одновременно с уважением и досадой, – а хватка у Гридния мертвая, интуиция же – как... как у кого? Ну, как у Нострадамуса, что ли. Кстати: а то, что его сейчас тут нет, – это тоже ему интуиция подсказала? А что такого, собственно, она могла бы ему нашептать?

И впервые за этот день глава государства ощутил – лишь на миг, конечно, – легкую тревогу.

Может быть, и не следовало так резко рвать с магнатом? Не из-за денег его, конечно, а из-за ума и чутья, в которых Гридню было не отказать.

С другой же стороны – как было сохранять с ним отношения, если он явно смещался к оппозиции?

Опасность?

Но откуда? На ближайшие дни, по клятвенным заверениям сейсмологов, никаких землетрясений не ожидалось; вулканологи тоже почти что гарантировали спокойную обстановку. Метеорологи, правда, вертели носами, в их «если –

то...» разобраться было невозможно. Однако бед и они не пророчили.

Впрочем, был тут Гридень или нет, но работа шла. И уже можно было начинать сравнивать то, что было воплощено пока в макете, выставленном на всеобщее обозрение в губернаторской резиденции, с тем, что родилось уже и в материале; сравнивать хотя бы так, как сопоставляешь угольный набросок на большом полотне с уже написанными красками эскизами, – пятьдесят на тридцать.

Смотреть – и находить сходство...

– Василий Петрович, небо что-то хмурится, пилот намекает, что задерживаться тут не стоит. У нас всякие неожиданности бывают...

– Да, – кивнул президент губернатору. – Пожалуй, летим. Хорошо вы тут работаете. Внушает.

– О, то ли еще будет! Вот прилетите через годик...

– Я и раньше могу нагрять.

Губернатор чуть не захлебнулся в каком-то щенячем восторге:

– Да мы...

– Знаю, знаю. Ну – в полет?

Когда поднялись, он в последний раз бросил взгляд на восток – туда, где находился издавна преследуемый и по сей день не догнанный конкурент-союзник.

«Вы нас придушили гонкой вооружений; ну а мы того же добьемся гонкой разоружений!»

Возникла все-таки эта мысль. Хотя президент обещал самому себе сейчас об этих делах даже и не думать: хватало и других поводов для размышлений. Например, вот этот возникающий центр. Очень заманчиво – правительству заполнить его контрольный пакет. И чтобы все по закону. Не может же быть, чтобы Гридень никак не нагрешил – при таких масштабах. Поискать – найдется. Намекнуть генеральному прокурору? Гридень – грешник. Даже созвучно. Но – надо еще подумать, прежде чем рубить все концы.

А непрошеным вторгалось в мысли другое: «Как же пришпорить Штаты так, чтобы они, подписав Соглашение, вынуждены были сразу набрать нужный темп разоружения – не ему нужный, понятно, а нам? Где найти такую нагайку, чтобы с места поднять его в галоп?»

До Петропавловска долетели вовремя: погода портилась на глазах. Одно слово: Камчатка.

Потому ли не приехал Гридень, что его напугали плохой погодой?

Кстати, о птичках: и глава оппозиции тоже не почтил присутствием. А ведь до сих пор он никогда не упускал таких возможностей. Обязательно появлялся. Не в составе президентской свиты, конечно; возникал независимо, на что имел все права. Возникал не для того даже, чтобы создавать осложнения, но напоминая: «От пристального взгляда оппозиции тебе никуда не скрыться, и не будет у тебя от нас тайного – все станет явным!»

Да не было у него, президента, никаких тайн! В мыслях? Извините, мысли – это моя частная собственность, и в них забираться никому не разрешено.

Оба пренебрегли. Случайность – или была причина?

Ветер за окном менял тональность: уже не выл, а рычал. Правда, еще не в полную силу.

Ладно, доберусь я до них! – подумал президент, на этот раз о метеорологах. И невольно вспомнил вековой давности анекдот: метеорологи докладывали о своей работе на Политбюро. С гордостью отметили: теперь прогнозы совпадают с действительностью на сорок восемь процентов!

Сталин, подумав, посоветовал: «А вы попробуйте предсказывать наоборот».

Глава российской оппозиции прилетел в Штаты не с официальным визитом, а по частному приглашению американца по фамилии Столбовиц, с которым находился в отношениях почти дружеских еще с тех пор, когда Столбовиц, тогда начальник юридической службы серьезной компании, имевшей в России интересы, часто навещал загадочную евразийскую страну, чтобы на месте решать проблемы, то и дело возникавшие в отношениях с местными властями и бизнесменами. Нынешний политик с представителем зарубежной фирмы познакомился по заданию той Службы, в которой тогда подвизался. Цель знакомства была простой: вербовка.

То был второй приезд Столбовица в Москву, но еще во время его первого визита его кандидатура показалась перспективной. Москвич тогда был представлен гостю как лицо, приближенное к одному из сибирских губернаторов, в чьей губернии лежала немалая часть интересов фирмы, представленной Столбовицем. Решено было во время выезда гостя в Сибирь, во-первых, подвести его к совершенно удовлетворительному для американца решению той проблемы, ради которой он и приехал; во-вторых – показать ему всю широту русского разгула или, точнее, загула, и в этом процессе наработать достаточно компры, все тщательно записывая на аудио-видео. А в-третьих – показать ему совершенно ясно,

что его дело может быть решено положительно, а может и крайне отрицательно, так что он уедет ни с чем и совершенно испортит свою репутацию опытного переговорщика, а кроме того, и продемонстрировать все, на него собранное. Компры должно было с лихвой хватить для обвинения приезжего в попытках получить информацию, составляющую государственную тайну России, что пахло не только международным скандалчиком, пусть и не высшего класса, но и немалым сроком – и вовсе не в американской тюрьме, а тут же, по месту совершения преступления. Для этого выезды на природу устраивались в места, близко соседствующие с секретными объектами, а спутники и, главное, спутницы якобы случайно оказывались людьми, имеющими доступ к информации, не подлежащей разглашению.

Разговоры, конечно, пришлось кое-где подкорректировать, а к съемкам привлечь дублеров – для наиболее пикантных сцен. Но это было лишь делом хорошо отработанной техники. Все было сделано на «отлично» и в час «Ч», в уютном тет-а-тете предъявлено гостю за стаканчиком хорошего бренди. На подхвате на всякий случай стояли мусорщики – чтобы собрать совочками то, что останется от гостя после объяснения ситуации, и даже врач, готовый при возможных осложнениях оказать приезжему первую помощь в случае, если у американца не выдержат нервочки или, допустим, сердечко. Русский, как видно, сработал на совесть.

Отпивая из стаканчика крохотными глотками, Столбовиц

с большим интересом просмотрел и выслушал все, ему продемонстрированное. Однако в обморок не упал. Вместо этого сказал, приятно улыбаясь:

– Bravo. И еще раз – bravo! Право же, это даже лучше, чем я ожидал. Хорошая, профессиональная работа.

– Не понимаю, – проговорил тогда еще не политик, испытывая некоторую растерянность. – Что вы, собственно, имеете в виду?

– Только то, что сказал, – ответил Столбовиц, продолжая все так же улыбаться и смаковать напиток, и в самом деле хороший.

– Но вы же должны понять: вы полностью изобличаетесь в...

– Я и понимаю, – сказал гость. – И заверяю вас, что дома буду не раз с удовольствием просматривать все это.

На этот раз пришла пора усмехнуться собеседнику:

– Домой, знаете ли, надо еще попасть.

– Это я и собираюсь сделать послезавтра – поскольку завтра, как я полагаю, рассмотрение дела в арбитраже закончится в пользу фирмы, которую я представляю.

То есть Столбовиц вел себя, с точки зрения партнера, совершенно нагло.

– Ну что же, – сказал совратитель медленно, чтобы каждое слово впечаталось в сознание собеседника, прекрасно, кстати, владевшего русским, даже чуть лучше, чем собеседник – английским. – Я вижу, мне остается только вызвать людей,

чтобы произвести ваше задержание.

– А вот в этом я не уверен, – сказал Столбовиц. – Даже больше: я думаю, что этого вам не следует делать ни в коем случае и никогда. Потому что это станет – стало бы – крупнейшим промахом за всю вашу карьеру. Необратимой ошибкой.

В поисках ответа москвич промедлил лишь секунду:

– За постулат это не сойдет, такие заявления еще нужно подкреплять. Прикажете думать, что обладаете доказательной базой?

И демонстративно вытащил из кармана трубу, нажав, включил – чтобы вызвать, как и предполагалось, группу захвата. И снова взял паузу – непродолжительную, однако же исполненную смысла: сейчас Столбовицу полагалось признать поражение и дать согласие.

Собеседник же вместо капитуляции на вопрос ответил вопросом же:

– Итак, вы хотите, чтобы с моими аргументами ознакомились другие люди? Вы так уверены в их доброжелательности? Право же, я впервые встречаю столь нелюбопытного разведчика.

На самом деле любопытство прямо-таки терзало русака; однако он давно выучился подавлять вазомоторные рефлексy, и лицо его оставалось по-прежнему спокойным. Как у покойника.

– Вижу, – сказал он, успев уже сообразить, с кем ему при-

шлось встретиться на самом деле, – вам просто не терпится показать свою работу. Что же: я, пожалуй, соглашусь – но при условии, что это будет интересно.

– Очень разумное решение, – сказал Столбовиц. – Что же, вот вам мои аргументы. Признаюсь, они построены по той же схеме, что и ваши, но, надеюсь, несколько выигрывают в исполнении.

И выгрузил на стол свои кассеты.

Записи действительно оказались прекрасными. Вербовщик и сам готов был согласиться с тем, что это он на экране – в одной, другой, пятой весьма непривлекательных ситуациях. Было много и подлинных планов, они сами по себе были совершенно безвредными – но так органично переходили в игровые, что трудно было поверить, что дальше идет фальшивка. Что не поверить – это еще не беда, но тут, как понимал он, даже тщательный анализ при имеющихся средствах не нашел бы, в чем усомниться. И голос, звучавший в записи, был его собственным голосом; но фразы, которые слышались, он никогда не произносил. Все вместе создавало убийственное впечатление, и на какое-то время сотрудник даже испугался. Он был сражен его же оружием, только технически более совершенным. Но с этим ничего поделать нельзя было, это от него не зависело. А вот не увидеть опытного коллегу в адвокате коммерческой фирмы – это уже свидетельствовало о несерьезном отношении к работе или же – того хуже – о недостаточной квалификации. Если это по-

лучит известность – пожалуй, трудно будет рассчитывать на уже почти состоявшееся повышение с переходом в другую систему, куда более сильную сегодня.

Он все же принудил себя досмотреть и дослушать все до конца. До последнего сантиметра каждой ленты. Где-то рядом скучали волкодавы, ожидая сигнала, а его все не было: о них начальник сейчас думал меньше всего. Когда аппаратура выключилась, он – все с тем же безмятежным выражением лица – спросил, как будто речь шла о чашке чая:

– Ну, каковы же будут ваши условия?

Столбовиц не удивился; похоже, именно этого вопроса он и ожидал. Он улыбнулся:

– Они не будут обременительными для вас. Начну с того, что вы можете сообщить вашему начальству о моем согласии работать на вас.

Вот это было действительно неожиданным; и похоже, что на сей раз собеседнику американца не удалось удержать выражение невозмутимости, а Столбовиц, разумеется, это заметил.

– На основе джентльменского соглашения, – добавил он. – Вы удивлены? Но вы, конечно, понимаете, что никакой информации от меня не получите – во всяком случае, достоверной. Двойник – не мое амплуа. И соглашаюсь я лишь для того, чтобы у вас не возникло неприятностей. Вас устраивает такой выход из положения?

На этот раз уже партнер предпочел ответить вопросом:

– Чего же вы будете ждать от меня? Тоже такого вот формального согласия? Зачем?

– Не волнуйтесь: мы не собираемся делать из вас крота. Нет смысла: насколько я понимаю, вы не задержитесь в вашей нынешней роли – и вообще в том департаменте, который сейчас представляете. Да и я, откровенно говоря, сейчас разговариваю с вами не от имени обитателей Лэнгли. Нет, я не стану называть их – не имею таких полномочий. Могу сказать лишь, что люди эти – и я в том числе – не желают ничего плохого ни вам, ни вашей стране. Мы просто научились мыслить другими категориями. Земля – едина, невелика и очень, очень уязвима. Помните – «Не спрашивай, о ком звонит колокол...».

– Он звонит по тебе, – закончил цитату образованный агент. – Но это не ответ. Чего же от меня станут требовать – с этих позиций?

– Мне легче сказать, чего от вас не потребуется. Военных и государственных секретов. Списков вашей агентуры. Тем более что ею занимается не ваша служба, а другая. О чем вас попросят? Ну, скажем так: когда вы займете в руководстве вашей страной то место, на которое вас двигают – оно вам известно не хуже, чем мне, – вы будете иметь практически полный доступ ко всей информации. И если однажды увидите, что возникают проблемы, выходящие за пределы России и, следовательно, являющиеся глобальными – как, например, расцвет терроризма в начале века, – вы расскажете

нам об этих проблемах. Об их сути. Потому что в одиночку серьезные планетарные проблемы не решить даже нам, а уж вам – не обижайтесь, вы сами знаете это, – и подавно. Не волнуйтесь: нам не потребуются такие детали, какие будут касаться ваших тайн: достаточно будет обрисовать проблему в общем, остальное мы как-нибудь сообразим. Устраивают вас такие условия?

У москвича было странное ощущение. Он прекрасно знал, что никаких грехов – из тех, что были на пленках, – не совершал; но не хуже было ему известно и другое: у нас любят искать и находить виноватых, «крайних», это создает впечатление активной и продуктивной деятельности; и у нас (не только у нас, впрочем) не любят, когда вокруг человека возникают шум и суета отрицательного свойства; это сразу же используется конкурентами – а конкуренты есть всегда и на всех уровнях. Нет, пусть ему и удастся опровергнуть все, о чем наверняка будут шуметь все СМИ (примеров не надо было искать далеко), но к тому времени поезд уйдет, и догнать его будет практически невозможно. То, что сейчас применили к нему, было шантажом; но не использовал ли и он сам это средство? Конечно, и не раз. Так что говорить о честности или нечестности приемов сейчас было бесполезно; надо было соглашаться.

– Вся эта продукция, конечно, останется у вас? – В слово «продукция» он вложил ровно столько брезгливости, чтобы Столбовиц заметил ее, но не обиделся.

– Само собой разумеется. Так же как ваша – у вас. Вам она нужна для подтверждения факта вербовки, да и мне, откровенно говоря, для отчета.

На этом они тогда распрощались, и события пошли своим чередом. На новом посту завербованный вербовщик, как известно, преуспел, проявив и те свойства характера, каких раньше не замечал почти никто – за исключением, конечно, тех, кто его продвигал. И эпизод со Столбовицем начал постепенно забываться – его не беспокоили из-за бугра, и он туда не обращался, – поскольку проблем глобального масштаба в России вроде бы не возникало, хватало ей и своих, локальных.

А вот теперь пришла, кажется, пора использовать давнее знакомство. Глава оппозиции все более убеждался в том, что его тогдашний собеседник не блефовал (незачем было), а играл честно – насколько это слово вообще может быть применено в описанной ситуации. Признаком *fair play* послужило и то, что в ответ на просьбу пригласить оппозиционера в Америку согласие было дано немедленно, без всякого уточнения причин. Детали, естественно, тогда не обговаривались: это москвич оставил до личной, конфиденциальной встречи.

Встреча эта состоялась уже в аэропорту Кеннеди, куда Столбовиц приехал, чтобы сразу же увезти гостя в назначенную ему резиденцию. Четырех человек, сопровождавших прибывшего, американец оглядел внимательно, но без восторга. И сразу же предупредил:

– Ваши спутники разместятся отдельно от вас. Не беспокойтесь – будут соблюдены все законы гостеприимства. Но сейчас их услуги вам не понадобятся. Впрочем, вы сможете связаться с ними в любое время – как только потребуется. А пока – пусть отдыхают, знакомятся с городом и тому подобное. Вас же я беру на мое попечение.

– Разве был такой уговор? – спросил вполголоса неприятно удивленный гость.

– Раз уж вы доверились мне, – столь же негромко ответил Столбовиц, – то и полагайтесь на меня во всем. Без этого мы далеко не уедем.

И – громко, повернувшись к свите:

– Джентльмены, вот ваша машина – вы поедете в отель, где для вас заказаны номера. Не «Уолдорф», но за удобства могу поручиться. Не беспокойтесь, кстати, – оплачивать постой вам самим никак не придется. Мистер Джон Смит (он кивнул в сторону стоявшего рядом, чуть позади, человека, чей облик был столь же зауряден, как и его наверняка условное имя) будет отвечать на ваши вопросы и по возможности выполнять пожелания. Вот ваша машина, и желаю приятно провести время. О’кей?

Глядя вслед ускользавшему по дороге кадиллаку, приехавший проговорил:

– А наша машина что – опаздывает?

– Она нам не нужна. Сейчас пройдем на вертолетную площадку. Время существует для того, чтобы его экономили, не

так ли?

– О'кей, – ответил гость, давая понять, что не намерен возражать против местных правил и обычаев.

Конечно, появившись он в Штатах с официальным визитом, он мог бы рассчитывать на куда более помпезные апартаменты; но небольшой уединенный домик на берегу океана, куда хозяин и гость прилетели на вертолете, состоявшем, видимо, в распоряжении опытного адвоката (Столбовиц и по сей день не терял связи с прежней фирмой), в данном случае визитера из России вполне устраивал. Место выглядело достаточно безлюдным, а Столбовиц предупредил его:

– Охраны вы не видите, но она есть. Устройств для прослушивания и скрытой съемки вы тоже не видите – но это потому, что их тут нет вообще. Проверка происходит ежедневно. Этот кусочек Америки – частная собственность, и никто сюда не забредает – даже если очень захочет, не сможет сделать этого. Прислуга – два человека, вполне надежные. Следовательно – если вы захотите рассказать мне о целях вашего приезда, никто третий нас не услышит. Хотите дринк с дороги?

– Разве что самую малость. И наберитесь терпения: я буду говорить достаточно долго.

– Терпение – добродетель разведчика, – сказал Столбовиц серьезно. – Прошу извинить – придется на минуту отвлечься. Телефон. – Он улыбнулся, как бы прося извинения.

И в самом деле послышался сигнал – странный, ни звонком, ни мелодией назвать его было трудно; скорее приглушенный звук сирены, – и доносился он не из соседней комнаты, а словно бы с другого конца дома. Столбовиц быстро вышел, почти выбежал. Приезжий лишь пожал плечами: на гостеприимство это не очень-то походило.

А еще менее – то, что затем последовало. Столбовиц вошел так же стремительно, как и ранее покинул комнату. Остановился. И, не дав гостю произнести ни слова, заявил:

– Еще раз прошу великодушно извинить, но я вынужден срочно отлучиться. – Он слегка развел руками. – Дела не ждут. Но постараюсь вернуться как можно скорее: мне и самому не терпится услышать вас, догадываюсь, что ваша миссия достаточно важна. Здесь все к вашим услугам, включая персонал, разумеется. Я спешу, еще раз простите!

И исчез – словно его и не было.

Дневник, изъятый из дома покойного Ржева старшим лейтенантом Комаром, в разговоре был ошибочно назван им дневником наблюдений: просто потому, что такая надпись была на обложке толстой тетради. На самом же деле это действительно был дневник; но не журнал наблюдений, каким почел его Комар, а просто дневник. Иными словами – покойный Люциан заносил туда эмоции и мысли, возникавшие у него в связи с наблюдениями. А также более или менее подробно – свои действия, весьма, впрочем, однообразные. Дни его, за редкими исключениями, были очень похожи один на другой – особенно если учитывать, что немалая часть каждого дня уходила на сон, поскольку вести наблюдения возможно только в темное время суток. Кстати, имя Джинны там не встречалось ни разу – ни в связи с работой, ни в какой-нибудь другой. Но тут никто и не предполагал, что оно должно бы встретиться.

Майор Волин, тот самый непосредственный начальник, что дал старшему лейтенанту Комару разрешение заняться немного смешным делом о конце света, дал свое «добро» потому, что первой возникшей у него при докладе Комара мыслью была такая: видимо, создана, или создается, какая-то новая секта из числа тех, что проповедуют близкий Армагеддон и всеобщую гибель.

Держать такие секты в поле зрения следовало постоянно, поскольку это была, по сути дела (так это представлялось майору), все та же старая, добрая борьба идеологий, для участия в коей организация, в которой он служит, и была в свое время создана.

Но, выслушав доклад старшего лейтенанта и пролистав доставленную им тетрадь, майор ощутил полное разочарование: похоже, к сектантской деятельности все это не имело ни малейшего отношения.

Захлопнув тетрадь, он выразил свое неудовольствие в словах:

– Зря только время потеряли. И бензин сожгли. Пустышка.

И опустил глаза с потолка, на который смотрел, делая этот скрытый выговор, на подчиненного, которому сейчас полагалось признать свой промах. Однако, глянув, с удивлением понял, что старший лейтенант каяться вовсе не собирался.

– Что, не согласен?

Комар был достаточно опытен, чтобы ни в коем случае не пользоваться словами «не согласен» или другими в этом же роде. Вместо этого он деликатно проговорил:

– Записи последних двух дней – вам не кажется, что в них что-то есть, что стоило бы проверить?

Эти последние записи майор, откровенно говоря, прочитал даже не по диагонали, как делается, чтобы уяснить смысл написанного, не увязая в тексте, но выхватил лишь две пер-

вые и две последние строчки, и ничего интересного в них не нашел. Обе записи начинались жалобами на все более мучивший автора кашель и боли в горле, а завершались: первая – сетованиями на облачную погоду, не позволившую повторить вчерашнее наблюдение, а вторая, последняя, – констатацией факта: «Сейчас приедет Марик, съезжу с ним в клинику для осмотра. Надеюсь...» Фраза не была закончена, но и так можно было понять – на что автор надеялся и что, к сожалению, не сбылось.

– Что же в них такого, по-твоему?

– Позвольте тетрадочку, – попросил Комар. Раскрыл. И на узком поле отчеркнул ногтем: – Вот это место... и потом вот здесь.

– Бумагу прорвешь, – проворчал для порядка майор и принялся читать. А прочитав – поднял на Комара сразу отяжелевший взгляд. – А ты не проверял – он как псих не зарегистрирован случайно?

Другой спросил бы: «Крыша у него на месте была?» Но для майора слово это раз и навсегда имело другое значение: было словом профессиональным, а не из уличного жаргона.

– Товарищ майор! Он же не на явление ангела ссылается, а на астрономические наблюдения, на фотографии! А фотоаппарат же свихнуться не может!

– Всяко бывает, – снова для порядка проворчал Волин, но тут же спросил уже деловым тоном: – Где же фотографии? Где все?

– При осмотре обнаружить не удалось. Возможно, у него какие-нибудь тайники есть. Или на своей голубятне хранил, где, по оперативным данным, держит телескоп... то есть держал. Но там на замках все, и замки не простые...

– А вас учить надо, как замки открывать?

– И хорошо, что не стали. Нагрязнул наследник. Накрыл бы нас, получилось бы неудобно: как-никак телескоп – вещь ценная, денег стоит; вмешалась бы милиция, а вы сами знаете, как они нас... А этот наследник – журналист по специальности, поднял бы шум, это вы тоже знаете... И так еще неизвестно, как обойдется: в доме-то мы побывали до его приезда. Но вообще все было вроде бы доброжелательно.

Майор кивнул.

– Он один был – наследник? Без свидетелей?

– Никак нет. Была еще девица, она нам известна – из тех, с кем шеф проводит закрытые собеседования.

– Это... астрологиня, что ли?

– Так точно.

– Вы их задержали?

– Да нет, конечно. – Комар позволил себе даже слегка улыбнуться. – И оснований вроде бы не было, а главное – зачем?

Кажется, этот последний вопрос настолько возмутил майора, что он даже не сразу нашелся с ответом. Сперва покрутил указательным пальцем у виска и только потом перевел жест в слова:

– Ну хоть настолько-то вы сообразить можете? Как это – зачем? Журналист! Это же готовая утечка информации! Да и эта дамочка тоже: раззвонит, понимаешь, среди своей братии, а они уж постараются это использовать в своих прорисованиях! (Похоже, Волин ко всему эзотерическому народу и его деятельности в душе относился без уважения и доверия.) Как же можно было их отпускать? Нет, прямо детский сад какой-то, а не отдел!

– Так ведь информация не секретная...

– Да? Это кто же тебя просветил на сей счет – что она не секретная? Какая же по-твоему – общего пользования? На столбах расклеивать? На рекламных щитах?

Комар уже понял, что сейчас говорить – себе дороже, сейчас время помолчать с сокрушенным видом.

– В общем, так, – заявил майор, сделав еще несколько неодобрительных замечаний относительно способностей самого старшего лейтенанта и тех, кто его в этом выезде сопровождал. – Утечку – пресечь. Пригласить и его, и ее на беседу, а дальше видно будет. А еще до того – свяжись с этой... ну, куда он еще писал...

– Обсерваторией?

– Ну, вот именно.

– Тоже пригласить?

– Туда, может быть, лучше даже съездить – на месте виднее будет, что за народ и чем они там дышат. Займись, в общем. У меня и других дел полно...

И как бы в доказательство сказанного открыл сейф и стал доставать оттуда какие-то бумаги.

Комар, испросив разрешения, вышел. Как только дверь за ним затворилась, Волин вернулся к столу и позвонил по внутреннему:

– Товарищ генерал, Волин беспокоит. Разрешите, когда я мог бы зайти к вам – посоветоваться? Да тут новая информация возникла, по тому самому перехвату, – щекотливого, так сказать, характера. Может быть, нужно решение на высшем уровне... Через сорок минут? Слушаюсь, товарищ генерал. Спасибо.

Он положил трубку и сразу же стал заносить в рабочую тетрадь те свои предложения, которые хотел довести до сведения начальства. В конец света майор Волин не верил, а вот в чьи-то попытки сеять панику и вносить дезорганизацию в мирную жизнь общества – верил. И даже очень.

В Колокольской обсерватории ничуть не ожидали такого визита; у них и своих забот было достаточно, а (как уже упоминалось) тут еще любитель из дальнего Подмосковья своим факсом заставил немного отвлечься от текущих наблюдений и переключить одну трубу на проверку его открытия. Работу поручили аспиранту по имени Зенон Просак. Как полагали – переключить ненадолго; пользуясь сообщенными координатами, усмотренное Ржевом тело обнаружить, как мы уже знаем, не удалось. Пожали плечами – любитель! – и спокойно вернулись к своим темам.

Все, кроме Зенона – одного из двух нахальных молодых людей, о которых уже было вскользь упомянуто. То ли упрямство, то ли интуиция, но он продолжал шарить в небе, все дальше отходя от данных Люцианом координат, – и в конце концов все-таки нашел (как он полагал) именно то, что и служило предметом поиска.

Тело и на самом деле оказалось не совсем там, где ему, по законам небесной механики, полагалось бы. И Просак принялся с азартом определять все, с ним связанное, что поддавалось или могло поддаться определению. Никакого сообщения он пока делать не стал: дело могло заинтересовать и людей помаститее, а Просак уже считал это своим лично, и только своим делом, без пяти минут открытием, и вот эти

пять минут он и хотел провести в одиночестве и выступить уже с открытием без всяких натяжек. Директор о ненайденном теле уже и думать забыл: он сильно волновался из-за предстоявшего, как он полагал, визита в Кремль. А также и по другой, более профессиональной причине: не так давно японцы открыли еще один спутник Нептуна, который был надлежащим образом зарегистрирован, хотя названия получить еще не успел: ждали, пока он замкнет орбиту, как это принято в таких случаях. Открытие было весьма интересным, потому что это у Юпитера и Сатурна спутников считают на десятки, у Нептуна же они – штучный товар. Так вот, спутник этой орбиты не замкнул, а просто-напросто исчез – во всяком случае, там, где его ждали, его не оказалось, когда Нептун перестал затмевать его – вернее, то место, где вновь открытому полагалось быть. Это было действительно интересно.

Просак же, чтобы потом не было больших обид и нареканий, в конце концов подтвердил, что открытое любителем тело обнаружено и подлежит регистрации, подробностей же излагать не стал; возможно – потому, что и не о чем было говорить, но не исключаются и другие причины. Так или иначе, Просак даже не упомянул и о том, что любитель допустил, как аспирант убедился, помимо неверных координат, самое малое и еще одну неточность: звездная величина замеченного объекта оказалась не четырнадцатой, как у него, а тринадцатой; да и вектор... но для аматера и не такую ошиб-

ку можно признать простительной. Место не совпало с указанным на полторы минуты! Просаку даже почудилось, что и вообще что-то там, в пространстве, стало получаться не так; известный астероид Икар, например, вроде бы чуть изменил плоскость орбиты. Надо бы заняться этим всерьез: черт его знает – может быть, тут пахнет и не одним только открытием, которые именно он, Просак, и сделает, и тогда – сразу...

А пока – он на протяжении четырех ночей объект фотографировал; за это время звездная величина его увеличилась до двенадцатой. Это можно было интерпретировать как признак высокой скорости движения, вследствие которой объект достаточно быстро – по галактическим меркам – приближался к орбитам гигантов, а затем, вероятно, и Земли и внутренних планет...

Движение его, разумеется, не было направлено к Земле или Солнцу – то есть к тем точкам пространства, в которых они сейчас находились; его можно было характеризовать как движение по траектории, которая в будущем вряд ли сможет пересечься с орбитами планет: совсем иная плоскость. Ничего в этом не было ни странного, ни страшного.

Любитель, кстати, сделав свое сообщение, как в воду канул – Просак ему звонил не раз, но без всякого толку. Зенон предположил, что он, сделав открытие, стал отмечать это событие – и до сих пор не мог сойти с веселой орбиты. В это, правда, не очень-то верилось: серьезные любители так не поступают, напротив, начинают работать круглые сутки, чтобы

как можно больше данных о новом небесном теле связать со своим именем. Ночью – наблюдают, фотографируют, днем – обрабатывают и изучают снимки, пытаюсь понять – что же именно они увидели. А вовсе не уходят в загул и не едут к теплому морю, таким способом вознаграждая себя за долгие труды.

Вот так размышлял аспирант Зенон Просак насчет любителей и всего, с ними связанного. Разные мысли приходили в его светлую, надо признать, голову, кроме одной: да то ли тело он увидел, о котором сообщал любитель Ржев? Или, может быть, совсем другое?

Впрочем, такая мысль, возможно, и пришла бы ему на ум, если бы ее место не заняла вдруг другая, куда более сумасшедшая. Настолько безумная, что он даже не сразу кинулся искать доказательства, а некоторое время сидел, опустив руки, часто моргая и – сам того не подозревая – улыбаясь до ушей. И лишь несколько придя в себя, он кинулся к компьютеру: когда исчез нептунов спутник? И когда любитель произвел первое наблюдение?

Найдя и то, и другое и сравнив даты, он усмехнулся – на сей раз грустно.

Нет, не подтверждалось: любитель наблюдал свое тело еще тогда, когда спутник не исчезал и лишь готовился спрятаться за спину своего господина.

Но ведь нигде не сказано, что спутник наблюдался до последней минуты? Не было такой необходимости, думал Про-

сак. Так что – вряд ли точно известно, когда он исчез. Зафиксировано лишь – когда его отсутствие было обнаружено.

Ну ладно. А физически – мог ли сбежавший спутник за прошедшее время добраться из той точки, в которой ему полагалось находиться, в ту, где был замечен Просаком?

Пришлось считать. Получалось так: если он сохранял свою орбитальную скорость плюс орбитальную скорость самого Нептуна – то не мог. Немного, но недотягивал. Вот если бы кто-то придал ему не очень большое ускорение, то...

Об этом умолчать просто нельзя было, но и всенародно объявлять – тоже: коллеги скорее всего стали бы громко смеяться. Но ведь должен же кто-то понять...

Болезненное нетерпение погнало его не куда-нибудь, а к директору. На счастье или на беду аспиранта, у директора нашлось с пяток свободных минут, и он выслушал молодого человека, не перебивая, лишь качая головой и все выше поднимая седеющие брови.

Конечно, самым простым было бы сказать: Зенон, не говорите глупостей и занимайтесь своей темой.

Однако директор Нахимовский когда-то и сам был молодым (что неудивительно) и помнил, каким он сам был тогда (что уже достойно уважения).

А кроме того, он знал, что не так уж редко серьезные открытия возникают тогда, когда ищут вроде бы нечто совершенно другое.

Поэтому он сказал вот что:

– Пока не очень убедительно. Так что обсуждать с другими я вам, Зенон, не советую. Но думать и искать не могу запретить; только не просите дополнительного времени – его у меня нет. Укладывайтесь в свою квоту.

И после краткой паузы:

– А вообще-то... чего только не бывает на свете! Теперь идите: меня домогается какой-то представитель государственной службы, а таких нельзя заставлять ждать.

Но ничего из вышесказанного не было изложено майору Волину и его спутникам. Потому что разговаривал майор не с аспирантом каким-то, разумеется, а с обсерваторским начальством, которое в ту минуту (да и позже) и само знало ровно столько же, наблюдатель же, как мы знаем, пока по-малкивал, накапливая факты. Поясним: после доклада руководству майор счел необходимым лично побывать в обсерватории и побеседовать с астрономами. Правда, он не очень многое уяснил из объяснений, такое обилие там было специальной терминологии, ознакомиться с которой заранее у него не было времени. На фотографиях, показанных ему, – самых первых, сделанных Просаком (последующие он пока не демонстрировал), и вовсе невозможно было что-то разобрать. Майор, откровенно говоря, ожидал, что ему покажут снимки этого самого объекта – анфас и в профиль, на которых можно будет хоть что-то различить; на самом же деле на них виднелись одни лишь короткие черточки, как если бы то

были записи сообщений, переданных морзянкой, но без точек – одними только тире. То есть – объясняясь нормальным языком – никаких прямых доказательств опасности – или, напротив, безопасности – не было, в лучшем случае косвенные, да и то не очень вразумительные.

Напрасно пытался он добиться членораздельного ответа на вопрос:

– Так все-таки угрожает Земле опасность, или ее нет?

Ему вместо короткого и ясного «Да» или «Нет» начинали плести интеллигентские кружева на тему: скорее всего, конечно, нет, но пока с уверенностью утверждать что-либо нельзя. Да и – собственно говоря, это не профиль обсерватории, она занимается в основном квазарами, а вовсе не астероидами или кометами и не может тратить силы на проверку любительских наблюдений: есть плановые темы, над которыми люди работают и намерены продолжать работать и впредь, этот же объект – всего лишь эпизод, вовсе для них не обязательный. Вот если бы подбросили некую толику денег, чтобы приобрести и установить более современный инструмент...

Директор этой конторы, Нахимовский по фамилии, разоткровенничавшись, даже сообщил:

– Знаете, я вот хочу обратиться по этому поводу непосредственно к президенту, как только он вернется из своей командировки.

Из этого майор (фыркнув на «командировку») заключил,

что серьезной опасности нет: будь она налицо, они бы тут не рассуждали, а, оправдывая название города, трезвонили бы во все колокола. Хотя, если говорить откровенно – кто их, очкариков, станет всерьез слушать? По их речам, мир уже двадцать раз погиб бы – да держится ведь!..

Но тут же он услышал такое, что ему вовсе не понравилось:

– А что касается ваших вопросов, то, может быть, в чем-то уже разобрались американцы? Мы подключили к этой теме американцев – они, быть может, найдут какое-то время на орбитальном телескопе – не на новом, конечно, он завален темами, но на старом, на «Хаббле-шестом» – он тоже достаточно мощный, не сравнить с тем, что тут у нас...

Это было сказано, разумеется, в шутку, и всякий нормальный человек сразу сообразил бы: как же, станут американцы, больше «Хабблу» и делать нечего! И не «подключал» их никто, просто пошла информация, как обычно, среди прочей... Астрономы не предусмотрели только, что майор Волин примет все совершенно всерьез, нимало не оценив тонкого юмора.

А он принял так, как только и мог. Вот тебе здравствуйте!

– Каких еще американцев?

– То есть как это – каких? Коллег, разумеется, астрономов с гор – Паломара и Уилсона. Со станцией, к сожалению, мы не можем связаться напрямую – я имею в виду МКС, космическую...

– Так, – сказал Волин очень тихо, что всегда служило у него верным признаком крайнего гнева. – Кто же, позвольте спросить, разрешил вам передавать эти сведения американцам?

Собеседник, все еще продолжая думать, что майор ему подыгрывает, лишь недоуменно поднял плечи:

– У нас с ними установлен регулярный обмен научной информацией, давно уже – и не только у нас и не только с ними. Мы и с Австралией связаны – к сожалению, они нам в наблюдениях помочь не могут. А вот канадцы обещали. И Британский астероидный центр – тоже. Какое еще разрешение?

Оставалось только махнуть рукой: люди эти явно страдали дефектами мышления, неполноценностью какой-то – вот так, за здорово живешь, отдают секретную информацию черт знает кому, потому что она, мол, научная. Ученые, что тут скажешь! Только не тому их учили, видно.

Но с другой стороны, было в этом объяснении и нечто безмятежное, успокаивающее: раз сведущие люди говорят обо всем этом так спокойно, значит – на самом деле никакой опасности-то и нет?

Волин заставил себя доброжелательно улыбнуться:

– Значит, вы полагаете, что опасности для планеты нет?

Увы, ответ его вовсе не успокоил:

– Почему вы так решили? Я же вам объяснил: у нас пока недостаточно данных для какого-либо категорического

утверждения. Мы сможем дать определенный ответ несколько позже.

– То есть... опасность может и существовать?

– Такой возможности мы не отрицаем.

– И... Земля может погибнуть?

– Если предположить, что столкновение все же возможно? Ну, как небесное тело – вряд ли. Мы все-таки предполагаем, что ни масса объекта, ни его траектория не достигают таких значений, чтобы... Хотя скорость, по предварительным данным, достаточно велика, однако же... Нет, Земля скорее всего уцелеет. Но, разумеется, последствия могли бы оказаться достаточно серьезными. Вы ведь знаете, что жизнь возможна лишь в весьма узких пределах условий, и если какие-то из существующих параметров претерпят серьезные изменения...

– И вы говорите об этом так спокойно?! – не выдержал майор, сорвался все-таки чуть ли не на крик.

– Но мы ведь ничего не можем изменить, не так ли? – несколько удивленно ответил астроном. – И пока все это относится лишь к области предположений, делать научно обоснованные выводы еще рано. А вообще-то, – он полужакрыл глаза, – в галактическом масштабе такая катастрофа не явилась бы чем-то из ряда вон выходящим. То ли бывает! Взять хотя бы взаимодействующие галактики или, как иногда говорят, сталкивающиеся. Вот где энергии! А у нас все, что может быть, – событие весьма локального значения. Наша роль

в жизни Вселенной пока, знаете ли, крайне незначительна.

– То есть, – сказал Волин после того, как говоривший умолк, повинувшись едва ли не умоляющему жесту майора, – пока вы ничего определенного сказать не можете.

– К сожалению, вы правы. Но как только картина станет более ясной, мы, естественно, поставим в известность астрономический мир. И если придут результаты американских или канадских наблюдений и расчетов, тоже не замедлим...

– Не только астрономический мир, пожалуйста. – Совладав с собою, майор встал.

– Что?

– Я говорю: информировать следует не только астрономический мир. На Земле существует немало и других миров: мир власти, мир безопасности...

– А, я понял. Да, конечно, мы поставим в известность и правительственные органы. Впрочем, это скорее всего сделает Президиум Академии наук. Хотя... все может быть: вот меня, например, приглашают зачем-то к главе администрации президента, хотя я рассчитывал переговорить лично с самим. Но я уже упоминал об этом, кажется.

– Доложили, – согласился Волин. – Спасибо, что нашли время для разговора с нами.

– Ну, я ведь не президент, – ответил Нахимовский с невеселой усмешкой. – Хотя тоже играю в гольф.

На самом деле – если говорить совершенно честно – На-

Нахимовский вовсе не был настроен столь безмятежно: хулиганское поведение небесного тела, сбежавшего, возможно, с орбиты вокруг Нептуна (здравый смысл призывал отвергнуть эту гипотезу, но интуиция возражала – и одерживала верх), волновало его чем дальше, тем больше.

Нахимовский не зря же был не просто директором научного учреждения, но прежде всего астрономом, доктором наук и тэ дэ.

А впрочем, трудно утверждать, что он сказал бы майору, даже будучи целиком уверен в правоте Просака. Всякое явление, которое пока не удалось исчерпывающе объяснить, таит в себе некую опасность. А директор чего угодно уже в силу своей должности не может не знать, что всякое начальство воспринимает успокоительные доклады с гораздо большим удовольствием, чем тревожащие. А следовательно – волновать начальство следует только тогда, когда иного выхода просто не остается.

А кроме того – если уж волновать, то именно начальство, а не всяких там попрыгачей, которые все равно могут разве что передать информацию дальше по команде – в результате чего она дойдет до верхов куда позже, чем от него лично, да и дойдет перевернутой до неузнаваемости – потому что и там каждый передающий будет вносить свои коррективы; от минуса к плюсу, разумеется. Из тех же самых соображений.

Поэтому Нахимовский и сказал ровно столько, сколько счел нужным.

А еще и потому, кстати сказать, промолчал о многом, что незадолго до только что состоявшегося визита астроному позвонил давний приятель по гурманским застольям, крупный политик, кажется. И, как ни странно, запросил некую информацию, в связи с которой задал и два-три вопроса – и вопросы эти очень походили на те, что ставил визитер-контрразведчик. Нахимовский ответить ничего не смог, но пообещал (и намерен был обещание выполнить) взять это дело под свой личный контроль, что в его понимании означало – понаблюдать самому, внимательно посмотреть фотографии и тогда решить – стоит ли овчинка выдержки, или о сообщении любителя – как и о звонке политика-гольфиста – можно будет забыть с чистой совестью. Кстати сказать, поэтому он и не пожалел пяти минут на выслушивание Просака. Вот только времени на серьезные раздумья не было – цейтноты, сплошные цейтноты. Кто это придумал, что у астрономов спокойная жизнь? Невежа какой-то.

Так – практически безрезультатно – завершилась встреча с астрономами. Из нее майор вынес только одно убеждение: оставлять это дело на самотек нельзя. Надо что-то предпринимать. Чтобы если угроза окажется реальной, быть готовыми к действиям.

Каким именно – он пока не представлял. Но можно же будет хоть что-то сделать! Нельзя же, чтобы так просто все вдруг взяло и погребло!

В таком настроении он и отправился на доклад.

Что же касается астрономов дальнего забугорья, то в данном случае они проявили полную солидарность со своими российскими коллегами – нимало о том, впрочем, не заботясь. Сообщение из России было получено и проверено, однако сенсацией не стало и никакого ажиотажа не вызвало, поскольку не подтвердилось. Да и вообще. Слишком много уже тревог было на памяти – и кометы угрожали Земле, и астероиды, а уж летающие тарелочки – и того больше; к науке эти страхи всегда имели весьма отдаленное отношение, но обижаться на авторов или провокаторов таких ужасов давно уже перестали: понимали, что каждый занимается своим делом, ученые – наукой, журналисты – сенсациями, лжепророки – паникой. Из всего этого только наука имела подлинное значение, но и без прочего было не обойтись – такой была жизнь, и переделывать ее на обсерваториях не собирались: не их делом это было.

Взглянуть уголком глаза – для проформы – на место с координатами, указанными любителем из России, поручили ассистенту Моргану Элиасу, который сделал все честно и обстоятельно. И – по совпадению вовсе не странному, но совершенно естественному – как и Просак, начал просматривать и окрестности указанного места и тоже нашел тело. Заметив некоторые странности в его поведении, решил прежде

как следует разобраться самому, а уж потом сообщать дальше. И у Элиаса, так же, как у Просака в далеком Колокольске, стали проявляться уже признаки той лихорадки, какой заболевают люди, ощутив, что стоят на пороге какого-то – и немалого, может быть, – открытия. И тут ему пришло в голову, что...

Но не станем повторять уже сказанного чуть раньше; в общем, американский юнец мыслил синхронно и синфазно со своим российским сверстником.

Вообще ученые, как известно, считаются людьми умными, но вопреки этому мнению строим почему-то не ходят, а стараются – каждый сам по себе. Так или иначе, но и в противоположном полушарии более или менее точная информация о теле, что якобы открыл покойный уже Люциан Ржев, осталась достоянием лишь двух человек. У остальных же были только слухи и подозрения.

Элиас тоже поделился своей идеей с руководителем. И после небольшой паузы услышал в ответ:

– Вряд ли это возможно. Скорости не совпадают; тело просто не могло оказаться в той точке, где вы его нашли. Разве что кто-то снабдил бы его достаточно мощным двигателем для разгона. Вы полагаете, такое возможно?

Элиас только пожал плечами, про себя решив, что будет искать ответ, пока не найдет.

Иными словами, его гипотеза поддержки не нашла, хотя никто не потребовал от парня, чтобы он прекратил расхо-

вать инструментальное время на мелкую картошку.

Поэтому когда наблюдаемым объектом вдруг стали интересоваться и люди из Лэнгли, и даже чиновники с Пенсильвания-авеню (Вашингтон, О.К.), им сказали откровенно то, что думали:

– Мы по этому поводу консультировались с англичанами, с их астероидным центром; они обещали посмотреть, но пока никаких результатов не сообщали. Они сейчас, как и многие другие, заняты поисками сбежавшего спутника Нептуна. Вот это действительно загадка – но чтобы сделать выводы, необходимо понаблюдать подольше; гипотезы есть – но вряд ли вас интересуют подробности... Сказать прямо – это не представляет большого интереса, для нас, во всяком случае: астероиды и спутники – не наш профиль. Правда, один из наших ассистентов продолжает поиск – и как будто обнаружил нечто. Но пока у него слишком мало материала, чтобы мы могли говорить об этом с какой-то определенностью. Его предположения могли бы оправдаться, будь у этого тела мощный мотор, но это уже лежит вне пределов науки и вряд ли нужно вам.

– Нас интересует все, что вы можете сказать. И в первую очередь: если это тело все же найдено – или будет найдено, – то какую опасность оно представит для Америки и для всей планеты?

– Что может представлять собой объект? Какую опасность? Пока еще даже наблюдателю трудно сказать однознач-

но. Предположительно – это может быть либо астероид, либо комета. Есть основания и для одного, и для другого предположения. Лично я думаю, что увиденное тело – ни то и ни другое. Просто космическое тело, гость издалека. Но и тут есть поводы для сомнений.

– Любопытно было бы узнать, каковы основания в пользу каждой версии.

– Если угодно. В пользу долгопериодической кометы говорит, во-первых, скорость. Во-вторых, плоскость этой орбиты – она составляет весьма значительный угол с плоскостью эклиптики. Для астероида – если это не Икар – это было бы нехарактерно. Плюс еще обратное движение по орбите. Не говорю уже о том, что объект замечен на расстоянии порядка девяти астрономических единиц...

– Простите?

– Ах да. Это примерно миллиард триста миллионов километров. Наблюдается уже не как тело, затмевающее звезды, но как светящееся – то есть отражающее свет, в данном случае – Солнца. Астероиды с подобным эксцентриситетом орбиты, то есть удаляющиеся от Солнца на такое расстояние, до сих пор не были известны, и с этой позиции объект представляет некоторый интерес для специалистов – если он действительно окажется астероидом, то есть постоянным жителем Солнечной системы, но не кометой – вы ведь, разумеется, понимаете, чем они отличаются друг от друга?

– Гм...

– Вот и прекрасно. Однако предполагаемые размеры тела – достаточно значительные – заставляют думать, что в таком случае астероид был бы уже давно замечен, поскольку периоды их обращения не превышают, как известно, шести лет...

– Это действительно большая глыба?

– Точнее об этом можно будет сказать позже – когда станет проявляться влияние, оказываемое на объект Солнцем. Уран с его пятеркой спутников вряд ли мог бы оказать какое-то влияние – он понемногу сближается сейчас с телом, но расстояние останется достаточно большим, чтобы... Однако это можно будет сказать более определенно, лишь когда они окажутся в противостоянии. Возможно также возмущающее влияние гигантов – Сатурн сейчас на противоположной стороне орбиты, и ни сам он, ни Титан, ни Рея не могут оказать его; вот когда объект будет проходить, если можно так сказать, над орбитой Юпитера – наш гигант окажется поблизости, вот тогда и можно будет наблюдать изменения. Они будут зависеть не только от скорости, но и, как вы знаете (собеседник в некоторой растерянности моргнул раз и другой), от массы тела. Тогда, найдя величину этого влияния по изменению орбиты...

– Извините, я так и не понял: оно большое? Это тело? Хотя бы приблизительно.

– Пока мы можем судить о его размерах только по альбедо. Но тут возможны существенные неточности: нам ведь неизвестен состав тела, пока мы считаем только, что это – твердое

монолитное тело неправильной формы. Это, кстати, говорит против его кометного происхождения: ведь твердые ядра комет, как правило, редко имеют более километра в диаметре, хотя изредка встречаются и куда более крупные; а то, что мы наблюдаем, – пыль и газ, почти совершенно прозрачные. Пока мы можем сказать лишь, что тело значительно меньше таких астероидов, чем, скажем, Церера или Паллада... то есть поперечник его менее семисот или даже пятисот километров; с другой стороны, если сравнивать его видимый блеск с блеском астероидов – с поправкой на расстояние, разумеется, – то вряд ли средний диаметр его составит менее тридцати – сорока километров.

Астроном не стал уточнять, что примерно таким был и поперечник сбежавшего спутника. Хотя точно этот размер, как и все другие, определить еще просто не успели.

– И, следовательно, оно может весить...

– Вы имеете в виду массу? Н-ну... если принять плотность за единицу – в случае если тело состоит целиком из водяного льда, – она составит примерно восемьдесят – сто миллионов тонн.

– То есть если произойдет столкновение...

– А вы просто помножьте эту массу на его максимальную наблюдаемую скорость, она у него почему-то варьирует, достигая порой сорока пяти километров в секунду – почему, мы пока не знаем, – и увидите.

– Варьирует? То есть меняется?

– Если только это не дефекты наблюдения. Думаю, вскоре мы найдем причину.

– Да, это похлеще, чем столкновение с товарным поездом.

– Мягко выражаясь – да.

– Но вы нам его не обещаете, я надеюсь?

– Пока у нас, как видите, достоверно есть только возражения как против астероидной, так и кометной гипотез.

Собеседник спросил осторожно:

– А что, происхождение этого тела может оказать какое-то влияние на нашу судьбу?

– Ну, с кометой Земля уже сталкивалась в прошлом веке, сто с небольшим лет тому назад. Хотя некоторые считают, что это как раз был астероид, но... Она угодила тогда на север России, и обошлось без жертв. Правда, та комета была не очень большой. И последствия не были столь катастрофическими, как при падении расколовшегося тела – вы помните, разумеется, один кусок упал на Юкатан, другой – в Индии, тогда последствия были действительно серьезными. А эта Тунгусская комета – интересно, что подкралась она незаметно.

– Гм. Может быть, и эта пойдет, так сказать, по проторенному пути?

– Я сказал уже: делать какие-то выводы пока преждевременно. Нужно еще проверять и уточнять по мере сближения. Пройдет объект от нас, очевидно, достаточно близко, чтобы можно было успешно наблюдать его и фотографировать;

но вряд ли это событие должно вызывать интерес у кого-то, кроме специалистов.

– Следует ли понимать это так: реальная угроза нашей планете отсутствует?

– Ну, полной гарантии, разумеется, нет – как и вообще ее не бывает в жизни. Угрозы существуют всегда; вот, например, нашей Галактике – и нам вместе с нею – грозит большая опасность со стороны туманности М31, это, как вы понимаете, по Мессье, а если вы пользуетесь «Новым общим...», то там она значится как NGC 224 и вам, наверное, известна как Туманность Андромеды. Мы – Млечный Путь – сближаемся с нею с громадной скоростью, и когда столкновение произойдет – это будет феерическое зрелище, которого мы, к сожалению, не успеем увидеть во всей его красоте. Но до этого – ближайшие пять миллиардов лет – такие катаклизмы нам вряд ли будут угрожать. Что же касается наблюдаемого объекта – немного терпения; если возникнет серьезная проблема – мы, разумеется, как я уже обещал, сразу же предупредим вас. Пока же даже журналисты не проявляют, к счастью, к этой теме особого интереса.

Приятно было, что хотя бы в отношении журналистской братии мнения собеседников полностью совпали. Однако интересующимся этого факта и даже данного астрономами обещания показалось слишком мало.

– Если рассматривать наихудший вариант – полагаете ли вы, что можно будет принять какие-то меры для предотвра-

щения катастрофы?

– Ну, это скорее из области фантастики. Хотя...

И в том, как астроном тянул это «хотя», ощущалась некая неуверенность.

– ...хотя пофантазировать, конечно же, иногда бывает полезно. И, откровенно говоря, наша молодежь не упустила такого прекрасного повода. Так вот, если вас интересуют чисто умозрительные гипотезы – поговорите с ними. Думаю, они не станут скрывать своих выводов. Хотя, повторяю, пока это – лишь чистая спекуляция, ничто более.

– Благодарю. Мы обязательно воспользуемся вашим советом. А пока – настоятельно прошу вас не разговаривать на эту тему со средствами массовой информации. Лишняя нервозотрепка, не так ли?

– Совершенно с вами согласен.

– Еще увидимся.

– Счастливого пути.

Кое с кем из молодых действительно поговорили – но они не были в курсе, их работы касались совершенно других тем. Ассистент же Элиас в эти часы отсыпался после ночного наблюдения, и пути его и гостей в тот день никак не могли пересечься. Но и пересекись они, вряд ли он сказал бы что-нибудь такое. Сейчас то была его интеллектуальная собственность, и он не собирался ни делиться ею, ни даже отдавать посторонним людям задешево заготовку, из которой можно сделать прелестную вещь.

На вышке с телескопом они пробыли с полчаса. Все, казалось, было в порядке.

– А жаль, что вы не астроном, – сказала Джина. – Зря пропадет неплохое оборудование. Будете продавать, наверное?

Но Миничу не хотелось сейчас разговаривать на эту тему.

– Не астроном, конечно, но чему-то успел научиться у Люциана. Давайте лучше посмотрим, что вы там нашли.

– Вряд ли это будет вам любопытно. Слишком сложно для ученика, я думаю.

– Время покажет.

И объяснил причину своего интереса:

– Если уж оперативники Службы занялись этим делом – почему бы и мне, журналисту, не заглянуть?

– Похвальная любознательность. А как вы смотрите на то, чтобы объединить ознакомление с журналом с более тесным знакомством с холодильником?

– Хотите есть?

– И даже очень. Сельский воздух, понимаете...

– Не столько понимаю, сколько ощущаю на себе. Ладно, ваше предложение принимается единогласно. Только предупреждаю: я не кулинар. Так что ответственность – на вас.

– Было бы из чего готовить...

– Посмотрим.

– Не забудьте запереть все как было.

– Благодарю за совет. А то я так и оставил бы все настежь!

– Да, я забыла: вы же теперь собственник! Или, во всяком случае, готовитесь стать им.

– Вот именно.

Минич первым спустился вниз. Лестница была очень старой и по возрасту ненадежной; Минич спускался по ней лихо, вприпрыжку, и нижняя ступенька не выдержала – проломилась, когда он немалым своим весом обрушился на нее. Минич приземлился на одно колено. Произнес обычное в таких случаях народное заклинание – но не очень громко: все-таки женщина была рядом.

– Вы целы? – слышалось сверху.

– Там разберемся, – ответил он неопределенно. – Спускайтесь, только аккуратно.

Когда Джина оказалась на предпоследней ступеньке, Минич развел руки широко в стороны:

– Прыгайте, не бойтесь.

– Не хватало еще пугаться!

И она спрыгнула. Минич подхватил ее, прижал к груди и – неожиданно для самого себя – отпустил не сразу. Джине пришлось даже оттолкнуть его:

– Да вы романтик, оказывается!

– Простите. – Он выпустил ее, покачал головой. – Я просто хотел помочь...

– Лучше помогите на кухне – хозяин...

Минич снова покачал головой, словно удивляясь самому себе. Да он и на самом деле удивлялся. Не было у него никаких таких намерений; наоборот, он уже жалел, что вообще поехал сюда: потеря времени, а толку никакого. Уже зрело решение – отказаться от неожиданного наследства.

Но где-то внутри шевелился червячок любопытства: что такое имел в виду покойный Люциан, когда ночами они вдвоем теснились на вышке, в будке, у нацеленного в небо зеркала, и он таинственно заговаривал о чем-то, о большом деле, к которому обещал подключить и Минича – когда тот подучится еще немного? Обнаруженные в погребке (утепленном и электрифицированном, лаз в который находился под кухонным столиком, легко откатывавшимся на роликах) дискеты (Минич наспех воткнул и просмотрел одну, там была в основном цифирь всякая, мало что ему говорившая) ничего журналисту не дали – пока, во всяком случае. Надо будет как-нибудь и самому посмотреть в телескоп, раз уж он тут есть, чтобы раз и навсегда покончить с этой темой.

С такими мыслями он открыл дверцу древнего, гудевшего низким басом – октавой – «Саратова».

Лекарство, вводимое в человеческий организм внутривенно, поступает в тело в одном месте – там, куда был сделан укол. Но проходит немного времени – и ток крови разносит медикамент по всему телу, по большому и малому кругам кровообращения. Частицы препарата попадают и в аорту, и в камеры сердца, а также и в сосуды поменьше, и в совсем крохотные капилляры; и везде они оказывают свое действие. Точно так же обстоит дело и с информацией: однажды попав в живую среду, какой является всякое человеческое сообщество, информация не остается в том только месте, куда была впрыснута, но непременно и неудержимо распространяется по информационным каналам – большим и малым, открытым и частично или даже полностью закрытым – и оказывает то или иное воздействие на каждого адресата.

Так получилось и со сведениями о небесном теле, которое то ли могло, то ли не могло со временем причинить Земле немалые неприятности.

Впервые возникнув в любительской обсерватории ныне уже покойного Ржева, информация эта была им самим пущена, как известно, по двум каналам: в Астрономическое общество и в ближайшую, то есть Колокольскую, обсерваторию. Уже помимо его желаний и намерений данные о его открытии попали в службу безопасности – каким образом, нам уже

известно. Там информация произвела определенное воздействие, но отнюдь не остановила на этом свой бег, а, напротив, продолжила путешествие сразу по нескольким каналам.

Директор СБ, вернувшись к себе после известного нам разговора с главой президентской администрации, немедленно вызвал майора Волина и сообщил ему, что с этого мгновения вся информация, связанная с небесным гостем, является совершенно секретной и майор обязан немедленно принять все нужные меры по ее сохранению и нераспространению. Перечень лиц, к этой информации допущенных, поступит в скором времени. А пока...

– Если не ошибаюсь, вам известны люди, находившиеся в доме этого... в общем, покойного астронома.

– Он был любителем... – осмелился напомнить майор.

– Вот это не имеет совершенно никакого значения. Так известны или нет?

– Известны совершенно точно, – уверенно ответил Волин. – Поскольку у них там проверили документы и все установочные данные нами зафиксированы. Включая постоянное местожительство, место работы – ну и все прочее.

– Семейные?

– Никак нет. И мужчина, и женщина, по паспортным данным, в браке в настоящее время не состоят и детей не имеют.

– Законных, – добавил любивший точность генерал. – Это хорошо. Эти люди, судя по вашему докладу, обладают ин-

формацией, ныне совершенно секретной. Вот и примите меры, чтобы лишить их всякой возможности дальнейшего ее распространения.

В глазах майора генерал прочел невысказанный вопрос.

— Ну, время категорических мер, полагаю, еще не пришло. Но вряд ли можно будет обойтись без изоляции — хотя бы до выяснения всех обстоятельств.

— Вас понял. Конечно, связи, круг знакомств...

— Разумеется. Сразу же. И вот еще что. Вы говорили, что он является журналистом.

— Сотрудник редакции «Вашей газеты».

— Вот на это обратите особое внимание. Это народ, как вы знаете, такой — за жареную информацию отца и мать продадут, недорого возьмут. Не исключено, что этот... как его?

— Минич.

— Да. Минич. Он мог еще тогда, находясь в этом доме... Там ведь есть телефон?

— Да. Правда, не московский. Через Подрайск, код два-шесть-шесть.

— Итак, у него было достаточно времени, чтобы позвонить кому-нибудь в редакцию и поделиться новостью. Может быть даже, не в свою редакцию, а в какое-нибудь громкое издание. Или, чего доброго, связаться с телевидением и пригласить группу... Нет, это, конечно, вряд ли: снимать там нечего, для съемок они скорее поедут в обсерваторию. Но в газету стукнуть он мог.

– Обычно они не любят раскрывать свои находки, пока сами не подготовят материал, – рискнул усомниться Волин.

– Никто и не думает, что он все раскроет, тем более по телефону. Но он мог, как говорится, забить местечко, предложить горячую новость, и не в одно место, а в несколько – в поисках условий получше. Волка ноги кормят. Так что наведите справки – не планируется ли что-то подобное в каком-то из ближайших номеров. Такой материал ведь сделать – как два пальца обсосать: никакой особой проверки не нужно, побеседовал с астрономами – и строчи. Если что-то такое установите...

– Ясно.

– Ясно будет, когда я закончу. Если установите – никакого шума, давить ни на кого не нужно, доложите мне – я сам поговорю с главным редактором или напрямую с владельцем. Тут нужно, чтобы сама идея такого материала никуда не просочилась. Ну а чтобы он и вовсе не возник – это на вашу ответственность. Кстати, если не ошибаюсь – вы докладывали, что женщина эта или девушка нами привлекалась для сотрудничества?

– В области ее компетенции – как и остальная группа.

– Значит, человек не чужой, не с улицы. С нею надо будет дружески поговорить, сказать, что в этом деле ожидаем ее посильной помощи – хотя бы в смысле влияния на этого репортера.

– Вы думаете, они...

– Не случайно же оказались там вдвоем – в достаточно укромном местечке, а? Конечно, полной уверенности нет – но допускаю возможность интимной близости. Вот и используйте это обстоятельство. Все понятно?

– Все ясно. Разрешите выполнять?

– Только чтобы быстро и аккуратно.

В Штатах российский политик был озабочен: что-то шло не так.

Вначале, впрочем, все покатилося вроде бы как по маслу. Но потом, уже на второй день его пребывания в столице великой заморской державы, кто-то словно наступил на тормоз – и все вдруг закрипело и поползло еле-еле, порой вообще останавливаясь и даже откатываясь назад, подобно старой дорожной развалюхе, у которой движок в гору уже не тянет и на первой передаче, а вместо движения возникает только треск, вой и много синего дыма.

Однако если с развалюхой все ясно, то здесь, в Вашингтоне DC, куда больше было непонятного, и приезжему пришлось ломать голову в поисках ответов на традиционные вопросы: кто виноват и что делать. Иными словами: кто столь решительно и эффективно нажал на тормоз, почему нажал и самое главное – если эта дорога закрыта, где надо свернуть в объезд, чтобы не попасть куда-нибудь в болото, а опять-таки выбраться на нужную магистраль.

В частности – желание заезжего политика встретиться, пусть и не сразу, с президентом, но для начала хотя бы – нет, даже не с госсекретарем, но с кем-то из его помощником, а еще лучше – с советником президента по вопросам безопасности, – это желание или, точнее, пакет желаний словно ка-

нул в пучину: никакого ответа ни от кого, ни малейшего признака заинтересованности, хотя по расчетам все должно было происходить как раз наоборот: не каждый же день приезжают в Вашингтон политики такого ранга из России, да из любой серьезной страны, готовые делиться важной информацией, – и на них не обращают ни малейшего внимания.

Может быть, мелькнуло в голове, его просто числят как бы в карантине, сами же тем временем наводят всяческие справки о его личности и возможностях, чтобы в зависимости от этого выработать линию поведения и общения с ним?

Но сколько же времени это у них занимает?! В России это сделали бы за день, от силы – два; но эти дни гостю не пришлось бы сидеть, теряясь в догадках, – наоборот, вокруг него создали бы видимость активной заинтересованности, некой суеты, которая всегда укрепляет визитера в сознании собственной значимости; а тут вместо этого ему явно давали понять: а на кой ляд ты нам вообще сдался?

Столбовиц в ответ на сердитое недоумение гостя лишь пожимал плечами: по его мнению, все шло именно так, как должно было, и совершенно никаких поводов для обид или подозрений даже быть не могло.

– Бюрократия, дорогой коллега, – объяснял он. – Вы что, считаете, что Россия – монополист в этой отрасли? Ни в коем случае! Наши бюрократы – посильнее, хотя я бы не стал называть их чемпионами мира – есть и еще похлеще. Так что не волнуйтесь: тут вы в полной безопасности и, надеюсь, до-

вольны уровнем комфорта. А если нет – только намекайте...

Оппозиционер в ответ недовольно фыркал; однако оснований для претензий к хозяину дома у него не было. Конечно, у Столбовица могла быть какая-то своя игра, связанная с пребыванием российского гостя здесь; однако сколько глава оппозиции ни ломал голову, он так и не смог построить никакой сколько-нибудь приемлемой модели подобной игры. Нет, скорее всего дело так и обстоит, как он объясняет. Что же – придется проявить долготерпение. Не мчаться же назад, в Москву, так ничего и не добившись! В конце концов, и для России, и для его собственной судьбы наступили – он полагал – решающие дни.

Хорошо хоть, что не приходится волноваться за свою безопасность.

Столбовиц был прав, ручаясь за охрану дома и чистоту от подглядывания и подслушивания. Содержание его беседы с гостем осталось тайной для всех, кому не следовало знать о его содержании. Однако только что сказанное никак не распространяется на дороги: сухопутные, морские, воздушные – да какие угодно. И потому никак нельзя было скрыть сам факт приезда видного политика в великую страну, а также и места, куда он был переправлен, как и того, куда проследовали сопровождавшие его в полете лица – скрыть от тех, кто хотел об этом знать хотя бы просто по обязанности. Уже в списках пассажиров компании «Дельта», чьим рейсовым самолетом воспользовались политик и его спутники, его имя

было замечено – и не только в американском посольстве, куда сразу же доложили, но и в хозяйстве генерала СБ, любившего знать все обо всем, и, следовательно, информация эта попала и на Старую площадь. Мало того: и в главном офисе хорошо известного специалистам Кудлатого о демарше главы оппозиции тоже стало известно – не потому, что у Федора Петровича были связаны с политиком какие-то интересы; просто оппозиционер считался у деловых людей одной из тяжелых фигур гриденьского лагеря, за которыми нужен был (и осуществлялся) постоянный пригляд. Иными словами – все в мире относительно, и те гарантии, что Столбовиц дал своему гостю, – тоже; хотя сию минуту приезжему действительно никто не угрожал.

Впрочем, Столбовиц Столбовицем, но Гридень, союзник, знавший об отъезде от самого политика и к тому же получивший подтверждение о благополучном прибытии (и куда именно прибытии) из другого источника, принял меры сразу же (а заключались они в том, чтобы постоянно быть в курсе событий). Сейчас Гридню было не до оппозиционной интриги: его куда более интересовало и заставляло действовать то, что Кудлатый, из-за недавно обнаруженной у него серьезной (позже к этому, как правило, прибавляют «и продолжительной») болезни, как раз в те дни несколько отошел от дел, что просто-таки требовало от Гридня активности, чтобы потеснить Кудряша в дальневосточной энергетике, на что Гридень давно уже настроился – как только начал обосновываться на

Камчатке, где сейчас сам президент сидел в погодной мышеловке.

У Гридня, как и у любого воротилы глобального (скажем без ложной скромности, напротив – с гордостью за свою страну) масштаба, имелись свои корреспонденты (называем их так из чистой деликатности) не только в родном отечестве, что естественно, но и в Штатах, и в европейских странах, и в дальне– и ближневосточных; лишь Латинскую Америку он начал осваивать с запозданием. Нет, их никак нельзя назвать гриденьскими шпионами или даже – благородней – разведчиками; то были в большинстве своем люди, в разные времена и по разным причинам покинувшие родную империю или постимперию и обосновавшиеся в местах с более благоприятным для них всякого рода климатом. Речь идет, как все понимают, не только и не столько о средней температуре воздуха, но о климате политическом (реже) и экономическом (куда чаще). У этих очень разных мигрантов было нечто, дающее нам возможность говорить о них чохом, а именно – их отношения с Гриднем, прежде всего деловые, причем в этих отношениях не Гридень зависел от них, но как раз наоборот: многие из них к тому же были ему обязаны по разным поводам и хорошо это помнили – потому что в их кругах долги полагается отдавать, и вовсе не только денежные, а иначе может быть очень плохо. Однако особенно ценными были те, кто хотя от Гридня, может быть, и не зависел, но исповедовал ту же религию, что и он сам; не христиан-

ство и, конечно, не иудаизм — что вы, что вы! — но религию современную: глобализм. Их было связано с Гриднем не так уж много, но каждый находился в нужном месте и входил в работу в нужное время.

Так что когда Гридень попросил одного-другого оказать ему небольшую услугу, возражений не последовало — да он их и не ждал. Впрочем, основную работу должен был сделать человек, через которого Гридень и передал свои просьбы (не по телефону же было об этом разговаривать!) и который благодаря оперативности конторы прилетел под сень статуи Свободы тем же бортом, что и оппозиционер со своей командой.

Одна из просьб (и главная) заключалась в том, чтобы политика с его планами несколько придержали, не давая ему развить скорость. Не потому, что Гридень в чем-то не доверял своему союзнику; причина была в том, что магнат в связи с новой информацией о делах космических еще не выработал окончательного плана действий; а поскольку в этих планах без Америки никак нельзя было обойтись, то — до поры, до времени — там и не следовало никого нервировать. А дальше — время покажет.

Человек Гридния заботливо, но, упаси Бог, не навязчиво, а находясь в некотором отдалении, проводил прилетевшего с его людьми до места встречи со Столбовицем, внимательно выслушал их разговор — хотя слышимость иногда была не очень хорошей, но потом (при анализе пленки) все это мож-

но будет разобрать, — запомнил машину, на которой уехала свита, а потом, держась по-прежнему на расстоянии и одновременно оживленно беседуя со встретившей его женщиной (которая тоже кому-то чем-то была обязана), установил, куда именно направились Столбовиц с приезжим, без труда понял что к чему, но на вертолетную станцию за ними, естественно, не пошел — просто вынул телефон и позвонил, зная, что выяснить, куда улетел коптер, можно будет без особого труда: в авиации царит, как правило, четкий порядок, иначе воздух стал бы взрывчатым — без всякого преувеличения. А точно зная место приземления и воспользовавшись подробной картой местности, установив далее (по фотографии), кем был встречавший московского гостя человек, — все не сложно оказалось точно узнать, где обосновался оппозиционер в первый день своего визита. Причем тамошнее государство не имело к этому совершенно никакого отношения. Все это были русские дела — пусть и на чужой территории. Мы искренне надеемся, что Соединенным Штатам эти действия их новых граждан, а также лиц, еще не получивших подданства, но очень на это рассчитывавших, и, наконец, гостей — не причинили никакого ущерба. Даже морального.

Все эти обстоятельства привели к тому, что Гридень, убедившись, что оппозиционер оказался в надежном месте, по своей, надежно закрытой даже и от государственного любопытства линии переговоров с тем лицом в Штатах, которое принадлежало к активным деятелем глобалистской органи-

зации. После этого магнат окончательно успокоился и вернулся к делам российским.

Но об этом – в свой срок.

Майор Волин распорядился быстро и аккуратно, так что и часа не успело пройти, как люди навестили и квартирку, в которой проживал Минич, и комнату в доживавшей свой век коммуналке, где была прописана, то есть по-нынешнему – зарегистрирована Джина, по паспорту – Зинаида Самсоновна Алфеева.

Ни в том, ни в другом месте искомые люди обнаружены не были. Что нисколько не удержало приехавших от подробного знакомства с условиями жизни обоих фигурантов, каковыми они уже являлись в сознании работавших отныне по ним оперативников во главе со старшим лейтенантом Комаром.

В жилье Минича негласный обыск установил отсутствие оружия, как огнестрельного, так и холодного (кухонные ножи в количестве трех единиц к оружию, после краткого колебания, Комар причислять не стал), а также каких-либо боеприпасов; не было обнаружено запрещенных к обороту наркотиков – опять-таки початая бутылка водки (русской «смирновки») и две бутылки бочкаревского пива в холодильнике, как и девять пачек сигарет «Мальборо» в начатом блоке, в категорию наркотиков занесены не были.

Зато в доме нашлось более десятка использованных журналистских блокнотов, две фирменные коробочки с дисками, всего двадцать штук, содержавшими какие-то тексты;

нашелся алфавит со множеством телефонных номеров и номера же – в электронном блокноте на винчестере. Вот это все изъяли, а что нельзя было – скопировали для более подробного ознакомления.

Перед полкой, уставленной видеокассетами, Комар постоял с минуту, прежде чем принять решение. Судя по названиям, все это были боевики, больше половины – зарубежные, остальное – российские. Было также десятка полтора старых комедий, и почему-то ни одной кассеты с порнухой или хотя бы с официально разрешенной эротикой. В конце концов Комар взял наугад полдюжины кассет из разных мест, отметив, что далеко не все они, и даже не большая часть их принадлежала к законно произведенной лицензионной продукции, но была явно пиратского происхождения. Установив это, Комар немного повеселел: пусть и пустяковая, но все же зацепочка для начала разговора с их владельцем.

Правда, немного разочаровало оперативников то, что самого обитателя квартиры в наличии не оказалось – будь он дома, его можно стало бы сразу же прихватить с собой, чтобы этот разговор не откладывать надолго. Но его не было – и, судя по позднему часу, вряд ли он появится до завтрашнего дня. Можно было, конечно, оставить засаду – но такого указания они не получали, пока речь шла лишь о предварительных действиях. Так что Комару оставалось лишь сказать, убедившись, что внешне все тут выглядит так же, как и до их визита, – не считая, разумеется, изъятого:

– Ну все – линияем.

После чего квартиру аккуратно заперли и убыли в свою контору для доклада.

Что касается второй тройки, что наносила визит Джинне-Зинаиде, то им, к сожалению, повезло еще меньше.

То есть в комнату они попали без особых трудностей и приключений. Пришлось только объяснить соседям, что они – люди государственные, а вовсе не какая-нибудь шантрапа, и дело их – тоже государственное, и поэтому препятствий им чинить не следует, а напротив – оказывать всяческое содействие.

Соседка, с которой и велись переговоры – мрачная ровесница, похоже, Великого Октября, – препятствий чинить не стала; тем не менее все время, пока они находились в комнате, простояла в коридоре, опираясь на дикого лесного вида клюку и посверкивая глазками из-под низко на лоб насунутого платка. Невезение ожидало их уже в комнате, и это они поняли, едва лишь отперли дверь при помощи имевшихся у них приспособлений.

Дело в том, что комната вид имела совершенно нежилой; тем менее верилось, что тут действительно обитает молодая женщина. Старый продавленный диван, стол, не накрытый даже кухонной клеенкой – не говоря уже о скатерти, и совершенно пустой, как тут же было установлено, фанерный шкаф, старухин ровесник. К стене было приколочено зеркальце формата А4, то есть величиной в стандартный ли-

сток бумаги. Шмотки, косметика, шкатулки или коробочки с побрякушками, признаки принадлежности к цивилизации, как-то телевизор, магнитофон, не говоря уже о CD-проигрывателе или, еще лучше, компьютере – все перечисленное и еще очень многое другое блистательно отсутствовало. Как и книги, тетради, блокноты, сувениры на вечную и добрую память, цветочки, пусть хотя бы засохшие, и вообще все, что может сопровождать человека в его земной командировке.

Зато повсеместно присутствовала пыль, и было ее много – старой, успевшей плотно слежаться, так что отскребать ее пришлось бы с великим трудом, даже вооружившись соответствующими принадлежностями. Оперы только переглянулись: все было ясно, и говорить стало не о чем – между собою. Девушка была тут пропи... то есть зарегистрирована по этому адресу, но жить явно предпочитала в каком-то другом месте. Значит, установление ее потребует дополнительных трудов.

Правда, не следовало пренебрегать опросом местного населения – иными словами, той же клюкастой бабки, которую все трое, вновь оказавшись в коридоре, немедленно и окружили, что старушку, похоже, вовсе не напугало.

– Она что – не живет тут вовсе, что ли? Алфеева? – Такой вопрос был немедленно задан, как только дверь комнаты была снова заперта.

– Я же и говорила, что не живет, – последовал ответ. Трое переглянулись.

– Ничего вы нам не говорили!

– А вы и не спросили. Спросили бы – ответила бы, мне скрывать нечего ни от кого.

– А где живет – вы, наверное, знаете.

– Не знаю. А зачем мне?

– Но ведь появляется она – ну, хотя бы раз в месяц, – за комнату платить и все такое...

– Если бы она мне платила, тогда, конечно, пришлось бы ей сюда приезжать. Только комната ведь ее: книжечки все у нее, я так располагаю, с собой – где захотела, там и заплатила. Зачем же ей сюда приезжать? У нее тут ничего и нет, на кухне столик стоит, так я им пользуюсь, когда надо.

– Что – так никогда и не приходит?

– Бывает, что и заедет – последний раз была, я располагаю, с полгода тому.

– И ей сюда что – никто не звонит, писем не пишет?

– Звонить – даже и мне не звонят, потому что телефона у нас нет. Обещают, правда, уже лет тридцать. А писем – нет, никто не пишет. Наверное, туда пишут, где она живет. Если есть кому писать – отчего же не написать, дело хорошее...

– Но как же так: комната стоит пустая, без надзора, а если что-нибудь случится – вот, скажем, труба отопления лопнет, – тут же потоп произойдет, а к ней и не подойти, придется дверь ломать...

– Ломать-то зачем? Второй ключ она мне оставила, сказала, если вдруг понадобится – могу даже кого-то пустить пе-

реночевать, так что ломать тут ничего не надо.

– У вас ключ? Что ж вы сразу не сказали?

– Спросили бы – я бы и сказала.

Они и в самом деле не спросили – как-то упустили из виду. Но теперь уже это не имело значения.

Вот с таким нулевым результатом пришлось им возвращаться для доклада начальству. Хотя, как известно, в науке, например, отрицательный результат считается тоже достижением: хоть стало ясно, где искать ответа не следует. А в данном случае – да, в общем, то же самое: раз их тут нет – значит сидят еще там, на этой даче или как ее назвать, милуются. Ну что же – придется еще раз гнать туда; служба есть служба, знали, на что шли, ведь так?

Они, однако, не миловались, а, кое-как закусив, уселись в подполе перед компьютером, загрузили одну из дискет – последнюю по времени, судя по ярлыку, – и принялись смотреть то, что покойный Ржев счел нужным оставить потомству. Минуя цифры и формулы, вчитывались в то, что было изложено на словах. И рассматривали множество фотографий звездного неба, что в отдельном конверте были приложены к черновику того самого послания, которое покойный Люциан Иванович успел отослать тем, кому считал нужным.

Для Минича это все было вариантом китайской грамоты; Джина же, кажется, что-то понимала, если и не все. Он спрашивал время от времени, она старалась объяснить – насколько могла. Впрочем, и для нее многое было совершенно неизвестным.

Судя по тому, что там у Люциана было записано, существовала, кроме девяти известных, еще одна планета, принадлежащая Солнечной системе, но по ряду причин никем до сих пор не обнаруженная – ни визуально, ни каким-либо иным образом.

Планета в записях Ржева именовалась Небирой; причины, по каким она по сей день оставалась для науки неизвестной, заключались (по объяснению Ржева) прежде всего в том, что была эта планета совершенно не похожей на те, которые до

сих пор наблюдались, изучались, исследовались зондами и так далее.

То есть по своим физическим параметрам Небира (полагал Ржев) могла принадлежать к группе Юпитера. Но этим сходство и исчерпывалось.

Происхождение ее, вероятно, было совершенно другим: она не возникла таким же образом, как другие планеты, но была скорее всего захвачена Солнцем в какие-то давние времена. И обращалась вокруг светила в другой, полярной плоскости, а главное – по орбите, приличествующей скорее долгопериодической комете: эксцентриситет орбиты достигал 0,8, а большая ось эллипса составляла девять на десять в двенадцатой степени километров, то есть примерно шестую часть расстояния до ближайшей к нам системы Альфа Центавра, до Проксимы. И обращалась она по этой орбите с периодичностью один оборот за сто шестьдесят пять тысяч лет. Как говорится – мелочь по сравнению с вечностью, для нашего же человечества срок, как ни крути, весьма достойный. Вот почему никто ее и не наблюдал; вообще в небе существует, надо полагать, куда больше такого, чего никто не наблюдал, чем наоборот.

Тела с подобной орбитой за время обращения меняют скорость весьма значительно. Если в апогее они могут двигаться со скоростью сантиметров и даже миллиметров в секунду, как бы раздумывая – а стоит ли вообще возвращаться на однажды уже пройденную тропу, – то по мере приближения к

центру системы ускоряются, и ускоряются в полном соответствии со вторым законом Кеплера, и делают в секунду уже десятки километров, едва ли не на грани перехода на параболу.

А если эта планета имеет еще и спутников, то она, естественно, и их разгоняет до соответствующей скорости. И когда эта семья попадает в зону влияния четырех гигантов Солнечной системы, то движение этих спутников может изменяться труднопредсказуемым образом. В том числе и...

Тут дальше шла цифирь, которую сейчас уже трудно было усвоить даже Джине – не говоря уже о новом владельце поместья.

– Н-да... – проговорил Минич несколько озадаченно. – Что же получается: и в самом деле – конец света грозит? Реально? Или он все это придумал? Все-таки человек был больной... Почему тут многое изложено так, что не понять, что он, собственно, хочет сказать? Ну вот, например, вот это: «Угрозу смогут представить два в одном, и еще в какой-то степени – эффект дверной защелки». По-моему, бред какой-то. Хотя, насколько я его знал, он был человеком совершенно нормальным. Как по-вашему?

– Трудно сказать, – откликнулась Джина задумчиво. – Нет, нормальным он был, без сомнения. Добрым. Даже нежным...

«Точно – тут не обошлось без романа», – подумал Минич,

и это его почему-то задело. Хотя – если разобраться, ему-то что за дело?

– А почему у него так неясно сказано – так ведь это он для себя заметки делал, не для других, а ему наверняка все ясно было. Это для него были как бы узелки на память – чтобы потом восстановить ход мыслей. Да и при этом он не на вычислениях основывался – не было у него возможности для определения скорости, расстояния, массы... Но у него сенсорное восприятие было колоссальным, ясновидение – высшего класса. Правда, об этом очень мало кто знал, он на людей не работал, а то о нем молва пошла бы широко. Почему-то не хотел – говорил, что звезды ему важнее. Я у него консультировалась – на этой почве мы и познакомились...

Когда она говорила это, голос ее зазвучал как-то странно, и Минич это заметил.

– Похоже, – проговорил он, усмехаясь, – что вы к нему, как говорится, неровно дышали? Да?

Джина ответила не сразу и не очень вразумительно:

– Скорее на уровне тонких тел. Хотя и...

И тут же перевела разговор на другое.

– Как же вы решили – будете оформлять наследство?

– Успею еще подумать, – тряхнул головой Минич. – Главный вопрос сейчас другой: что же мне с этим делать?

– Может быть, смотреть на звезды. Он ведь учил вас этому? Самое лучшее занятие в мире, поверьте.

– Да я не об этом. Прикидываю: что можно из этой ин-

формации сотворить? С одной стороны – вроде бы ничего серьезного не получится: очередная сказочка, читатель немного позабавится, кто-то рассердится, один-другой, может быть, даже испугается... Но на это вряд ли стоит тратить время: хочется написать что-нибудь основательное – давно уже ничего такого у меня не получалось, должно же и повезти в конце концов. А?

– Думаю, – сказала Джина очень серьезно, – что с более важной темой вы ни разу в жизни не сталкивались – и не встретитесь больше никогда. Просто потому, что более серьезных вещей не существует. И еще: по той причине, что у вас больше не будет времени. Ни у кого не будет.

Минич медленно поднял на нее глаза. Прищурился:

– Вы что же – считаете, что я должен принять все это всерьез? Да кто поверит?

– Волки! Волки! – нараспев продекламировала Джина. – И никто не поверил. Напрасно.

Он не сразу понял, о чем она. Поняв, усмехнулся:

– Классик всегда прав, да?

Джина ответила:

– Вы должны помнить. В пору моего младенчества – а вы, наверное, постарше, так что должны помнить лучше меня, – была пора взрывов, неурядицы происходили на Кавказе, а дома взрывались и тут, в Москве, да и не только...

– Ну помню. И что?

– Но куда больше тогда было ложных звонков: заминиро-

вано учреждение, школа, вокзал.

– Было, было. Припоминаю.

– И все-таки по каждому такому сигналу выезжали и проверяли совершенно серьезно. Потому что на десять или двадцать таких неумных шуток мог прийти один серьезный случай – когда взрывчатка действительно была заложена.

– Гм...

– Конечно, решать вам самому. Но я бы на вашем месте...

– Легко представлять, – хмуро проворчал он, – что бы ты сделал на чужом месте; куда сложнее, если это место – твое. По-вашему: насколько достоверным может быть предположение Люциана о катастрофе?

– Более чем наполовину. Правда, я не могу судить беспристрастно.

Минич глянул на часы:

– Пожалуй, поздно уже звонить, а?

– Смотря куда.

– Моему главному. Теперь он уже наверняка дома.

– Не знаю. Я бы позвонила.

Минич поморщился. Но подошел к телефону и снял трубку. Набрал 095 и номер. Постоял. Положил трубку.

– Занято.

– Значит, дома. Позвоните через пять минут.

– Позвоню, – кивнул он. – Давайте еще раз посмотрим – надо подумать, как ему сказать и что.

– Я бы по телефону не очень распространялась. Мало

ли?.. В самых общих чертах. Есть, мол, серьезные данные о грозящей всему миру катастрофе. Главное – чтобы голос был взволнованным и убедительным. Внушите себе, что вы верите Люциану на сто процентов, на сто двадцать! Разве вы не верили ему всегда?

– Откровенно говоря, раз-другой он вовремя предупредил меня – помог отвести неприятности...

– Вот и помните об этом, когда будете говорить.

Минич снова набрал номер.

– Еще разговаривает с кем-то. Вообще-то он не любитель долгих бесед по телефону.

– Значит, есть о чем поговорить.

Поговорить Гречину, главному редактору «Вашей газеты», которую принято было считать рупором оппозиции (не очень громким, конечно; чего же вы хотите: такие времена), собственно говоря, не пришлось, потому что на этот раз от него требовалось в основном слушать. И поддакивать.

Прошли, прошли те времена, золотое десятилетие, когда газета публиковала материалы без оглядки на власти, когда можно было спорить, а свою правоту доказывать даже в суде – и не так уж редко дела выигрывать. Об этом можно было лишь вспоминать, вздыхая. А потом настали дни, когда власть явилась перед львами и орлами СМИ с кнутом в одной руке и с пряничком – в другой. Но это не означало, что можно выбрать то или другое. Выбора не давалось никому, кнут означал сегодняшнюю реальность, а пряник, маленький и зачерствевший, – возможную перспективу. Власть объявила новые правила игры: «Кто не согласился, я не виноват». Большинство согласилось, надеясь на то, что долго это не продлится: и Запад надавит, да и свои правдолюбцы не дадут пропасть. Но правдолюбцы снова обосновались на кухнях, на Запад же – после того как кредиты иссякли и все мыслимые уступки получены – всем стало наплевать и растереть.

Однако Гречин, сохраняя ярлык оппозиционности, все же смотрел не только в рот кремлевскому пресс-секретарю, но

очень внимательно прислушивался и к тому, что выходило из уст оппозиции. Так что, ответив на звонок, даже встал с дивана, как только уяснил, кто с ним разговаривает.

Глава оппозиции был очень вежлив и доброжелателен. Справился о здоровье самого Гречина и семьи, похвалил газету – сказал, что регулярно читает ее с интересом и, как он выразился, «почти без раздражения». Гречин слушал и благодарил, отлично понимая, что это все – политес, протокольное общение, и не ради этого ему позвонил столь сильный человек, да еще в нерабочее время. Приподнятым тоном выговаривая слова благодарности за высокую оценку, Гречин пытался сообразить, в чем же была ошибка, что сделали не так, какой материал мог вызвать неудовольствие – явно немалое. И никак не мог понять: вроде бы все было в порядке. Впрочем, долго гадать ему не пришлось: политик не любил длинных увертюр. Да и звонил он очень издалека, и приходилось экономить доллары – пока ситуация не прояснится окончательно.

– У вас там работает некто Минич, я не ошибся?

Сукин сын Минич, тут же подумал Гречин. Нет, написать он ничего такого не писал уже давненько, значит – что-то другое себе напозволял: высказал, например, где-нибудь в публичном месте что-нибудь не соответствующее, особенно если был под газом – это он любит. Почему я его до сих пор не выгнал? Давно уже была пора!

– Работает, – отвечал он тем временем. – Вернее, работал.

– Он что же: ушел?

– Н-ну... я как раз завтра собирался...

– Значит, он еще у вас?

– Если подходить формально...

– У вас. А зачем вам его увольнять? По-моему, журналист не из самых плохих, верно?

– Ну, собственно... Да, иногда ему удастся. Конечно, если вы так считаете... раз он вас интересует...

– Интересует. Селен Петрович (странным было имя у Гречина, но тут уж ничего не поделаешь), не исключено, что в ближайшем будущем он предложит вам материал об угрожающей Земле космической катастрофе...

– Он у нас не занимается космосом. Это Жихарев скорее.

– Не перебивайте, если вам не трудно. Так вот, ни строчки, ни слова на эту тему – космической катастрофы, несущей угрозу Земле, – у вас появиться не должно. Ни за его подписью, ни за любой другой – хоть самого президента Академии наук. Вы поняли меня?

– Разумеется. Я его с этой темой шугану так, что он никогда...

– А вот этого делать не следует. Наоборот. К его идее отнеситесь положительно. Пусть напишет все, что у него на душе. И сдаст вам. А вы перешлете это мне лично. По «Экспрессу». Новый адрес я вам дам.

– Да конечно же!..

– Попросите его не медлить.

– Непременно.

– Это у меня все. Да, кстати: об этом нашем разговоре – никому ни полслова. И о катастрофе – тоже. Это совершенно закрытая информация, понимаете?

Гречин закивал головой, забыв, что по телефону это не видно; его аппарат был без видеоприставки.

– И еще: если услышите, что кто-то из ваших коллег получил какой-то материал на эту тему, – немедленно сообщите мне.

– В ту же минуту!

– Да, вот еще что: я тут на недельку улечу в Штаты, так что если услышите что-то в мое отсутствие – звоните по моему сотовому. Как вот я сейчас. Он и тут в действии. Вы ведь мой номер не забыли?

– Ну что вы! Как можно...

– Вот и прекрасно. До свидания.

– Счастливого, – пробормотал Гречин, облегченно вздыхая. Положил трубку. Перекрестился: слава Богу, пронесло...

И тут же телефон грянул снова.

– Алло! – рявкнул он, давая выход напряжению. – А, это ты, Минич? Что же это – на ночь глядя: пожар, что ли? Ну давай, раз уж позвонил, что там у тебя?..

Оба телефонных разговора имели своих свидетелей. Хотя в каждом случае эти свидетели были другими. Разговор, исходивший от политика-оппозиционера, был зафиксирован тем подразделением СБ, которое некогда называлось ФАП-СИ и ведало, как и нынче ведает, как известно, не только всей правительственной связью, но обслуживает и многих видных политических деятелей – обеспечивает защищенность, кроме всего прочего, и их мобильных от вмешательства и прослушивания со стороны кого бы то ни было – кроме себя самого, разумеется. Не то чтобы глава оппозиции не знал об этом; отлично знал, конечно, но (как это обычно бывает с людьми, располагающимися если и не на вершине власти, то по крайней мере в близком соседстве с нею) даже и сейчас был уверен, что его-то прослушивать никто не осмелится. Руководитель этого подразделения кое-чем (и в названной конторе это было известно) был политику обязан, так что работники этой важной службы находились пусть и не в прямой, но все же в зависимости от него; но глава оппозиции не подумал как-то, а может быть – просто успел забыть, что из всего начальства на свете подчиненные больше всего ненавидят свое собственное, непосредственное. Чувство это не всегда выливается в конкретные дела – скорее всего просто потому, что не возникает нужных условий; но

уж если возможность украдкой сморкнуться в кофейник начальника создается – будьте уверены, ее не упустят.

В том случае, о котором тут идет речь, офицеру, прослушавшему запись (человеку с большим опытом), что-то в ней не понравилось; сама манера разговора, что ли? Тональность, в которой говорил политик, как-то не соответствовала содержанию. А главное – такой секретной темы офицер не знал, а думал, что все они ему известны. На всякий случай он сверился с перечнем; нет, и в нем о космической катастрофе не было ни слова. А перечень был свежим, только вчера обновленным. Точно так же ничего не было известно о состоявшейся поездке политика в США – а ведь следовало обеспечивать надежность связи с ним во время нахождения главы оппозиционной партии за рубежом, тем более – за океаном.

Хорошо тренированным чутьем офицер уловил: что-то тут было не так, как следовало. И принял решение незамедлительно доложить начальству о происшествии.

Начальник же, выслушав подчиненного, не отмахнулся от доклада, как от чего-то, не имеющего значения, но поблагодарил и запись оставил у себя, чтобы потом прослушать в одиночестве. А прослушав – задумался.

Вообще-то (так рассуждал этот начальник) инициатива с обозначением новой секретной темы могла исходить и от самого президента, и точно так же он мог послать политика в Вашингтон в рамках «тихой дипломатии»; если президент

не счел нужным поставить связистов в известность об этом, значит – у него были на то свои основания, и в таком случае самым глупым было бы показать, что тебя что-то заинтересовало: каждый должен знать ровно столько, сколько ему положено, а если ему стало доступно большее – ни в коем случае этого не демонстрировать. Так что наведение справок было делом необходимым, и его никак нельзя было откладывать, напротив – следовало осуществить именно сейчас, когда президента в Москве не было, и потому в его администрации (как и всегда в таких случаях) люди вели себя куда свободнее, чем при нем.

Начальнику подразделения не пришло в голову, что он может, наводя справки, оказать скверную услугу своему давнему знакомцу. Будь в этом что-то такое, рассуждал он, Кирилл предупредил бы. А раз звонит, не оповестив нас, – значит с этой стороны все в порядке. Просто он в курсе этого дела, а я – нет.

Но все же связист решил навести справки окольным путем, а именно – через главу администрации, с которым тоже поддерживал – хотя бы по долгу службы – неплохие отношения и который всегда был в курсе всего.

Но поскольку час был уже поздним, директор отложил визит в администрацию до утра.

Что же касается второго разговора – между Миницем и главным редактором, – то он стал известным, поскольку телефон в доме покойного Люциана Ивановича успели уже по-

ставить на прослушивание. Никаких особых усилий это не потребовало, «жучок» в аппарат был запузырен – так, на всякий случай, – еще во время первого пребывания в доме оперативников с Комаром во главе.

О содержании разговора тут же доложили майору Волину, который незамедлительно сделал вывод:

– Уже запел, как канарейка. Надо брать, пока он не раззвонил по всему свету.

И распорядился: скомандовал только что вернувшимся из городского поиска.

– Комар, поднимай своих ребят. Объект сам засветился – там, в деревне, где вы уже были. Заночевал, значит. Сразу – в машину, и привезете этого... писарчука ко мне. Пошмонайте там, найдите что-нибудь...

– Дозы две-три героина? – предположил старший лейтенант.

Но героина, как ни странно, в этот миг под руками не оказалось, и сейчас, поскольку был уже поздний вечер, быстро разыскать его, выйдя в город, не оставалось времени.

– Обойдешься без героина. Полдюжины пистолетных патронов, хватит с него.

– Ага. А если он все еще не один там?

– С той девицей? Ее тоже прихватите, только руки не распускайте – все-таки в наш дом она вхожа. Везите и ее, а тут посмотрим. Раз она – наш человек, то пусть и выкладывает все без утайки. Таким вот образом.

– Дом опечатать?

– Все сделай по правилам.

– Слушаюсь.

И Комар отправился выполнять.

Вот так на Земле – и в государстве Российском в частности – все больше людей втягивалось в дело, связанное с «Телом Угрозы» – если пользоваться названием, которое как бы завещал Люциан Ржев.

Само же тело об этом, естественно, не подозревало – да и не могло, поскольку живым, естественно, не было; хотя вопрос – где начинается жизнь и где она кончается – представляется нам не таким уж ясным, как принято считать. Массивная планета, где-то и когда-то каким-то образом присоединившаяся к Солнечной системе, наращивая скорость, продолжала лететь по траектории, вряд ли когда-то кем-то осознанно выбранной. Летела, подчиняясь лишь законам природы – и, разумеется, Тому, кто эти законы установил, сотворяя самое природу.

И вот в соответствии с этими законами Тело Угрозы (реальной или воображаемой – пока остается неясным), подчиняясь неотразимому призыву гигантов Солнечной системы, чуть изменило орбиту, по которой следовало после легкого обмена гравитонами с Ураном и куда более существенным – с относительно близким Нептуном, в семье которого учинило некоторый беспорядок. После этого изменения траектория искривилась, приближаясь к плоскости эклиптики; кроме того, она уклонилась и в сторону основной, могучей тяго-

теющей массы – Солнца. Одновременно увеличилось ускорение, с каким двигалась предполагаемая Небира. Хотя это не означало хоть сколько-нибудь реальной угрозы Земле, но все же увеличивало вероятность каких-то нежелательных событий в скором будущем.

Глава третья

1

Столбовиц возник не через час и даже не через сутки: его не было три дня. И явился так же неожиданно, как и исчез. Глянул на побагровевшего от возмущения гостя.

«Ни малейшего чувства такта», – только и подумал политик, выслушивая утонченные формулы извинения.

– И тем не менее... – попытался он высказать упрек.

– Увы – мы не всегда вольны располагать своим временем. Зато теперь я полностью в вашем распоряжении и внимательно вас выслушаю, – проговорил Столбовиц. – Понимаю, что вы разгневаны, но время уходит независимо от нашего состояния. Итак – какие проблемы привели вас сюда?

– Я могу сказать много или мало – в зависимости от вашего ответа на один предварительный вопрос.

– Интересно: я полагал, что вы привезли ответы, а не вопросы.

– И все же – вряд ли является секретным, как относитесь вы к перспективе ядерно-ракетного zero?

Помолчав несколько секунд, видимо, серьезно обдумывая не только ответ, но и причины, побудившие московского гостя искать его, Столбовиц произнес:

– Надеюсь, вы спросили не из праздного любопытства?

– У меня есть очень серьезные основания.

– Хорошо. Наша точка зрения на эту тему такова: мы против этого процесса. Вы, конечно, понимаете: это не потому, что мы хотели воевать. Как раз наоборот. При полном отказе от ядерного оружия и средств его доставки количество войн вырастет. Сравните число погибших за... ну пусть за последнее столетие – от ядерного оружия и от обычного; в чью пользу будет счет? Зато число жертв такого разоружения может оказаться воистину страшным; я имею в виду компании, фирмы – и, безусловно, занятых в них людей и инвестированные капиталы.

– Ваш ответ меня радует.

– Ваши вопросы исчерпаны, сэр.

– Прекрасно. Перехожу к проблеме. Вероятно, для ваших астрономов уже не является секретом, что...

Столбовиц действительно слушал очень внимательно, не перебивая.

– ...Итак, прежде всего, коллега: я приехал для того, чтобы повстречаться с некоторыми видными сторонниками Конференции и Соглашения о ядерном нулевом разоружении. Во всяком случае, так это должно выглядеть и для вашей, и для российской аудитории.

– Но, насколько я понимаю, это не является главной целью вашего визита?

– Было бы глупо скрывать это от вас: я очень рассчитываю

на вашу серьезную помощь.

– Вы понимаете, конечно: это зависит от характера ваших планов. Я ведь не враг своей стране.

– Как и я – моей. Теперь слушайте.

Политик умел излагать суть дела кратко, и ему понадобилось лишь четверть часа, чтобы ввести собеседника в курс событий и дать свою их оценку – включая уровень опасности, какой для Америки явилась бы гонка разоружения. Столбовиц слушал внимательно, не перебивая; если и возникали у него какие-то вопросы, он, вероятно, фиксировал их в памяти – во всяком случае, никаких пометок не делал. Хотя москвич и был уверен, что запись их разговора ведется с самого начала. Если бы они встретились в его доме в Москве, то запись была бы сделана непременно.

Когда он умолк, Столбовиц сказал:

– Вы правы, здесь не один вектор развития и, может быть, даже больше, чем два. Какой из них вы предпочли бы исследовать в первую очередь?

– Значит, вы не вполне оценили ситуацию. С моей точки зрения, главная по срокам решения проблема – политическая. Сохранение вооружений, мораторий, если угодно, на их сокращение – до более спокойных времен. Но инструментом для решения политической проблемы является, как вы уже поняли, мотив приближающегося тела. Первое – цель, второе – инструмент. Но перед тем, как начать работу, мастер всегда готовит инструмент для нее.

– Разве судьба планеты вас не волнует?

– Мне представляется, что она зависит именно от политического решения.

– Ну, с этой глыбой вряд ли можно вступить в переговоры.

– Когда дипломатия пасует, берутся за оружие.

– Интересная мысль – в этом контексте. Вы полагаете, что, если на Земле разразится война, глыба испугается – и отвернет, чтобы обойти нас стороной? На это я не очень рассчитывал бы.

– Я вижу, вы сегодня настроены легкомысленно.

– Это только кажется. Объясните вашу позицию.

– Она очевидна. Глыба или пролетит мимо, или пойдет, скажем так, на таран. Вероятность пока еще трудно оценить, но у варианта «Промых», видимо, куда больше шансов: Земля в пространстве – это такая малость – меньше, чем ничего.

– Человек на фоне земного шара – не крупнее, но пуля его находит.

– Если хорошо прицелиться. А я не вижу стрелка.

– Эм-м... возможно. Но для диспута сейчас неподходящее время. Хорошо, пусть промах более вероятен. Но и попадание вовсе не исключено.

– На этом и основан политический расчет.

– Ну-ну?

– Если угроза столкновения с небесным телом станет достоянием широких масс, это неизбежно приведет к панике; но такая ситуация всегда используется определенными кру-

гами в их интересах: демонстрации, погромы, государственные перевороты – ну, вряд ли нужно перечислять все подряд.

– Не нужно.

– Я тоже так думаю. Но при возникновении такой обстановки – каким способом можно будет сохранять или восстанавливать порядок, предотвратить нежелательные последствия?

– Каким? Ага!..

– Порядок можно будет спасти лишь одним способом: применением силы. А нарушителями его наверняка станут не только отдельные лица и группы, но и целый ряд хорошо известных нам государств. И они-то уж не станут ограничивать себя в применении средств борьбы – вплоть до, – поэтому та сила, которую придется применить защитникам законного порядка вещей, должна не уступать, но превосходить противника. И есть единственный способ сохранения порядка: сохранение угрозы ракетно-ядерного ответа, а может быть, даже и превентивного удара. Он лежит на поверхности, но глубже, поверьте, нет вообще ничего. Можно ли в такой ситуации обсуждать вопросы разоружения, даже просто думать о них? Как по-вашему? У вас имеется другое решение?

– Другого я не вижу, – сказал Столбовиц, подумав.

– В этом свете как выглядит желание уничтожить – поспешно, прямо на месте – ядерный арсенал? Разве можно с этим спешить? Для вашей экономики, кстати, полезно – как

я уже сказал, да вы и сами знаете, – обратное. Но если так, к чему торопиться с подписанием Соглашения, с Конференцией – со всем этим пакетом? К тому же нет уверенности, что удалось действительно ликвидировать базы и арсеналы «третьих» – это надо проверять и перепроверять. Потребуются годы!..

– Это понятно. Наши арсеналы необходимо сохранить – во всяком случае, отложить любое решение до возникновения полной ясности. И такую политику предложить всем остальным эвентуальным подписантам... Ни Америка, ни Россия в одиночку могут не справиться, не говоря уже о прочих. Весь официальный ядерный пул – против тех, кто ухитрился сохранить свои заряды и до сих пор в этом не разоблачен. Торопить сокращение слишком рискованно – тогда «третьи» вдруг оказались бы хозяевами положения... Я верно изложил ваши тезисы?

– Да. Вот это я и называю политической проблемой. Потому что до открытия Конференции остались считанные дни; если она пройдет с успехом – а сомневаться в этом трудно, – то после нее всякий разговор об использовании ядерных зарядов в какой угодно цели способен взорвать общество. А все мы, я думаю, заинтересованы в том, чтобы жизнь оставалась спокойной, законы выполнялись, выборы происходили – и так далее. Если же информация о космической опасности возникнет в массах до начала Конференции, немедленно появится и требование отложить ее до выяснения всех обстоя-

тельств. А вы не хуже моего знаете: отложить – значит, как правило, похоронить, поскольку будут находиться все новые возражения. Вы согласны со мной?

– В этом есть здравый смысл. Но почему вы решили везти ее, эту проблему, сюда? Разве нельзя было заговорить об этом в Москве?

– Можно. Однако не нужно. Зачем, найдя клад, отдавать его другому? Я в этом не заинтересован. А вы?

– Пожалуй, это можно понять. Хорошо. Какие же шаги вы намерены предпринять – сейчас и здесь?

– Помимо встреч с противниками Соглашения везде, где это удастся – я готов даже давать показания сенатской комиссии, при сохранении секретности, конечно, – мне необходимо попасть на прием к президенту. Я обладаю информацией, которая, полагаю, его чрезвычайно заинтересует и склонит на нашу сторону.

– Вы не хотите позволить мне сделать свой вывод об интересе этой информации для президента?

– Не обижайтесь, но все же вы – не он. Вот когда в Белый дом въедете вы...

– Надеюсь, Бог убережет меня от такой судьбы. Хорошо, а что у вас второе?

– Переговорить еще с некоторыми людьми, которым придется сыграть определенную роль в предстоящих событиях.

– Кто это, по-вашему?

– Оптимально – Председатель Объединенного Комитета

начальников штабов...

– Ну, отловить его для конфиденции – задача не из простых. Он всегда занят – вы же знаете военных! Ладно, кто второй?

– Кто-нибудь из телевизионных обозревателей первой величины. Дело надо начинать, не откладывая.

– Предоставляете выбор мне?

– Думаю, вы сделаете его куда обоснованней.

– Благодарю. Что еще?

– Мне все-таки хотелось бы иметь моих людей под рукой.

– Вы понимаете, что они не имеют здесь права носить оружие – не говоря уже о его применении?

– Я не собираюсь нарушать законы. И они тоже.

– Лично я не стал бы тащить их сюда – если вы хотите сохранить должный уровень секретности. Но в конце концов...

– Заранее благодарю.

– В таком случае сейчас у вас есть возможность отдохнуть; не уверен, что она будет представляться часто. А я займусь вашими делами.

– Нашими.

– Вы правы: нашими.

* * *

Когда Столбовиц снова оставил гостя в одиночестве, глава оппозиции вместо рекомендованного расслабления по-

ступил как раз наоборот: сосредоточился, обдумывая и анализируя только что состоявшийся разговор.

Казалось, все было логично. Однако не возникало уверенности в том, что все прошло как надо.

Он попытался сформулировать то, что его смущало.

Ага, вот: уровень удивления. Нет, оно, конечно, было проявлено. Но, похоже, не было естественной реакцией на неожиданную, притом очень серьезную новость. Оно было... чрезмерным, именно так. Профессионал такого уровня обязательно скрыл бы это чувство, будь оно подлинным. В уровне Столбовица москвич давно уже не сомневался. Да, удивление скорее всего было сыграно. Сыграно неплохо. Однако, как говорил Станиславский: «Не верю!»

А раз настоящего удивления не было, причина могла быть лишь одной: Столбовиц заранее был в курсе всего.

Да конечно же, был. Невозможно предположить, чтобы то, что стало известным российским астрономам, политикам и оперативникам, не было вовремя замечено и оценено в Америке. Было, было.

Да собственно говоря, и сам он, еще только принимая решение лететь сюда, уже был уверен, что кто-то – Лэнгли, Пентагон, Белый дом – в курсе астрономических наблюдений. У них одна «Чандра» чего стоит, космическая обсерватория НАСА. Можно поспорить на тысячу долларов, что «Чандра» сейчас во все глаза смотрит именно на космического бродягу.

Но ведь и намерением самого политика было не огоршить великодержавников страшноватой новостью, но лишь согласовать планы, которые у них непременно уже должны были иметься. Планы замедления процесса разоружения. Так что если бы Столбовиц сделал хоть намек на то, что информацией по этому поводу они обладают...

Но он этого не сделал. Не был откровенен.

Почему? Причина скорее всего самая простая: им любопытно прежде заглянуть в наши планы – мои, думал он дальше, – и потом решать, в какой степени можно – если вообще нужно – идти на сотрудничество.

Ну что же: первый шаг сделан, указано направление, в каком я собираюсь развивать события. По их реакции будет видно, насколько оно совпадает со здешними намерениями и схемами.

А если они не совпадут с моими?

То, что Столбовиц согласен играть против нынешнего президента, если не удастся убедить его в опасности избранного пути, вовсе не значит, что так думают и другие. Конечно, многое зависит от того, насколько хозяин Белого дома тверд в своей позиции ядерного разоружения. Насколько убеждены его советники. Нет сомнения в том, что военные хотят сохранить потенциал: какой военный и когда добровольно отказывался от мощного оружия? Ведь на этой мощи зиждется их авторитет, вес в обществе. Военным нужна угроза извне – она оправдывает их существование. Но ес-

ли ядерных головок не будет – кто и чем сможет угрожать Соединенным Штатам? Террористы? Но для борьбы с ними ядерное оружие как раз не требуется, потому что против них оно неприменимо. Значит, кто-то должен обладать кулаком, которым можно время от времени грозить великой стране. Россия, Китай, арабы, да кто угодно – но враг должен быть. Комета? Пусть хоть комета.

Да, намерения военных просчитываются легко. Но это еще не значит, что они станут играть против Овального кабинета: куда привлекательнее может показаться им идея договориться с действующим президентом, а не предположительным – до выборов еще есть время... Они могут сделать это, подав проблему так, как сделал бы это и я, по той же схеме: ядерные ракеты нужны для безопасности уже не только Штатов, но и всей планеты.

А у главы США есть еще время круто изменить курс: партийный съезд, на котором будет официально выдвинут кандидат в президенты от республиканцев, состоится через три недели – и именно там можно огорошить нацию новостью и провозгласить изменение политики в отношении ядерных ракет. Америка вновь спасет мир – девиз, под которым можно избрать кого угодно.

Но для него, российского оппозиционера, это станет полным проигрышем. Потому что российский президент, едва услышав об этом, сделает то же самое, понимая, что ничего иного предпринять просто нельзя.

Нет, здесь нужно бороться до конца. И добиться нужного результата любой ценой: информация раньше времени не должна стать известной – здесь и во всем мире.

До сих пор тут, похоже, считали так же: ни в печати, ни на телевидении – ни малейшего намека на космическую угрозу. Надевать намордники на журналистов здесь сложнее, чем у нас, – однако факт налицо: молчание. Но ни в коем случае от неведения.

Что делать, если президент в Вашингтоне будет упорно стоять на своем?

Тогда останется одно: внушить людям, от которых зависит если не все, то, во всяком случае, очень многое в политике, – уверить их, что он изменять курса не станет. И потому, что упрям. И потому еще, что... Почему же? Надо найти. Подсказать Столбовицу...

Вот черт, подумал он, внутренне усмехнувшись, кто бы мог подумать, что я приму столь деятельное участие в предвыборной кампании американского президента? Да нет, это, собственно, вовсе не так; я просто выстраиваю американский аспект моей собственной кампании и не более того.

А авторитетному журналисту-обозревателю накидать намеков, всяких недоговорок и вещей типа: «Мы в России удивляемся, глядя, как тут у вас...» – ну и что-нибудь этакое.

Да, вот именно так. Кстати, о нас в России: Гречин предупрежден, не позвонить ли еще и на «Шахматный» канал?

Позвонил; но не дозвонился: главный редактор «Шахматного» был где-то вне зоны приема, а где – на канале никто не знал. Ладно, время еще есть.

Теперь, пожалуй, можно и действительно отдохнуть. Все же столько времени в самолете, да и смена поясов влияет – дома я сейчас, вернее всего, спал бы... Где я здесь буду спать?

Стоя перед кроватью, он сладко потянулся. Приятное это занятие прервал телефон.

– Отдохнули?

Это Столбовиц.

– Наилучшим образом, благодарю вас.

– Хорошо. Я сейчас лечу к вам. Приготовьтесь: удалось договориться о встрече – только-только успеем долететь.

– С обозревателем?

– С генералами. Так что вооружитесь до зубов. На ту же тему, что со мной: небесное тело, соглашение и ракеты. И так – через двадцать минут на площадке.

Приезжий рысцей протрусил в ванную. Душ сейчас был как раз кстати.

Минич положил трубку и удивленно сказал Джине:

– А говорят, что чудес не бывает.

– Ну, что он сказал?

– Прямо невероятно. Я думал, что он меня пошлет...

– Что ты думал, я знаю. А он что?

– Я просто ушам не поверил: прошло на ура. Он, мне показалось, в дикий восторг пришел – словно ждал именно чего-то такого. Сразу же дал «добро», сказал, чтобы я не хватал себя за руки – места даст столько, сколько потребуется, и попросил сделать все так быстро, как только могу, – и сразу же к нему, не в отдел, а прямо.

– Замечательно. Я рада за тебя.

– Спасибо.

– Больше он ничего не сказал?

– Строго-настрого предупредил, чтобы никому ни полслова, а то кто-нибудь другой подсуется и перехватит. Сказал, что такой гвоздь непростительно было бы уступить даже родному отцу.

– Разве об этом нужно специально предупреждать?

– Да нет – все и так прекрасно понимают. Скорее, он слишком уж взволновался, по-моему. Может, просто устал – день был длинный.

– Может быть, – сказала Джина задумчиво. – Хотя... что-

то не очень хорошие у меня предчувствия. Знаешь что? Давай-ка поскорее уедем отсюда.

Но Минич, чье настроение после разговора с Гречиным резко улучшилось, предпочел бы другой вариант:

– Темно уже, дорога нелегкая, и устал я, откровенно говоря. Лучше бы задержаться тут до утра? Чем плохая идея?

Он встал, подошел к Джине сзади, положил ладони ей на плечи, тем самым договаривая то, что не было высказано в словах.

Джина не стала высвобождаться из его рук. Но покачала головой:

– Слишком рано расслабляться.

– Послушай... Останемся.

– Нет. – Только теперь она повела плечами, сбрасывая его ладони. Встала.

Но у него уже вступило в голову. И не только.

– Так, значит? А с Люцианом спала. Я что – хуже?

И подумал: сейчас даст по морде.

Но она вроде бы не обиделась. Не очень понятно усмехнулась:

– Я и с другими спала, к твоему сведению. Вот такая. И греха в этом не вижу: никого не обманывала и денег не брала. Ну и что?

– Да нет... – пробормотал Минич, опешив. – Ничего...

– Я не против твоей... идеи. Но не сейчас и не здесь. Не в доме Люциана, понятно?

– Когда же? Где? – Миничу уже казалось, что он хочет эту женщину – всерьез и надолго, и даже – давно, хотя последнее было и вовсе нелепым. Такое приключалось с ним не впервые, но каждый раз он переживал все заново. – Может быть, тебя смущает, что Люциан умер? Он не обиделся бы, поверь мне... – И он снова протянул руки, чтобы обнять ее.

– Нет! – На этот раз слово прозвучало резко, как выстрел без глушителя. – Хочешь ночевать здесь – ночуй. А я пойду.

– Ночью? Пешком?

– Ничего. Мне уже приходилось.

Она взяла сумку. И пошла к двери – решительно, твердо ступая.

– Постой!..

– Я сказала – нет.

– Да ладно, будь по-твоему – поедем...

Ему действительно не хотелось сейчас садиться за баранку. Минич был не из тех, кто даже в туалет по малой нужде старается доехать в машине; садился за руль тогда, когда и в самом деле было нужно. Но отпускать женщину одну в ночь, в этой диковатой (на его взгляд) местности было бы совершенно недостойно – тем более что ему хотелось сохранить знакомство.

– Если ты быстро соберешься.

– Ты так спешишь?

Джина ответила не сразу:

– Мне тут стало не по себе...

– Обиделась? – высказал он догадку.

– На тебя? – Она чуть улыбнулась. – Нет, конечно. Просто возникло вдруг нехорошее предощущение. А я верю в такие вещи.

Собирался он недолго – по сути, сборов никаких и не было, взял только все найденные материалы покойного астронома-любителя, погрузил в пластиковый пакет – он всегда носил один такой в заднем кармане брюк на случай, если понадобится что-то купить по дороге. Выключил свет, когда Джина уже вышла на крыльцо. Тщательно запер дверь. Ему уже хотелось и в самом деле сохранить этот домик за собой: теперь с ним было связано и чисто личное воспоминание, пусть и не самое приятное. Подошел к машине, отворил дверцу, включил внутреннее освещение, внимательно оглядел салон, заглядывая даже под передние сиденья.

– Ты что-то потерял?

– Нет. – Минич принужденно усмехнулся. – Подумал, что эти – как их назвать – гости могли что-нибудь и подбросить. Насмотрелся фильмов...

– Если бы только в фильмах, – сказала она. – Нашел?

– Нет. Остался багажник, да и под капот посмотреть стоит.

– Только побыстрее, пожалуйста! – Минич услышал в ее голосе подлинный страх. Покачал головой.

– Ладно, садись. Будем надеяться...

Все же зажигание он включил, преодолевая некое внутреннее сопротивление. Не иначе, как страхи женщины пере-

дались и ему? Погода стояла теплая, не было нужды прогреть мотор, и он сразу же врубил скорость и дальний свет.

– Света не надо, – тут же проговорила Джина.

– Без него – до первого дерева.

– Ну пожалуйста...

Минич повиновался, удивляясь своей сговорчивости. Оставил включенными только габариты. Трогаясь с места, предупредил:

– Ехать придется со скоростью пешехода.

– Хорошо, хорошо...

По роще действительно так и пришлось двигаться – небо затянуло облаками, и света от него не было никакого, подфарники давали видимость на расстояние двух-трех метров. Когда выехали на поляну, стало можно немного прибавить, здесь не было опасности налететь на препятствие. Они проехали примерно полпути до предстоявшего подъема на дорогу, когда Джина вдруг крикнула вполголоса:

– Стой, стой!

Он тут же затормозил – невольно, просто сработал рефлекс.

– Что такое?

– Свет. Видишь – свет.

Теперь он и сам увидел длинные, расширяющиеся клинья света, медленно покачивавшиеся впереди вверх-вниз, хотя источник их еще не был виден.

– Едут. Это они!

Он не стал спрашивать – кто.

– Сверни куда-нибудь, пока нас не видят. Да быстрее! Ради Бога!

Засядем – эта мысль сразу же пришла ему в голову. Но выбирать не приходилось. Он отпустил сцепление, круто повернул баранку, покидая наезженную тропу, и поехал под прямым углом к ней, Переключил на вторую, потом даже на третью, стремясь отъехать подальше. Лучи далеких фар полоснули по заднему стеклу, и Минич на миг внутренне сжался: заметят? Не заметили, видимо, и лучи ушли в сторону: ехавшая машина спустилась с дороги на тропу. Сомнений не осталось: она направлялась именно к дому, который Минич и Джина только что покинули.

Он остановил машину, габариты выключил еще раньше. Теперь и услышать их было нельзя; от тропы успели отдалиться метров на двести, потому что и чужая машина ехала не быстро, опасаясь дорожных происшествий. И только когда задние красные огоньки джипа (то был именно джип, судя по звуку движка) скрылись за деревьями, Минич решил поскорее вернуться на тропу, выехать на дорогу – а там давай Бог ноги.

Но не получилось. Остановиться-то было просто, а вот снова трогаться машина не пожелала. Собственно, машина тут была ни при чем; останавливались, не выбирая места, и сейчас под колесами был тот самый песок – сухой, мелкий, глубокий. Забуксовали. Минич раз и другой попопробо-

вал раскатать машину – не вышло, задние скаты работали, как траншейный экскаватор, еще немного – и сели бы на дифер. Минич выключил мотор, откинул голову на подголовник, расслабляясь. Сказал чуть ли не весело:

– Засели основательно.

Джина ничего не ответила.

– Придется ждать, пока не рассветет. Там что-нибудь сообразим. Эти, я думаю, долго гостить не будут – уедут еще затемно, если так, то нас не заметят. Или, может, решили там надолго обосноваться – тогда тоже как-нибудь вывернемся. А?

Джина снова промолчала.

– И что мы им такого сделали? Скорее всего хотят еще что-то забрать оттуда – может, то самое, что мы увезли. А зачем им? Эй, ты что – уснула?

Джина пробормотала что-то невразумительное. Она сидела, упиравшись плечом в дверцу, опустив голову на грудь. Минич положил руку на ее плечо. И ощутил мелкую дрожь. Джину трясло. Заболела?

– Что с тобой, эй?

Она попыталась ответить и не смогла: зубы стучали.

Минич обнял ее, прижал к себе. Подумав – с усилием пересадил женщину к себе на колени, потом нашарил и нажал рычаг, превращая правые сиденья в хотя и неудобное, но все-таки ложе. Чтобы переложить Джину туда, пришлось выйти из машины и зайти с другой стороны. Так он и сделал. По-

жалел, что нечем было накрыть ее. Джина еле слышно про-
бормотала тонким голосом:

– Холодно...

Он затворил правые дверцы – не хлопая, но сильно на-
жимая бедром. Вернулся на свою сторону, разложил и води-
тельское кресло. Улегся рядом с Джиной. Заблокировал все
дверцы.

– Ближе... ближе... согрей меня.

Он прижался к ней всем телом. Сколько-то времени про-
шло – он почувствовал, как утихает дрожь, успокаивается ее
дыхание. Он повернул ее лицом к себе и губами нашарил ее
губы. На поцелуй она ответила неожиданно горячо, и он по-
чувствовал, что сейчас ему все будет позволено.

По теплomu времени надето на ней было очень немного.
Объятие получилось неожиданно жарким, не как уступка с
ее стороны – как желание, сильное, горячее. Да и сам он дав-
но не испытывал такого влечения – по силе и продолжитель-
ности. Конечно, малолитражка – не самое удобное место для
любви, но сейчас ее несовершенства им не мешали. Может
быть, только что перенесенный страх способствовал такому
взрыву чувственности? Но им некогда было думать об этом.
В одно из кратких мгновений прояснения Минич подумал,
что этак машина и в самом деле уйдет в песок по самое дни-
ще. Но сейчас ему – им обоим – наплевать было на все, что
могло быть потом. Если бы даже они стали проваливаться к
центру планеты, они далеко не сразу заметили бы, что стало

слишком жарко: и так уже были раскопчегарены до предела. Станным казалось, что окружавшая их темнота еще не раскалилась докрасна.

Устав наконец, они еще долго лежали рядом, стараясь как можно большей поверхностью тела прикоснуться друг к другу. Как нечто, не имеющее к ним отношения, Минич в полудреме заметил: конусы света снова обозначились невдалеке, сдержанно пророкотал сильный мотор – и все это ушло своей дорогой.

Лишь когда за стеклами машины воздух стал сереть, Минич приподнялся и стал разыскивать то, во что был одет вечером: пора была привести себя в порядок, вытащить из багажника лопатку и попробовать высвободиться из песочной ловушки. Уж очень не хотелось идти в деревню и нанимать кого-нибудь, чтобы вытянули на дорогу.

Джина спала и проснулась только тогда, когда, изрядно поработав лопаткой, Минич включил мотор и стал выбирать. Это удалось не сразу, и все это время Джина молча оставалась на неудобном ложе. Только когда он вылез наконец и развернулся, готовый в путь, она проговорила тихо:

– Постой, дай привести себя в порядок...

Когда она оделась и вышла, оба в нерешительности постояли несколько секунд друг против друга, решая, похоже, как отнестись к тому, что произошло ночью: сохранить – или забыть раз и навсегда? Джина решила первой – шагнула и спрятала лицо у него на груди. Было, понял он и счастливо

вздохнул, обнимая ее.

Когда уже проехали кольцевую, Джина спросила:

– Куда ты сейчас собираешься?

– Домой, – сказал он. – Сперва, конечно, завезу тебя, куда скажешь. Схожу под душ и сразу – за работу: ковать, пока горячо.

Покосившись, Минич увидел, что на лице ее возникло скептическое выражение.

– Ну говори, что там у тебя...

– Вряд ли тебе удастся поработать, как ты хочешь.

Он сделал вид, что не понял:

– Думаешь, усну за столом?

Она ответила вопросом же:

– Почему они, по-твоему, снова нагрянули туда?

– А ты как считаешь?

– За тобой. Ты им понадобился.

– И что я такого им сделал? – раздраженно подумал Минич вслух.

– Это им лучше знать. Но думаю, что тебе с ними не стоит встречаться, пока не напишешь и не отдашь твою статью – или что это там будет. А домой к тебе они наверняка придут. Если еще не пришли.

– Черт, – сказал он. – Вот приключение на мою голову. Куда же мне теперь деваться?

– Могу предложить мое жилье – на первых порах хотя бы.

– Гм... У тебя там можно работать?

– А что я, по-твоему, – провожу дни в безделье?

– Я и не знаю, где ты работаешь или служишь.

– Я – свободный художник, если угодно. А серьезно – занимаюсь целительством, снимаю порчи, составляю гороскопы... эзотерика, одним словом. Да я уже говорила. Принимаю на дому. Снимаю двухкомнатную квартирку – недалеко от Киевской. Одну комнату могу тебе уступить – пока дела не прояснятся.

– Спасибо. Предложение принято.

Он принялся рулить по ее указаниям.

А в его собственном жилье далеко не сразу поняли, что он вряд ли вернется домой в ближайшем будущем.

Вот так иногда начинается любовь. Хотя в этом именно случае трудно поручиться за то, что это действительно глубокое чувство вспыхнуло; может быть, просто – нервная разрядка, вспышка обоюдного влечения или просто – привычка к такого рода приключениям сработала. Надо полагать, время покажет.

А вот насчет отношений между двумя другими людьми можно с первого взгляда утверждать: да, это – настоящее чувство. С первого взгляда – потому, что до сих пор мы ни с этим мужчиной, ни с женщиной не только никогда не встречались, но о них ни слова и не слышали. Хотя, видимо, впредь и придется.

Эта пара нас не так интересует, как те двое, с кем мы только что расстались, – хотя бы потому, что люди они не наши, в смысле – не российские граждане, а американские, и к России никакого отношения не имеют, хотя с русскими встречаться им приходилось по роду служебной деятельности. Но все-таки подлинное чувство всегда как-то притягивает, и наблюдать за людьми, ему подверженными, бывает очень приятно – как если бы и тебя самого как-то озаряло, хотя бы самым краешком, сияние любви. Сам начинаешь испытывать и радость, и, к сожалению, порою – грусть.

На этот раз грусть – потому что любовь их трудно начи-

налась и еще труднее продолжается.

Причины же были не в их бедности – потому что никто из них к этому социальному состоянию никак не относился. Оба были из, мягко выражаясь, хорошо обеспеченных, а то и просто богатых семей. Сами они, правда, не занимались бизнесом, а находились на государственной службе, и на такой, что оплачивалась очень неплохо – даже по американским представлениям. Так что не в отсутствии денег была беда и даже не в их количестве. Поскольку супруг интересующей нас женщины возглавлял крупную компанию, производящую высокотехнологическую, вполне современную продукцию и получающую неплохие прибыли. А супруга влюбленного мужчины владела достаточно доходным производством.

Они оба, что называется, не были свободными. И проблема освобождения была для них сейчас главной, а кроме того, и самой сложной.

Будь они звездами кино, поп-арта или спорта, все было бы куда проще. Для таких людей развод (так принято считать) – неизбежная и постоянная составляющая их образа жизни, которая помогает делать рекламу и поддерживать интерес к звездам среди самой широкой публики.

Но в тех кругах, к которым принадлежали наши двое и по рождению, и по воспитанию, семейному положению, да и по служебному тоже – к такого рода происшествиям относились весьма отрицательно. И хотя в обеих семьях покоя уже

не было, до бракоразводных процессов дело не доходило и вряд ли могло дойти – потому что все, имевшие к этому отношение, были категорически против.

А любовь с этим мириться не желала. И приходилось встречаться и ласкать друг друга – ну, не в автомобиле, конечно, хотя машины каждого из них были куда больше, комфортабельней и дороже, чем та, какой воспользовались Минич с Джиной; но все же и не дома, а чаще всего в мотелях, иногда же – и просто на лоне природы. И чем дальше, тем все это становилось труднее – не столько физически, сколько морально. Они хотели быть вместе! И не по несколько часов раз или два в неделю, а постоянно. До сих же пор они могли видеть друг друга и разговаривать – если не считать уже упомянутых тайных свиданий – только на службе, на постоянных тренировках экипажа предстоящей в не очень определенном будущем марсианской экспедиции. Потому что оба они принадлежали к отряду астронавтов НАСА. Даже больше: к отобранным кандидатам в состав экипажа корабля «Амбассадор».

Они оба хотели в ней участвовать. Они любили свое дело и были на хорошем счету. Любой скандал отбросил бы их далеко от цели. Так что оставалось лишь терпеть.

– Зато когда мы вернемся... – иногда говорила Бриджит мечтательно. А он в ответ снова целовал ее – и никак не мог остановиться.

Главный правительственный связист не стал все-таки дожидаться, пока из поездки вернется президент. Он мог, конечно, связаться с президентом в любой миг, где бы тот ни находился; технически мог, но решился бы на такой поступок только в самом пожарном случае, беспокоить же главу государства из-за информации, больше всего смахивавшей на очередной слух, не считал возможным. Будь это чем-то действительно важным (полагал он), оппозиционер и сам доложил бы президенту; оппозиция там или нет, но интересами страны и она не позволит пренебрегать. Значит, не захотел зря волновать – так подумал связист, не допуская до себя никаких иных мыслей.

Однако давешнее решение все же поделиться своими сомнениями с главой администрации за ночь не изменилось. И почти в тот же час, когда глава оппозиции убыл в Штаты обычным рейсом «Дельты», связист поехал на Старую площадь.

Глава администрации выслушал его, глядя своими немигающими глазами, как всегда, куда-то в сторону. Насчет этого взгляда в близких к власти кругах ходила даже байка, что встретиться с глазами этого человека означало приближение какого-то чрезвычайного события, которое могло быть и очень хорошим, и таким скверным, что дальше некуда. А

выслушав – глава администрации так уперся взглядом в связиста, что тому почудилось даже, что он ощутил то ли толчок, то ли легкий электрический шок.

Впрочем, через миг высокий чиновник снова отвел глаза в сторону и сказал своим обычным, приглушенно-ровным голосом (так он говорил обычно, потому что стоило ему заговорить громче, как в голосе начинали звучать визгливые нотки, от чего всем делалось не по себе):

– Спасибо за информацию. Прошу считать ее совершенно секретной – впрочем, вы и сами это уже поняли, я прав? (Связист судорожно кивнул.) У вас еще что-нибудь, или это все?

Конечно же, не все это было: только неопытный поперся бы к руководителю администрации с таким сомнительным делом совершенно неофициального характера. Был и деловой вопрос: требовались средства на усиление дальневосточной линии связи (Китай, Япония, Корея), поскольку нагрузка на нее росла не по дням, а по часам.

– Собственно, я к вам вот зачем: нужна новая волоконно-оптическая линия, а то у нас до Хабаровска дотянута, а дальше – деньги кончились, потому что цены выросли на кабель...

– Давайте ваши предложения.

Предложения были подготовлены в письменном виде. Глава администрации скользнул по ним глазами, для проформы: все это уже проговаривалось устно, в кулуарах.

– У нас таких денег сейчас нет. – И этот ответ был известен заранее. – Но я сегодня встречаюсь с Гриднем, он уже выражал желание поучаствовать в этой работе – с тем, что в дальнейшем сможет и сам пользоваться новой линией.

Кто такой Гридень и зачем ему дальневосточная сверхзащищенная линия – объяснять не надо было. Существовала лишь неясность – когда она ему понадобится. Именно это связист и хотел выяснить.

– Хочет ветку на Камчатку? Было бы очень неплохо, – сказал он. – У него-то деньги всегда найдутся.

– Позвоните мне завтра – сообщу вам о результатах. Если договоримся – дальше уже вам придется с ним приходить к соглашению по конкретным вопросам.

Связист внутренне поежился: разговаривать с Гриднем всегда было трудно; и не только потому, что магнат носил неофициальный титул самого богатого человека в России, но главным образом по той причине, что переговоры с ним всегда заканчивались тем, что принимались его условия, и никогда – наоборот. И он при этом никак не давил и даже не обманывал; просто у него была какая-то такая логика, против которой нельзя было устоять.

На этом разговор и закончился; к теме катастрофы больше не возвращались. И однако правительственный связист был совершенно уверен, что глава администрации не только не пропустил сказанного мимо ушей, но напротив – очень хорошо запомнил и уже как-то по-своему оценил. А не ожи-

данный прямой взгляд его, возможно, означал, что прежде ему об этой теме и о внезапном ее засекречивании ничего не было известно и что своим докладом связист сделал для главы администрации что-то очень важное. Впрочем, интерпретация взглядов — дело сложное и не каждому доступное. Тем не менее на службу связист ехал в хорошем настроении.

Разговор главы администрации с Гриднем действительно состоялся в тот же день. Однако посвящен он был главным образом вовсе не новой линии связи и вообще делам не совсем государственным.

Гридень возглавлял холдинг, в котором было, как уже говорилось, всякой твари по паре: и добывающие компании, и обрабатывающие, и торгующие, и банки, и – отдельно – информационные. И уже некоторое время тому назад между ним и администрацией завязались интересные отношения: не то чтобы чисто дружеские, но и не чисто служебные, а скажем так – доверительные, что ли. Когда хозяин кабинета на Старой площади увидел, что перед ним отворяют узкую дверцу для сближения с магнатом, он такого случая не упустил – и до сих пор ни разу об этом не пожалел. Гридень всегда привлекал его, потому что в капиталисте чувствовалась сила – большая и, что еще важнее, настоящая, подлинная, то есть не зависящая ни от каких выборов, симпатий и антипатий политических партий и деятелей, но лишь от тех не только по российским масштабам очень больших денег, в которые оценивалась гриденевская собственность, и еще тех, которыми он ворочал через банки.

Приглашение к более интимному общению сразу возвысило администратора в собственных глазах и заставило вести

себя достойно и сдержанно. Иными словами, никаких подачек не принимать, ни о каких услугах не просить, хотя иногда они и очень не помешали бы, ни на что не напрашиваться, а нечастые просьбы магната (все в рамках и закона, и, в общем, этики) выполнять безвозмездно, как бы из чистой дружбы.

С год высокий чиновник ощущал, что подвергается многостороннему испытанию, что постоянно находится у Грид-ня на виду: поэтому даже то небольшое, что позволял себе раньше (например, расслабиться в тесной компании или воспользоваться своим положением для получения чего-то сверх того, что ему официально и безусловно полагалось), он как ножом отрезал.

И совсем недавно, по неуловимо изменившемуся отношению Грид-ня к нему, ощутил, что экзамены – всю сессию – сдал, похоже, на пятерки, и теперь следовало ожидать, что ему будет выдан диплом; что в нем будет записано – можно было только догадываться, но была уверенность, что это будет нечто нетривиальное.

И вот сейчас этот день, похоже, пришел.

Начался он с обычного телефонного звонка. Звонил Гри-день; это следовало считать событием незаурядным.

– Рассчитывал сегодня повидаться с вами, – сказал Гри-день своим обычным негромким голосом, – но врач просит заехать к нему показаться. А с медициной, как вы знаете, не спорят.

Глава администрации все прекрасно понял.

– Я как раз тоже собирался в поликлинику, – ответил он.

– Надеюсь, ничего серьезного?

– И несерьезного тоже. Но мелкие волнения, как всегда.

– Надо справляться с ними, пока они не вырастают до крупных. Так что не пренебрегайте врачами.

– Вы меня убедили. Еду сейчас же, – сказал работник со Старой.

– А я уже в пути. До свидания.

– Всего самого доброго.

Глава администрации сразу же вызвал машину.

Они очень редко и только по совершенно официальным поводам встречались в служебной обстановке – на Старой площади или в гриденевском небоскребе, в котором помещались конторы основных компаний его холдинга. И при этом никогда не оставались наедине. А когда возникала такая надобность (инициатором по большей части был Гридень), пользовались для этой цели поликлиникой – элитарной, к которой оба были приписаны. Наблюдающие врачи у них были разными, но кабинеты их располагались рядом, их разделяла только еще одна комната. Она считалась экспресс-лабораторией и в самом деле была оборудована всем необходимым для такой деятельности; войти в нее можно было как из одного, так и из другого кабинета – войти и быть уверенным, что никто тут вас не увидит и ни слова не услышит: новое здание поликлиники ставила строительная ком-

пания из гриденевских, и было сделано все для полной информационной безопасности.

Гридень приехал на четверть часа раньше и действительно подвергся осмотру у своего терапевта: со здоровьем магнат и в самом деле шутить не собирался. Глава администрации тоже побыл у своего врача, но его осмотр потребовал меньше времени, поскольку был чиновник человеком достаточно молодым, спортивным и, как принято говорить, практически здоровым. Так что медицинские процедуры у обоих закончились почти одновременно. Как раз в эту минуту лаборантка, в чьем ведении находилась экспресс-лаборатория, получила распоряжение съездить в клинику за результатами тех анализов, что производились в стационаре у находившихся там сейчас пациентов доктора Семкина – того самого, что курировал Гридню. Таким образом, нужная комната освободилась, и Гридень с чиновником вошли туда – каждый через свою дверь – совершенно синхронно.

Врачи уже занялись новыми пациентами; небольшой прибор на стене, отнюдь не бросающийся в глаза среди множества чисто медицинских аппаратов и устройств, свидетельствовавших о крайне высоком уровне здравоохранительной технологии в этом учреждении, – приборчик этот, чей индикатор светился приятным для глаза зеленым светом, засвидетельствовал, что говорить можно, не опасаясь визуального наблюдения или прослушивания (здесь даже жалюзи на окне гасили всякий звук так, что он вовсе не доходил до стекол).

Будь что-то не в порядке – индикатор сперва замигал бы, а потом и сменил цвет на красный. Итак, никаких помех не возникало, и можно было говорить откровенно.

– Я рад видеть вас в добром здравии, – начал Гридень. – И надеюсь, что врачи не обещают вам никаких ухудшений. Потому что в ближайшее время – если мы договоримся, разумеется, – вам потребуется все ваше здоровье, выносливость, ум, решительность и те связи, которыми вы успели обзавестись, находясь не только на нынешнем вашем посту, но и прежде.

Нынешний глава пришел в администрацию из внешней разведки, и Гридень, надо полагать, имел в виду именно это обстоятельство.

– Я бережно отношусь и к здоровью, и ко всему другому, о чем вы упомянули, – ответил собеседник.

– Меня радует, что вы довольны своим здоровьем. Как вы, я полагаю, знаете, я достаточно давно наблюдаю за вами. И должен сказать, с удовольствием вижу, как вы растете. Быстро – и в нужном направлении. Скажите: не стало ли вам тесновато на Старой площади? Не ограничивают ли вас эти стены? И не хочется ли вам выйти за их пределы?

– Н-ну...

– Выйти самому. Потому что ощущения подсказывают мне, что там, где вы сейчас работаете, назревают перемены. И будут они не в вашу пользу. А если покатитесь, не подстраховавшись, – подняться на ноги будет очень нелегко. Ухо-

дить надо, как вы понимаете, вовремя.

– Если бы я увидел более обширное пространство...

– У меня оно есть для вас. Оно ограничено только поверхностью планеты.

Политик, привыкший к сдержанности в проявлениях эмоций, все же не удержался и покачал головой:

– Звучит привлекательно.

– Не стану говорить загадками. Речь идет о новой компании, которая будет создана в рамках холдинга (Гридень не назвал имя этого холдинга – оно и без того было ясным). Я некоторое время размышлял над кандидатурой председателя правления этой компании. И остановился на вас.

Собеседник слегка поклонился в знак благодарности.

– Если мой опыт может в ней пригодиться... Чем будет заниматься новая фирма?

– Она будет называться «Шиповник». – Гридень чуть усмехнулся. – Не пугайтесь, это не садово-огородный кооператив. Слово «Shipowner» – вам перевести?

– Спасибо, нет нужды. Следовательно – шиппинг? Или шипрайтинг?

– Возможно, в будущем мы и купим николаевские верфи: там они достаточно быстро умирают. Хотя меня больше привлекает Дальний Восток. Все-таки Тихий океан – не Черное море. А на Камчатке я уже стою твердо. Но начинать надо с шиппинга. Сейчас завершены переговоры, мы приобретаем три танкера класса «Супер».

– Нефть?

– Для начала. И контейнеры. А в перспективе – от танкеров до банановозов, по всему диапазону. Rull, Russia!..

– Драться с греками?

– Ну, не только. А вы не любите драк?

– Не люблю по мелочам. А если дело стоит драки – отчего же. Готов. Каков установочный капитал компании?

Вместо ответа Гридень достал из кармана электронный блокнот, нажал несколько клавиш. Показал.

– Думаете, хватит? – спросил собеседник, посообразав немного. – Придется ведь...

– Знаю, знаю. Сейчас больше не выходит – много денег забирает строительство камчатского курортно-туристического комплекса. Кстати, ваш хозяин сейчас там; хотя – кому я это говорю!.. Сообщают, что ему нравится. Но надо только начать. Денег я достану – по ходу действия. Можете заверять всех, с кем будете разговаривать: затруднений с зарплатой не будет.

– Кстати...

– Да-да. Вот ваша ставка.

Гридень нажал еще несколько клавиш.

– Ну и разумеется, некоторое количество акций. Местоположение фирмы – я присмотрел неплохой домик на Охотном ряду, а пока его будут приводить в порядок – будете располагаться здесь, на двадцать седьмом этаже.

Он откинул голову, прищурился:

– Итак, мое предложение высказано. Нужен ваш ответ. Только не просите времени на размышления и консультации с женой.

– И не собираюсь. Я согласен. Когда?

Гридень улыбнулся:

– Как только вернется с Камчатки – а теперь уже, вернее, из Монголии ваш шеф, – если не случится мировой катастрофы...

Человек со Старой площади чуть нахмурился: всего на миг. Он вспомнил. И как ни мимолетно было это движение лицевых мускулов, оно не ускользнуло от Гридня.

– Вы уже в курсе? – спросил он быстро, перегибаясь через стол. – Где, что? Уже – или только ожидается?

– Пока – на уровне слухов, но...

– Рассказывайте.

Информация в передаче заняла немного времени.

– Понятно, – бормотал Гридень. – Понятно, понятно... Совпадает.

Ему и в самом деле было понятно не только то, что информация, уже полученная им совсем недавно, подтверждается, но и другое: когда информация эта станет общедоступной – а она рано или поздно выйдет из-под контроля, – начнется паника. Акции обрушатся. Следовательно? Все, что можно, надо сливать сейчас – ненавязчиво, чтобы не сбить цену. Брать деньги. Потом выбросить информацию – и скупать за гроши все, что можно и нужно покупать. Акции пароходств.

Судостроительных заводов. Ну и конечно же – нефть, газ, металлы... Что нужно сейчас, немедленно? Выйти на источник информации. Иметь ее и контролировать. Результаты могут быть баснословными. И ведь не о России речь идет в первую очередь. Паника будет всемирной. И биржи полетят не только и не столько тут...

– Итак, вы приняли мое предложение.

– Несомненно.

– Прекрасно. Вы состоите у меня на должности с этой минуты. Но по названным вами причинам физически останетесь пока на прежнем месте, и наше соглашение до поры пребудет конфиденциальным.

– Вы хотите...

– Я хочу, чтобы вы собрали в своих руках все существующие и возможные каналы информации по поводу предполагаемого события. Постоянно держали меня в курсе. И поступали с этой информацией – а также с ее носителями – так, как буду указывать я. Понадобятся деньги – только скажите. Если надо будет купить обсерваторию – и на такие расходы я пойду. Или нанять, это было бы лучше. Со всеми звездочетами. Здесь или в Австралии – не имеет значения. Для того чтобы успешно проделывать эту работу, вам выгоднее оставаться в нынешнем кабинете. А пост в «Шиповнике» вы уже заняли, но эти дела могут и обождать немного: их мы способны регулировать, а вот полет космического тела нам, к сожалению, неподвластен. Вы меня поняли? Согласны?

– По-моему, это самый правильный путь. Если я верно понимаю, после того, как угроза исчезнет, вы сможете значительно увеличить начальный капитал компании?

– О, в этом не сомневайтесь. У нас будут такие корабли...

– Суда, – не удержался собеседник магната, чтобы не поправить.

– Bravo. Вы уже становитесь специалистом. Вот вам мой личный номер. Линия спутниковая, защищена абсолютно. И я буду готов принять вас в любой миг, как только это потребуется.

– Спасибо.

– Да, вот что еще. Президент в курсе?

– Туда ему, насколько я знаю, не сообщалось. Иначе он проявил бы хоть какой-то интерес.

– Я бы не стал его беспокоить. Сначала разберемся сами.

«Ну понятно, – подумал шеф администрации. – Сейчас инициатива у тебя в руках, а узнай об этом первый – неизвестно еще, что он станет делать...»

Вслух же он сказал:

– По сути, нет ведь ничего столь определенного, чтобы докладывать на самый верх.

– Совершенно верно. Итак – успехов.

– Всего наилучшего.

В лимузине Гридень продолжал думать над вновь открывшейся перспективой. Тут было, над чем поразмыслить, и помимо главных, совершенно ясных для него ходов.

Нет, сама, возможно, предстоящая катастрофа Гридня, прямо сказать, не очень беспокоила. Он в нее просто не поверил. Почему? Ну не поверил, и все тут. Подсознание не говорило ему о такой опасности. А подсознанию он верил. Так что размышления, которым он сейчас предался, касались вовсе не путей спасения от мирового катаклизма, а действий чисто практических, которые следовало предпринять – или, наоборот, предпринимать не следовало – в самое ближайшее время. Уже сегодня. И вот это «следует – не следует», исполненное противоречий, и заставляло сейчас магната нервно ерзать на мягкой коже сиденья, как если бы он пытался отыскать на нем такое место, которое само и подскажет нужное решение.

Дилемма заключалась в том, что, с одной стороны, новую информацию – и только что полученную им, и ту, которую еще только предстояло получить, – следовало хранить в строжайшей тайне, потому что любая утечка ее привела бы к уменьшению возможной прибыли, величину которой Гридень в первом приближении, округляя, представил себе сразу же, как только биржевая операция по всему фронту – не

Москва только, но и Нью-Йорк, Лондон, Страсбург и так далее – возникла в его сознании. Он не только определил порядок величины, но и вчерне уже распределил эти деньги по назначению. Иными словами, суммы эти оказались как бы уже запланированными в бюджет, нарушение которого Гридень считал признаком непрофессиональности. И делиться с кем-нибудь новой информацией означало бы практически не что иное, как делиться прибылью. А этого очень не хотелось. Это было бы противоестественно. Таким образом, вывод напрашивался сам собой: никому ни слова, никаких пояснений, никакой мотивации. Почему продаю? Просто решил вычистить портфель, да и понадобились деньги – шутка ли, три таких парохода покупаются... Убедительно? Убедительно. Поверят или нет – но придраться не к чему.

Но – как отлично понимал Гридень – кто-то придерется и начнет копать.

Может быть, почти для каждого его объяснений хватит. Но только не для Федюни.

Именно так, по старой-старой памяти, Гридень в мыслях называл глубокоуважаемого Федора Петровича Кудлатого, весьма солидного предпринимателя и финансиста, контролирующего значительную часть рынка цветных металлов (не только в России), а также воздушного транспорта и железных дорог, а в далеком уже, но незабвенном прошлом – большого авторитета, Кудряша по кликухе, стоявшего во главе сильной криминальной группировки в Подмосковье.

В этом прошлом, теперь официально как бы и не существовавшем никогда, Федор Петрович тянул (правда, лишь в пору ранней юности и полной неопытности) два немалых срока, числилось за ним несколько крутых разборок с конкурентными организациями, поговаривали даже, что он не погнушался в свое время замочить не одного и не двух своими руками; то ли не полагался на умение братков, то ли не было в ту пору у него таких средств, чтобы заказывать; в последнее, впрочем, Гридень не верил. Хотя, может быть, тогда и в самом деле не хватало бабок; теперь же, по имеющийся информации, был он вторым в России по своей стоимости, уступая лишь Гридню, а намного ли – никак не удавалось уточнить.

Группировки, которой Кудряш некогда заправлял, давно уже не существовало – во всяком случае, так принято было полагать; и напоминать о былых отношениях Кудлатого с нею считалось дурным тоном. Однако Гридень – и не он один – прекрасно знал, что и люди, и организация никуда не девались, они просто приобрели более легитимный, как сейчас выражаются, характер, обзавелись пристойными вывесками и по-прежнему готовы были к любому действию по команде своего несменяемого главаря – все того же Федюни. К серьезному действию.

С Федюней-Кудряшом Гридень совместных дел никогда не вел, хотя порой это обещало выгоду; а не вел он их именно потому, что, верный своей привычке узнавать об интере-

сующих его людях все возможное и невозможное, серьезно изучил предоставленную ему информацию, по давней привычке выразил все математически и подсчитал, что вероятность потерь при совместных действиях с Кудлатым превышает возможную прибыль. Поэтому на предложения – Кудряш делал их дважды – Гридень отвечал вежливым, дипломатически безупречно обставленным отказом. Придаться к нему было нельзя, но затаить обиду – можно, и Гридню было известно, что Федюня обиду затаил.

Нет, Кудлатый переступил уже ту черту, до которой он, вероятно, просто заказал бы Гридню специалистам, с которыми никогда не терял связи и для которых был примерно тем же, кем является папа римский для католиков. От таких разборок Кудлатый отошел, как-никак общаться ему давно уже приходилось в основном с людьми приличными, использующими для сведения счетов иные способы – бескровные, так сказать.

Вместо этого Федюня попытался накрыть Гридню очень прозрачным колпаком, неуклонно следя за всеми его делами. Он играл, как теннисист, занимающийся перекидкой мяча в ожидании ошибки противника. Для такого пристального наблюдения у Кудряша были и средства, и люди, и вообще все, что нужно. Так что делать дела Гридню приходилось с постоянной оглядкой. При всем этом внешне отношения их были нормальными, их можно было бы назвать даже хорошими, и часто оба магната сидели рядом на встречах, сове-

щаниях и прочих высоких тусовках.

Излишне говорить, что на такое внимание к себе Гридень ответил тем же – и имел такое же исчерпывающее представление о делах Кудлатого, как Федюня – о нем. Не так давно его обрадовала весть о том, что у Кудряша завелся рачок; информация исходила из той же поликлиники. Гридень тогда подумал, что судьба, быть может, вскоре избавит его от неприятного противника; кто бы ни занял его место, полагал Гридень, хуже не будет, а только лучше. Поэтому он уже заблаговременно старался правильно выстроить свои отношения с возможными преемниками больного. Но Кудлатый цеплялся за любую возможность продлить свой век, так что предсказать хотя бы приблизительно время печального события не мог даже Гридень. До сих пор это не имело существенного значения для конкретных планов, относясь прежде всего к сфере моральной: услышав о неизбежном, Гридень вздохнул бы с великим облегчением, но дел своих не изменил бы. Сейчас же дело поворачивалось иной стороной, и фактор времени обретал решающее значение.

Потому что Гридень сразу и совершенно ясно понял: уж кого-кого, но Федюню он отговорками насчет пароходов не проведет. Федюня в курсе всех дел. Его портфель содержал не меньше акций самых солидных мировых, глобальных или, как раньше говорили, транснациональных компаний, чем портфель самого Гридня, о содержании которого Кудряш был осведомлен не хуже, чем гриденевский главный

бухгалтер; в многолюдном аппарате холдинга у Кудряша было, разумеется, не меньше своих людей, чем у Гридня – среди людей Кудлатого. И как только Гридень начнет сливать акции, противник почует неладное. При его уме он не затратит много времени, чтобы понять: ситуация крупно изменилась. Примет все меры, чтобы выяснить: в чем секрет? И конечно, выяснит достаточно быстро: по прикидкам Гридню, уже сейчас о грозящей якобы катастрофе знали уже не менее дюжины человек, а скорее – даже больше; при такой широте распространения получить нужные сведения любым из доступных ему способов не составит проблемы; уж тут-то Федюня стесняться не станет. Тем более что (как доложили Гридню совсем недавно) сверху Кудлатому уже делались интересные намеки: там явно искали замену Гридню, понимая, что он в будущей предвыборной кампании если и выступит, то не на кремлевской стороне. И уже сами эти намеки неизбежно должны были разогреть амбиции Кудряша до точки кипения.

Чтобы не вызвать интереса у Кудлатого, акции нужно было бы сдавать очень осторожно, постепенно – но такого времени у Гридню не было. Или, наоборот, выбросить все чохом – но тогда уже само по себе это привело бы к обвалу курсов – и ожидаемая прибыль так и осталась бы лишь воображаемой. Не годилось ни то, ни другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.